

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова
Институт географии
Санкт-Петербургского
государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель

Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284
от 19.02.01

Главный редактор

Катровский А. П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

Артоболевский С. С. (Москва)

Шувалов В. Е. (Москва),

Чистобаев А. И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

Алексеев А. И. (Москва), *Бакланов П. Я.*
(Владивосток), *Бочваров М.* (Болгария),
Гладкий Ю. Н. (С.-Петербург), *Каси-*
мов Н. С. (Москва), *Колосов В. А.* (Мос-
ква), Кучера Т. (Чехия), *Лаппо Г. М.* (Мос-
ква), Ленц Х. (Германия), *Мироненко Н. С.*
(Москва), *Пирожник И. И.* (Беларусь), *Руд-*
ский В. В. (Смоленск), *Сэлноу Дж.* (Вели-
кобритания)

Редакционная коллегия:

Белозеров В. С. (Ставрополь), *Вардом-*
ский Л. Б. (Москва), *Дронов В. П.* (Моск-
ва), Евдокимов М. Ю. (Смоленск), *Евдо-*
кимов С. П. (Смоленск), *Кочуров Б. И.*
(Москва), *Липец Ю. Г.* (Москва), *Ма-*
жар Л. Ю. (Смоленск), *Поросенков Ю. В.*
(Воронеж), *Сафиулин Р. Г.* (Уфа), *Смир-*
нягин Л. В. (Москва), *Ткаченко А. А.*
(Тверь), *Туманов С. В.* (Москва), *Фети-*
сов А. С. (Москва), *Хурский П.* (Польша),
Шарыгин М. Д. (Пермь), *Шкаликов В. А.*
(Смоленск)

Секретарь

Касьяненко Е. Н.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2,
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: 68-35-80. E-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 01.11.04 г.

Формат 70x108 1/16.

Гарнитура «Times». Печ. листов 11,5.

Тираж 300 экз.

Отпечатано:

ИД № 02774 от 7.09.2000

Издательство «Универсум»

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2.

Тел.: 68-34-45. E-mail: abc@shu.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

Основан в мае 2002 года

Выходит 2 раза в год

№2(4) 2004

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Т. И. Потоцкая. Алмазно-бриллиантовый комплекс России 3

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Л. Б. Карачурина. Внутривоссийские миграции: региональный анализ 17

Е. Роберова. Влияние миграций на национальный состав населения Прибалтики (1940—2003 гг.) 24

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

М. Д. Горячко. Структурные сдвиги в промышленности Центрального экономического района 33

И. А. Ткаченко. Пути оптимизации дилерской сети ТНК «ДаймлерКрайслер» на российском рынке 49

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

М. И. Костюченко. Приграничное положение как фактор цикличности регионального развития Смоленской области: историко-географический обзор 56

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

А. П. Катровский. Демографические угрозы устойчивому развитию Смоленской области 65

Ж. А. Чижевская. Региональные особенности размещения и социально-экономического развития малых городских поселений Беларуси 71

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

З. А. Атаев. Эколого-экономическая оценка локальных систем энергетического снабжения Центрального экономического района России 79

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

С. П. Москальков. Пространственные и временные аспекты экономико-географического положения производственных территориальных систем 90

М. М. Голубчик. Экономико-географическое положение г. Саранска: характерные черты и проблемы использования потенциала 99

С. П. Евдокимов. Слово о коллеге: к 70-летию со дня рождения М. М. Голубчика 103

КНИЖНАЯ ПОЛКА

С. П. Евдокимов. Очерки о жизни и научной деятельности известных петербургских географов 106

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Т. И. Потоцкая (Смоленск)

АЛМАЗНО-БРИЛЛИАНТОВЫЙ КОМПЛЕКС РОССИИ

Pototskaya T. I.

DIAMOND AND BRILLIANT COMPLEX OF RUSSIA

The article reveals the geographical peculiarities of diamond mining and manufacturing in Russia. Evaluation of the diamonds stock is made in the work. Special consideration is given to diamond and jewelry trade on the domestic and foreign markets. Jewelry exhibitions in Russia are listed. The main trends of development of the Russian diamond and brilliant complex are studied in the article.

Несмотря на то, что в деятельность алмазно-бриллиантового комплекса (АБК) мира, вовлечено более 50 государств (25% национальных экономик, формирующих мировое хозяйство), только 14 из них определяют его развитие – Ботсвана, Россия, Канада, ЮАР, Индия, Бельгия, Израиль, США, Япония, Китай, Гонконг, Таиланд, Италия, ОАЭ. Каждая из перечисленных стран обладает своей специализацией в рамках АБК. Так, Ботсвана, Россия, Канада, ЮАР – это основные производители природных алмазов; Индия, Израиль, Бельгия, Россия, Таиланд, США – основные производители бриллиантов; Япония, Италия, США, ОАЭ – основные потребители бриллиантов и ювелирных изделий с бриллиантами. Кроме того, есть государства, значимость которых в АБК связана в первую очередь с наличием хорошо отлаженных механизмов продвижения алмазов и/или бриллиантов, ювелирных изделий с бриллиантами на мировом рынке, в силу чего они играют роль посредников – Бельгия, Израиль, Гонконг, ОАЭ. Очевидно, что место России в рассматриваемом комплексе обусловлено высоким уровнем развития ее алмазодобычи (2 место в мире) и гранильного производства (3–4 места в мире).

В силу относительной информационной закрытости алмазно-бриллиантового комплекса мира и России, данная работа строится на изучении структуры АБК, исходя из выделения его основных производящих отраслей (алмазодобыча, производство бриллиантов, ювелирное производство).

Алмазодобывающая отрасль

Запасы алмазов. По объёму прогнозных ресурсов и разведанных запасов Россия занимает первое место в мире; они составляют, по разным оценкам, 35-50% мировых. Однако ресурсы, служащие ближайшим резервом для прироста запасов, не превышают 16% суммарных [1]. Основная часть прогнозных ресурсов страны (около 65%) приходится на приполярные районы Западной Якутии с неразвитой инфраструктурой; из них на районы действующих алмазодобывающих предприятий – не более 10%. Около 20% ресурсов располагается в Архангельской области и только 10% – в промышленно развитых районах европейской части России.

Запасы алмазов, которые могут быть вовлечены в эксплуатацию без крупных капита-

ловложений (участки для открытой отработки, новые месторождения вблизи действующих горно-обогатительных комбинатов – ГОКов, россыпи), составляют около 30% российских запасов.

Государственным балансом учтено 49 месторождений алмазов [1, 6], 16 из них – с забалансовыми запасами. Все месторождения сосредоточены в трех алмазоносных провинциях: Р. Якутии – Малоботубинский, Далдыно-Алакитский, Средне-Мархинский, Анабарский, Приленский, Муно-Тюнгинский районы; Пермской области – Вишерский район; Архангельской области – Приморский район. Наиболее крупными месторождениями алмазов в России являются месторождения Якутии (81,6% балансовых запасов категорий В + С1) – трубка «Удачная» (22,9% российских запасов) и трубка «Юбилейная» (20,3%). В трубках Накынского поля – «Нюрбинская» и «Ботубобинская» заключено около 10,6% запасов, в глубоких горизонтах трубок «Мир» и «Интернациональная» – соответственно 9,9% и 5,4%, в трубке «Зарница» – 3,9%. Содержание и качество алмазов выше всего в трубках «Интернациональная» и «Мир», далее (по убыванию этих показателей) следуют трубки Накынского поля, «Удачная» (с наивысшим на сегодня уровнем добычи алмазов) и «Юбилейная», где низкие содержания и качество алмазов компенсируются их значительными запасами.

Вторым по размеру запасов алмазоносным районом России является Архангельская область, на ее территории расположены 5 месторождений – «им. М.В. Ломоносова», «им. Гриба», «Карпинского», «Пионерское», «Поморское». На долю первых двух приходится, соответственно, 16,8% и 4,4% запасов страны. Содержание алмазов в них ниже, чем в месторождениях Республики Саха (Якутия), а качество алмазов соответствует среднему качеству якутских или несколько ниже. Месторождение «им. М.В. Ломоносова» разведано уже более 15 лет назад, однако сложные условия его разработки и невысокое содержания алмазов делали его освоение неактуальным. Правами на разработку месторождения владеет совместное предприятие ОАО «Севералмаз», в котором компания «АЛРОСА» имеет более 72% акций (с августа 2003 г. – более 92%). Месторождение «им. Гриба» характеризуется более высоким содержанием алмазов. Лицензией на него владеет компания «Архангельскгеолдобыча».

Лицензия на разработку всех промышленных россыпей в Пермской области принадлежит НП «Прииск Уралалмаз».

Доля распределенного фонда месторождений алмазов, учитываемых Государственным балансом РФ – одна из самых высоких в добывающей промышленности. По состоянию на 1.01.2001 г. она составляет 93,9% от разведанных запасов, в т.ч. для коренных месторождений – 97,5%, для россыпей – 33,1% (32,6%). Всего выдана 31 лицензия (в т.ч. 20 – на разрабатываемые месторождения), из них 14 – на коренные, 17 – на россыпные.

Обеспеченность действующих рудников разведанными запасами в целом по стране при современном уровне добычи составляет 34 года, но запасов для открытой отработки на действующих предприятиях значительно меньше: на руднике «Удачный» их хватит на 7 лет, на втором крупнейшем руднике – «Мир» – они закончились, добыча остановлена. На длительную перспективу запасами для открытой отработки обеспечен только Айхальский ГОК с трубки «Юбилейная». Обеспеченность запасами эксплуатируемых россыпей составляет 16 лет.

Прирост запасов за последнее десятилетие не компенсировал добычу, из-за чего балансовые запасы алмазов России по сравнению с 1991 г. сократились в 2001 г. почти на 18%, и только разведка и утверждение запасов трубок Накынского поля позволили в 2002 г. уменьшить это падение до 7,8%.

Добыча алмазов. По объему добычи алмазов в стоимостном выражении (1,61 млрд. долл.) Россия находится на втором месте в мире – это составляет 18% мирового производства [33, 34]. По объему добычи алмазов в весовом выражении (22 млн. кар.) Россия занимает третье место в мире (17,3% мирового производства). При этом объем добываемых алмазов и в стоимостном, и в весовом выражениях в течение всего последнего десятилетия устойчиво рос. Предполагается, что эта тенденция сохранится и в будущем. Так, в весовом выражении объем добычи России увеличится к 2008 г. до 24 млн. кар., а в стоимостном – до 1,9 млрд. долл. Средняя стоимость добываемых Россией алмазов также постоянно увеличивается (2001 г. – 78 долл./кар., 2003 г. – 86 долл./кар.).

Около 99% российских алмазов добывается в Республике Саха (Якутия), 1% – в Пермской области. В Якутии разрабатывается 7 трубок и 3 россыпи, но большая часть добычи прихо-

дится на два месторождения – трубки «Удачная» (средняя стоимость добытых алмазов составляет около 80 долл./кар.) и «Юбилейная» (средняя стоимость добытых алмазов составляет около 65 долл./кар.) [30].

Алмазодобывающий комплекс России формируется деятельностью 20 компаний (по основному виду деятельности – «добыча алмазов»). Из них 6 относятся к различным видам иностранной собственности. Кроме того, добычей алмазов могут заниматься 84 компании (по второстепенному виду деятельности – «добыча алмазов») [36]. Однако реально практически все производство природных алмазов осуществляется тремя структурами:

- акционерное общество работников (народного предприятия) прииска «Уралалмаз»;
- открытое акционерное общество (ОАО) «Севералмаз»;
- АК «АЛРОСА».

Прииск «Уралалмаз» разрабатывает уральские россыпи в Пермской области с 1941 г. ОАО «Севералмаз» ведет проектные и подготовительные работы к освоению крупнейшей в Европе минерально-сырьевой базы алмазов – пяти месторождений в Архангельской области. Добычи алмазов здесь началась в 2003–2004 гг. Срок отработки утвержденных запасов более 40 лет.

АК «АЛРОСА» добывает алмазы в Якутии. Ее деятельность представлена работой пяти ГОКов: Мирнинский, Айхальский, Удачинский, Анабарский и Нюрбинский. Компания «АЛРОСА», кроме того, имеет контрольные пакеты акций в ОАО «Севералмаз» (более 90%) и АК «АЛРОСА-Нюрба». На долю компании в настоящее время приходится более 99% добываемых в России алмазов (20% которых – ювелирные). В 2003 г. она добыла алмазов на сумму 1,61 млрд. долл. К 2005 г. добыча алмазов приблизится к 2,0 млрд. долл. Согласно ежегодным рейтингам журнала «Эксперт» [22], акционерная компания «АЛРОСА» входит в двадцатку крупнейших российских компаний с наилучшей репутацией (5 место) и экспортеров (12 место).

В целом, алмазодобывающий комплекс России в настоящее время добывает алмазов на сумму 1,7 млрд. долл., из которых более 60% экспортируются. По объему добычи алмазов в стоимостном выражении «АЛРОСА» устойчиво занимает второе место в мире после «De Beers» [6], производя около 20% их мирового объема.

На сегодняшний день «АЛРОСА» – это акционерное общество (32% акций у правительства Якутии, 23% – у трудового коллектива компании, 8% принадлежат улусам (районам) республики, у Российского фонда федерального имущества только 37%), представляющее из себя вертикально интегрированную компанию, состоящую из алмазодобывающих предприятий – 5 ГОКов (Удачинский, Айхальский, Мирнинский, Анабарский, Нюрбинский), дочерних компаний в алмазодобыче – «Севералмаз», «Алмазы Анабара», «Терра»; гранильных предприятий (6) – «Бриллианты АЛРОСА» (Москва), «Орел – Алмаз», «Орел – АЛРОСА» (Орел), предприятия с долевым участием – «Алмазный мир» (Москва), «Бриллианты Поморья» (Северодвинск), «Гагарин» (Смоленская область), работа на давальческой основе с «Кристалл» (Барнаул); ювелирных производств (2) – «Алмазный двор» (Москва), АЛРОСА – Нева (Санкт-Петербург), в перспективе Бронницкий ювелирный завод.

АЛРОСА имеет зарубежные представительства в Лондоне (Великобритания), Антверпене (Бельгия), Луанде (Ангола), Рамат Гане (Израиль) с тенденцией их перерастания в филиалы (Луанда). Филиал в Анголе ведет активную алмазодобычу по проекту «Катока», на перспективу проект «Камачия – Камажику» [6, 7, 15].

Основные партнеры – зарубежные (De Beers) – продажи алмазов составляют 500 млн. долл. в год, а так же 300 млн. долл. в год невостребованные на внутреннем рынке остатки; отечественные (120 партнеров, 20 из которых с иностранным капиталом) – продажи алмазов составляют 700 – 850 млн. долл. в год. Из российских партнеров наиболее важные (45% сырья) – ОАО «ПО «Кристалл», ЗАО «Руиз Даймондс», ООО «Мосалмаз», ЗАО «Альпро».

Торговля алмазами. На внутреннем рынке реализуется около 50% добываемых в стране алмазов (855 млн. долл.), они направляются на гранильные предприятия России.

Кроме того, в Гохране России регулярно (1–3 р. в год) проводятся аукционы алмазного сырья (выставляется сырье массой от 10,8 до 20 кар. различных форм и качественно-весовых характеристик, стоимостью 2–10 млн. долл.). Камни размером более 40 кар. предлагаются редко (до 20 штук в год). Подавляющее большинство бриллиантов, получаемых из такого материала – это камни в диапазоне 5–7 кар. Так, в 2004 г. Гохран России намерен провести три аукциона по продаже на внутреннем рынке необработанных

алмазов. Планируется продать драгоценные металлы и камни из Госфонда на сумму 32 млрд. руб. и закупить – на 12 млрд. руб. [18].

Проходят в России и международные аукционы по продаже алмазов специальных размеров. Устроителями таких аукционов выступают «АЛРОСА» и «Алмазная палата России».

В целом, стоит отметить, что в силу того, что спрос на алмазы в России постоянно растет и превышает их предложение, цены на алмазное сырье также быстро увеличиваются. Как отмечают специалисты «ТД Грэйс – Д», за 2003 г. цены на самое ходовое алмазное сырье на отечественном рынке: -7 +6; -9 +7 выросли более чем на 30% [28]. Этот процесс, в свою очередь, приводит к усилению конкуренции за сырье между производителями бриллиантов.

2. Гранильное производство

Россия, являясь одним из крупнейших мировых производителей алмазов, в то же время располагает развитой гранильной промышленностью. Однако в силу ряда объективных причин (невысокого уровня социально-экономического развития страны и, как следствие, низкого уровня покупательской способности населения – ВВП на душу населения 2900 долл. [39]; большой себестоимости обработки алмазов в России, что определяется высоким уровнем механизации и электрификации этого процесса, а также использованием квалифицированного труда) гранильная отрасль ориентирована прежде всего на экспорт (95–97% объема продаж).

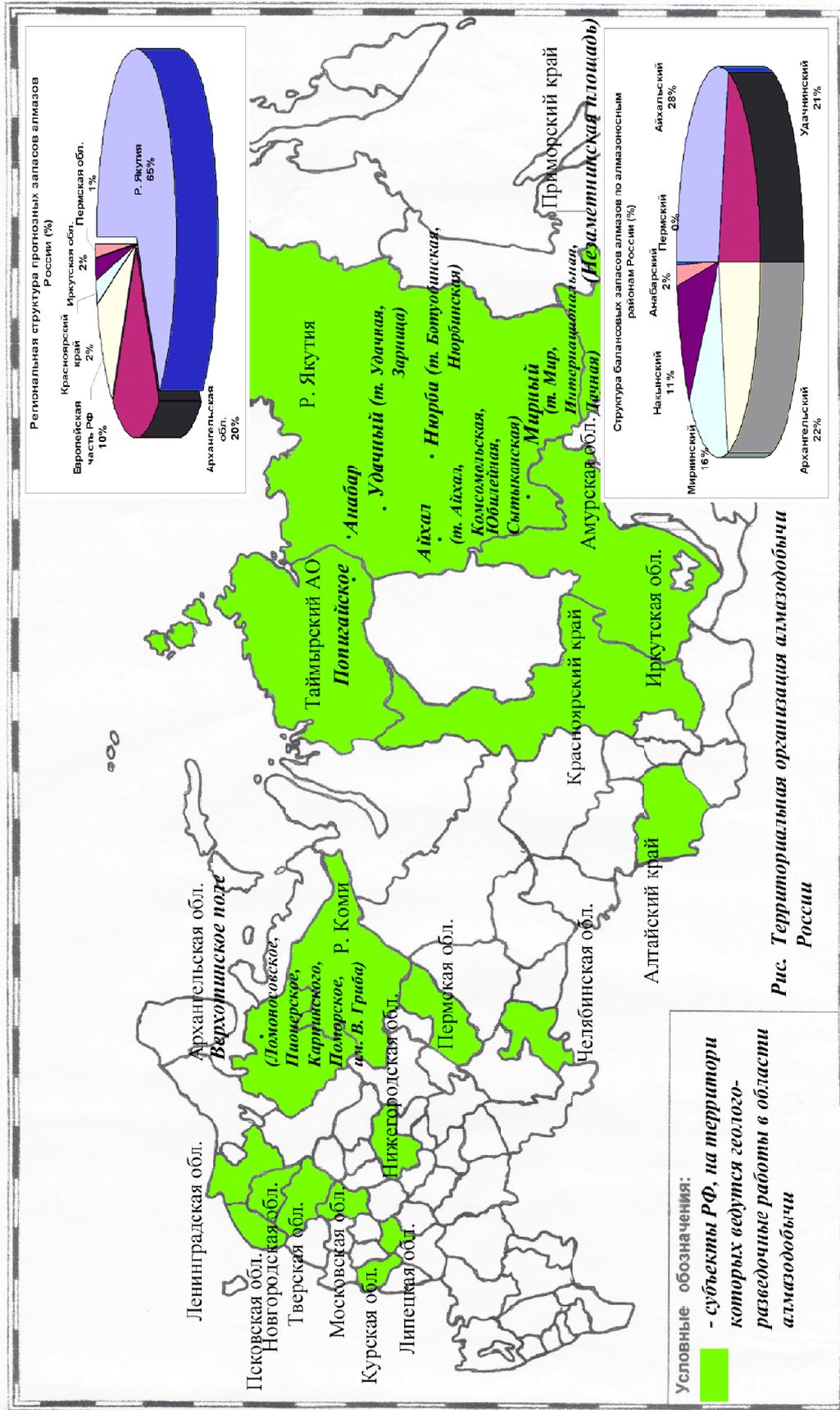
Объем производства бриллиантов в России в 2003 г. составил 800–900 млн. долл. (6% мира) – 5 место в списке мировых производителей бриллиантов [33, 34], при этом только 3–5% (около 50 млн. долл.) продукции потребляется российской ювелирной промышленностью. В целом же объем реализации бриллиантов на отечественном рынке оценивается в 100 млн. долл. Из них, около 40% – нелегально ввозимый в страну товар [28], (в основной своей массе, это мелкогабаритные бриллианты низкого качества огранки из стран Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии), т.к. легальный импорт бриллиантов облагается таможенными пошлинами в 20% от стоимости товара (плюс 18% НДС).

Наибольшим спросом в России пользуются мелкие бриллианты – до 0,30 кар. (особенно весовая категория 0,01 – 0,10 кар.) [28]. Именно данная категория составляет 95% бриллиантов, реализуемых на внутреннем рынке. Однако мар-

кетинговые исследования текущего (2004) года показывают, что спрос на бриллианты и более высоких весовых категорий (0,30–0,90 кар.) постоянно растет, при этом наиболее популярные формы огранок – «идеальная», «принцесса», «изумруд» [31,32]. Но все же приобретать бриллианты весом более 0,50 кар., пока еще может себе позволить лишь 5% населения страны [28]. На внешний рынок (в США, Японию, Израиль, Бельгию, Швейцарию, ФРГ) российские производители экспортируют более качественные и крупные бриллианты [11].

Основными производителями бриллиантов являются 78 предприятий (по основному виду деятельности – «огранка алмазов») или 221 предприятие (по второстепенному виду деятельности – «огранка алмазов») [36, 23]. Из них 30 относятся к разным видам иностранной собственности. Основными иностранными владельцами компаний выступают юридические и физические лица США, Израиля, Бельгии, Индии, Нидерландов, Люксембурга, Великобритании (Британские Виргинские острова), т.е. государств, выделяющихся на мировом рынке или наличием традиционного гранильного производства, или льготного законодательства, необходимого для осуществления финансовых операций.

Большая часть предприятий концентрируется в Москве (27), Якутии (14), Смоленской области (9). Но ведущими можно считать всего несколько компаний. Во-первых, это ОАО «ПО «Кристалл» (Смоленск) – объем продаж 270 млн. долл. (33,7% производства бриллиантов в стране). Вместе со своими СП («Кристаллдиам», «Феникс Даймондс», «КристаллДиам – Прогресс», «Смоленск – Таше», «Смоленск – Ориентал», «Алмаз», «Содружество», «Гагарин»), расположенными в Смоленской области, предприятие продает в год бриллиантов на сумму 350 млн. долл. Во-вторых, «Руиз Даймондс» (Москва) – объем продаж 150 млн. долл. (18,7% производства бриллиантов в стране) обрабатывает алмазы на двух предприятиях – «Кама Кристалл» (Пермь) и на части мощностей «Кристалл» (Москва). В-третьих, АК «АЛРОСА» – объем продаж 140 млн. долл. (17,5% производства бриллиантов в стране). Данная компания гранит алмазы на мощностях своих дочерних предприятий («Бриллианты АЛРОСА» – Москва, «Орел – Алмаз», «Орел – АЛРОСА» – Орел, «Алмазный мир» – Москва, «Бриллианты Поморья» – Северодвинск, «Гагарин» – Гагарин), а также работает на давальческой основе с

«Кристалл» (Барнаул). В-четвертых, «Туймаада Даймондс» (53 гранильных завода в Р. Якутии) – 140 млн. долл. (17,5% производства бриллиантов в стране). В совокупности эти предприятия дают 88% производства бриллиантов России.

Из перечисленных производителей бриллиантов безусловным лидером и по количеству и по качеству продукции, является ОАО «ПО «Кристалл» (Смоленск). Эта компания – единственный российский сайтхолдер De Beers (20% закупаемого «Кристаллом» алмазного сырья). Специализируется на производстве бриллиантов высокого и высшего качества, так называемой «русской огранки»: продукция категорий огранки Good, Very Good, Excellent составляет около 90% (это 30 % мирового рынка высококачественных бриллиантов). Большая часть объема продукции (свыше 80%) – бриллианты круглой огранки, остальная продукция приходится на бриллианты фантазийных форм огранки и форм, которые разработаны и производятся только на предприятии [9, 19, 20].

Особое значение для реализации, производимой продукции, имеют зарубежные дочерние компании, находящиеся в Антверпене (Smolensk Diamonds NV), Тель-Авиве (Smolensk Diamond Israel Ltd), Гонконге (Smolensk Diamonds Asia Ltd), Нью-Йорке (Smolensk Diamonds USA, Inc). Большая часть продаж осуществляет ОАО «ПО «Кристалл», из них 84% продукции идет на экспорт, 1% реализуется на внутреннем рынке. Оставшиеся 15% продают зарубежные дочерние компании. Основные направления экспорта бриллиантов, учитывая реэкспорт – Европа (Бельгия), США, Азия (Япония, Гонконг, Израиль). После официального разрешения Правительством РФ экспорта гранильными предприятиями страны 15% закупаемых алмазов, «Кристалл» в партнерстве с китайской компанией открыл новое гранильное предприятие в Гуаньчжоу. Наблюдать за работой предприятия будет гонконгский офис «Кристалла».

На современном этапе развития в гранильной отрасли России можно выделить две основные проблемы. Во-первых, это превышение спроса на алмазное сырье над его предложением (как на мировом, так и на внутреннем рынках) и, как следствие, быстрый и постоянный рост цен на него. Во-вторых, угроза миграции производства в страны с его низкой себестоимостью (огранка I кар. бриллианта в Бельгии и Израиле стоит 50–60 долл., в России 40–50 долл., в Китае 20 долл., Индии 10–15 долл.) [20], т.к.

огранка мелких низкосортных алмазов в стране уже нерентабельна. Со временем, когда качество огранки алмазов улучшится в странах Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии, обработка и качественного сырья может стать нерентабельной в РФ.

3. Ювелирное производство

Состояние отрасли. Обладая уникальной сырьевой базой (в 2002 г. в стране было добыто: золота 164,8 т. (6% от мира), серебра 625 т. (3,4 % мира), платины 40,4 т. (22% мира), палладия 135 т. (60% мира), алмазов на сумму 1,65 млрд. долл. (21% мира), Россия не может не иметь ювелирного производства.

В отличие от алмазодобычи и гранильной отрасли России, которые развиваются в соответствии с общемировыми тенденциями, ситуация в ювелирной промышленности нашей страны обладает рядом уникальных черт. Так, если мировое производство ювелирных изделий на современном этапе развития испытывает большие трудности (быстрый рост цен на всю гамму драгоценных металлов, война в Ираке, атипичная пневмония в Азии привели к резкому снижению спроса на ювелирные изделия, и, как следствие, к снижению производства в 2003 г. на 7%), то для ювелирного производства России характерен интенсивный рост (2003 г. – 30%). С 1998 по 2003 г.г. объем выпуска продукции в денежном выражении увеличился более чем в три раза. Наибольшие темпы роста производства ювелирных изделий были характерны для 1999 г., составив 58,4% по сравнению с предыдущим годом и для 2001 г. – прирост 42,7%. В 2002 г. темпы роста значительно снизились – 3%, а в 2003 г. начали восстанавливаться – 30%.

По экспертным оценкам [8, 21], российские ювелиры в 2003 г. произвели изделий почти на 1 млрд. долл. в оптовых ценах. Часть этой продукции выпускается по кооперационным схемам с зарубежными ювелирными производителями (существует устойчивая тенденция ввоза российскими производителями полуфабрикатов ювелирных изделий, используемых в качестве комплектующих или основы для изготовления ювелирной продукции; произведенная из полуфабрикатов продукция представляется в государственные инспекции с именем российского производителя и реализуется как российский товар).

При этом российские производители все больше уступают рынок иностранным

компаниям (по экспертным оценкам, около 40–50% ювелирных изделий на российском ювелирном рынке иностранного производства) [8], что обусловлено лучшим соотношением цена – качество у последних. Официальная доля иностранных ювелирных изделий на российском рынке составляет 10%. Большая часть продукции поступает из Турции, Италии, ФРГ, Франции, Швейцарии, ОАЭ, Таиланда [8, 21].

Одной из причин невысокого уровня развития ювелирной отрасли в России является отсутствие в России среднего класса, составляющего основной контингент покупателей ювелирных украшений с бриллиантами. Согласно оценкам, основная часть населения (примерно 73%) не покупает изделия с бриллиантами или покупает их крайне редко на распродажах, со скидками. Всего около 18,4% населения, которое относится к среднему классу, являются основными покупателями ювелирных изделий отечественного производства, в том числе и с мелкими бриллиантами до 0,10 карата. Средняя цена продаваемого ювелирного изделия с бриллиантами в России сохраняется в течение нескольких последних лет на низком уровне – 200 долл. [16].

Субъекты ювелирного рынка. В 2002/2003 г.г. на территории России действовало 1025/1000 предприятий по производству ювелирных изделий и 2492/2532 индивидуально-предпринимателей в данной сфере [37], из них – 147 предприятий были заняты изготовлением ювелирных изделий с бриллиантами (по данным Ювелирного каталога и каталога «Ювелир – 2003») [29]. При этом большая их часть была сконцентрирована в Москве (72), Санкт-Петербурге (20), Костромской области (12), Екатеринбурге (10), Якутии (7). Более того, основная доля производимой ювелирной продукции (60%) приходится всего на 20–25 субъектов производства [8].

Как отмечает Горыня А., исторически на территории России сложились четыре центра производства ювелирных изделий: Кострома, Красное – на – Волге и их окружение; Санкт-Петербург; Екатеринбург и Челябинск; Москва и Подмосковь. Они и сейчас удерживают лидирующие позиции в производстве ювелирной продукции. В последние годы набирают силу ювелирные предприятия, расположенные в Ростове, Орле, Саратове, способные уже сейчас повлиять на тенденции развития внутреннего ювелирного рынка. Крупные ювелирные производства зарождаются в Якутии и на

Дальнем Востоке. Остальная территория пока очень слабо охвачена деятельностью отечественной ювелирной промышленности. Лидирующее положение исторических центров ювелирной промышленности, объясняется не только их географическим положением, но и размещением на этих территориях еще со времен СССР государственных ювелирных предприятий. В перечисленных регионах есть учебные центры подготовки кадров для ювелирной отрасли и устоявшиеся национальные традиции ювелирного мастерства. Имеет значение и то, что в этих городах или вблизи них расположены государственные инспекции пробирного надзора, осуществляющие контроль за драгоценными металлами в изделиях с последующим их клеймением.

Всех российских производителей ювелирной продукции можно условно разделить на четыре категории (согласно лигатурной массе выпускаемых изделий [12]).

В первую группу (0,02% от общего числа предприятий) входят порядка 50 крупных предприятий, объем выпуска, которых превышает 50 кг изделий в месяц. От общего объема рынка такие предприятия выпускают около 18% продукции в год, однако в общей картине рынка их доля с 1999 по 2002 г.г. снизилась с 25% до 18%.

Во вторую группу (8–9% от общего числа предприятий) попадают предприятия, которые ежемесячно выпускают продукции от 10 до 50 кг. На сегодняшний день это наиболее динамично развивающиеся производства, выпускающие основную массу товарной продукции. Кроме того, эти предприятия пытаются завоевать иностранные рынки сбыта.

В третью группу (50%) относятся предприятия, выпускающие в месяц от 1 до 10 кг изделий. В настоящее время происходит стабильное развитие данной области рынка, однако объемы продукции, выпускаемые этими предприятиями, пока не могут сильно влиять на отечественный рынок ювелирных изделий.

В четвертую группу (40%) попадают частные предприниматели и художники-ювелиры, работающие по частным заказам.

Намечаются тенденции четкой специализации предприятий, применяющих определенный вид сырья, что особенно хорошо просматривается в производствах, располагающихся в исторических центрах ювелирной промышленности России. Большинство быстроразвивающихся предприятий к настоящему моменту уже заняли свою нишу и закрепились на рынке, производя

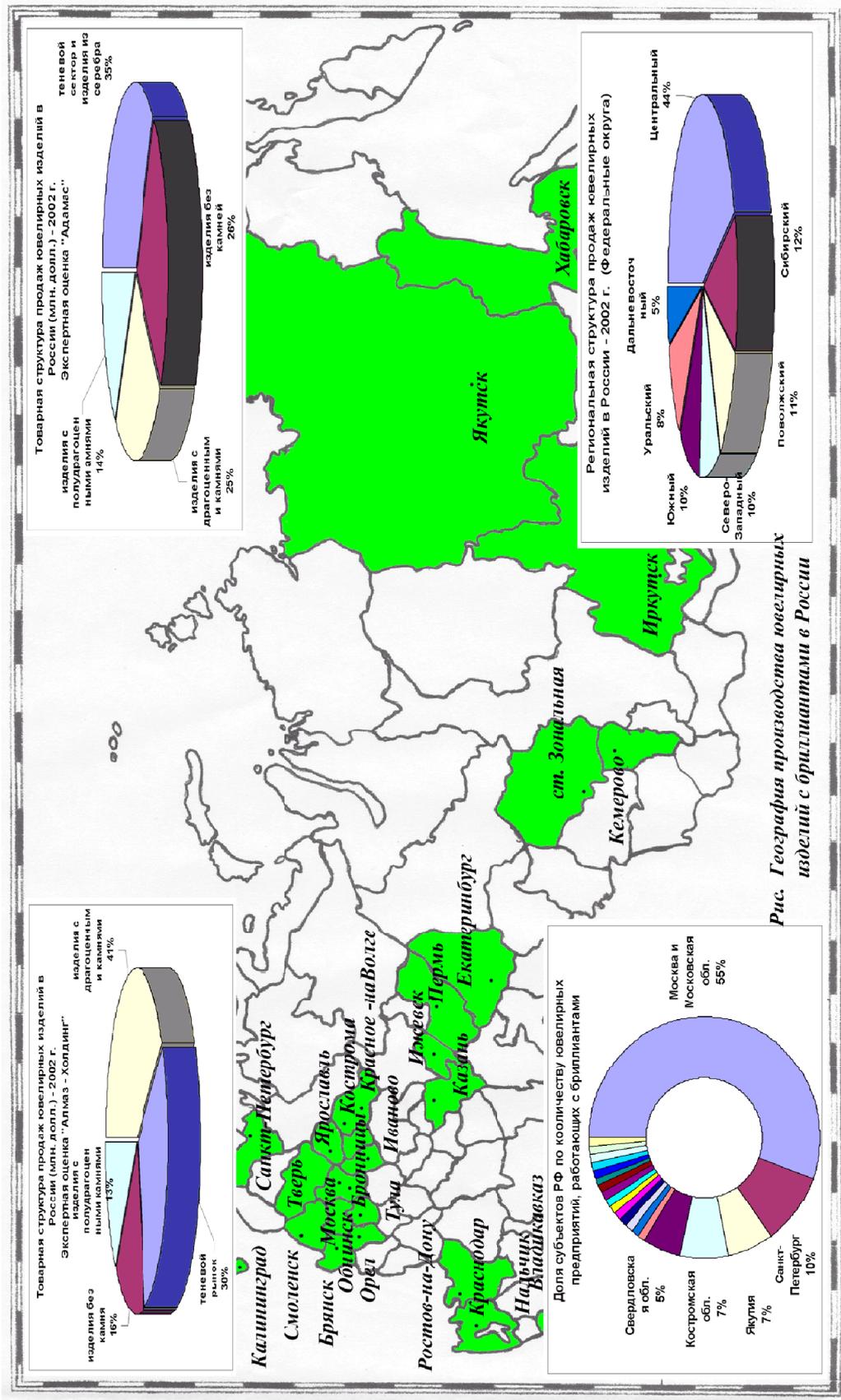

Рис. География производства ювелирных изделий с бриллиантами в России

продукцию определенного ассортимента. Однако, как отмечают специалисты [11], процесс структурной перестройки рынка еще не закончен. В мировой практике доля крупных предприятий составляет примерно 26%, доля средних 15–20%, а на долю малых приходится 55–60%. Это обстоятельство необходимо учитывать России при вступлении в ВТО.

Лидер российских производителей ювелирных изделий – Столичный ювелирный завод «Адамас», который ежегодно выпускает более 1,5 млн. золотых украшений общей массой до 4 т. (в пересчете на чистоту). На втором месте по переработке золота стоит завод «Русские самоцветы» (г. Санкт-Петербург) – около 1,0–1,4 т. в чистоте. Из других производителей стоит отметить: ОАО «Бронницкий ювелир» (г. Бронницы, Московской области), ОАО «Золото Алмаз Холдинг» (включает в себя ОАО «Красносельский Ювелирпром» и ОАО «Костромской ювелирный завод»), ОАО «Ювелиры Урала» [16] и т.д.

В 2002 г. российские ювелиры (данные Пробирной палаты РФ) произвели 30,6 млн. шт. ювелирных изделий, общим весом 109,6 т.:

- 17,5 млн. штук ювелирных изделий из золота, общей массой 43 тонны;
- 13,06 млн. штук изделий из серебра, общей массой 66,5 тонны;
- 20,95 тыс. штук ювелирных изделий из платины, общей массой 102,8 кг;
- 890 ювелирных изделий из палладия, общей массой 2,02 кг;
- Пробирная палата в 2002 г. опробовала и заклемила ювелирных изделий иностранного производства из золота 97 тыс. штук общей массой 530 кг; из серебра – 1,65 млн. штук общей массой 8,5 тонн.

В 2003 г. в производстве ювелирных украшений отмечался дальнейший рост (30%) – произведено 39 млн. шт. изделий, общим весом 54,5 млн. т.

Торговля ювелирными изделиями. По оценкам специалистов, потенциальная годовая емкость российского рынка изделий из драгоценных металлов и камней составляет 1–2 млрд. долл.

Структура внутреннего ювелирного рынка определяется производством и реализацией на нем трех видов изделий – изделия без камней, изделия с недорогими и полудрагоценными камнями, изделия с драгоценными камнями. Соотношение их на рынке разными субъектами оценивается неоднозначно. Так, ювелирная груп-

па «Адамас» считает, что на изделия без камней приходится около 435 млн. долл.; на изделия из недорогих и полудрагоценных камней – 250 млн. долл.; на изделия с драгоценными камнями – 432 млн. долл. (всего – 1,2 млрд. долл. легального рынка, с учетом черного рынка эта величина достигает 1,8 млрд. долл.). В то же время ювелирная компания «Алмаз – Холдинг» считает, что на изделия без камней приходится 315 млн. долл., на изделия с полудрагоценными камнями – 255 млн. долл., на изделия с драгоценными камнями – 800 млн. долл. (всего 1,37 млрд. долл., учитывая нелегальный рынок – не менее 30%, 2 млрд. долл.) [26].

Российский рынок ювелирных изделий, также как и мировой рынок, – сезонный, основные продажи приходятся на зиму и начало весны, т.к. большинство людей покупают украшения в подарок – к Рождеству, Новому году и к 8 Марта. К декабрьским продажам участники рынка начинают готовиться уже в июле. Покупательная способность российского населения невысока, и это отражается на размере бриллиантов в продаваемых ювелирных изделиях. На внутреннем рынке реализуются украшения с самыми мелкими бриллиантами, (по оценкам некоторых участников рынка, 95% ювелирных изделий с бриллиантами, имеют вес бриллиантов менее 0,30 карат). По результатам исследования компании «Комкон», аудиторию которого исследователи охарактеризовали как средний «класс», дешёвые украшения, стоимостью менее 3000 руб., покупает 13,2% наших соотечественников. Изделия дороже 60000 руб. смогли позволить себе только 0,3% опрошенных. Тем не менее интерес к дорогим ювелирным изделиям у россиян есть. Сегодня на внутреннем рынке существует неудовлетворённый спрос на украшения со средними и крупными камнями. Рынок практически целиком насыщен отечественной продукцией, доля импорта среди украшений с бриллиантами не превышает 15%.

Продажей ювелирных изделий занимаются 18595 предприятий (данные Пробирной палаты России). В 1995 г. таких предприятий было всего 6843. Таким образом, за шесть лет количество зарегистрированных торгующих организаций возросло в 3 раза.

В настоящее время сформировались три основных типа предприятий торговли: независимые продавцы с единственным магазином; корпоративные торговые сети, состоящие из десятков магазинов и торговых точек, принадлежащих одному, часто коллективному,

собственнику; предприятия, использующие договоры, которые позволяют начинающему предпринимателю пользоваться популярной торговой маркой, получать помощь в снабжении изделиями, рациональный для данного региона ассортимент и установившийся стандарт обслуживания покупателей.

Большинство российских ювелирных магазинов работает по принципу реализации изделий одного или нескольких производителей. Однако существует и большая сеть магазинов, которые входят в состав корпоративной группы. Например, Столичный ювелирный завод «Адамас» имеет свою сеть из 30 магазинов практически во всех регионах России. Еще большее количество магазинов (около 70) имеет компания «Алмаз-Холдинг», ОАО «Центр Ювелир» объединяет 22 крупных магазина. Торговые сети ювелирной группы «Адамас», компаний «Алмаз-Холдинг» и «Центр Ювелир» по праву являются ведущими торговыми предприятиями, определяющими продажи ювелирных изделий в России.

Существует также множество торговых домов, например «Русские самоцветы» (Санкт-Петербург). «Русский ювелирный дом» (Москва), торговые дома «Декор» (Москва), «Златая цепь» (Красноярск) и др.

Основная масса продаж ювелирных изделий в стоимостном выражении реализуется на территории субъектов РФ, входящих в Центральный Федеральных округ (44%); приблизительно одинаковое количество ювелирных изделий (по 11%) продается в Сибирском, Поволжском, Северо-Западном, Южном Федеральных округах; самый низкий объем продаж (8-5%) характерен для Уральского и Дальневосточного Федеральных округов, соответственно [25].

Ювелирные выставки в России. Деятельность субъектов ювелирного рынка можно рассматривать и через работу ежегодных ювелирных выставок, т.к. именно здесь, во-первых, хорошо видны основные производители и потребители ювелирных изделий, а во-вторых, формируются основные тенденции развития отрасли.

Из 15 государств, выделившихся из состава СССР, только на территории 7 регулярно проводятся ювелирные выставки [13, 14]: Россия, Украина, Молдова, Литва, Латвия, Узбекистан, Армения. Их количество постоянно растет и приближается к 50. Большая часть организуется в России (30) и Украине (7). Во всех остальных странах количество ежегодных ювелирных вы-

ставок варьирует от 1 до 2. Среднее число участников в их деятельности остается относительно постоянным – 150–300 компаний, число иностранных участников в деятельности тех из них, которые относятся к категории международных – около 30–40. Наиболее известными ювелирными выставками в *России* и новых независимых государствах являются: «Ювелир», «Сокровища в Гостином», «Симфония самоцветов», «Золото», «Международная ювелирная ярмарка», «Новый русский стиль», «Московский часовой салон» (Москва); «Junwex», «Junwex. Белые ночи», «Петербургский ювелир», «Золотой салон», «Час Экспо», «Мир камня» (Санкт-Петербург); «Ювелир Экспо», «Алтын», «Город мастеров» (Казань); «Эксклюзив», «Золотая шкатулка» (Ростов-на-Дону); «Интерювелир», «Стиль» (Сочи); «Янтарь Балтики» (Калининград); «Салон Престиж» (Нижний Новгород); «Уралювелир» (Екатеринбург); «Сибсамоцветы» (Новосибирск); «Мир женщины» (Архангельск); «Очарование Севера» (Мурманск); Шарм (Самара); «Ювелирный салон» (Иркутск); «Весенний подарок» (Хабаровск); «Ювелир Экспо Украина» – Киев, «Экспо Осень» – Николаев, «Ювелирный салон» – Одесса, «Ювелирный мир» – Запорожье, «Салон часов» – Киев, «Свадьба. Семейный вернисаж// Мир моды. Ювелирное искусство» – Киев (Украина); «Beauty. Международная специализированная выставка» – Кишинев (Молдова); «Золушка» – Вильнюс (Литва); «Стиль и мода» – Рига; «Шарм и украшения» – Рига (Латвия); «Ювелирия» – Ташкент (Узбекистан); «Златоделие. Традиции и современность» – Ереван (Армения).

Несмотря на столь внушительный список ювелирных выставок, только 4 из них можно смело отнести к разряду международных (по региональной принадлежности компаний, участвующих в их работе): «Ювелир» (Москва), «Новый русский стиль» (Москва), «Junwex» (Санкт – Петербург), «Ювелир Экспо Украина» (Киев), все остальные в своей деятельности ориентированы на внутренний рынок. Самой крупной по количеству компаний-участниц является «Ювелир» (272), по количеству стран-участниц – «Новый русский стиль» (12) и «Ювелир Экспо Украина» (12). Однако по уровню международной однозначным лидером 2004 г. стала «Новый русский стиль» (доля иностранных компаний, благодаря включению в состав организаторов «Reed Exhibition», на выставке превысила 60%).

4. Государственное регулирование деятельности алмазно-бриллиантового комплекса России

Прямое регулирование деятельности комплекса осуществляется государством на основании таких документов, как федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (от 26.03.98 г. с изменениями от 31.03.99 г., 10.01.03 г.), федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» (от 9.10.92 г. с изменениями от 29.12.98 г., 5.07.99 г., 31.05.01 г., 31.12.02 г., 27.02.03 г., 7.07.03.), а также Указом Президента РФ от 30.11.02 г. 31373 «Об утверждении Положения о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации природных алмазов и бриллиантов», «Законом о государственной тайне», вступившем в силу 19.02.04 г., Приказами и Постановлениями Государственного таможенного комитета РФ.

Развитие законодательной базы происходит в направлении либерализации (что принципиально для вступления РФ в ВТО) по следующим аспектам:

1. Исключение из состава валютных ценностей драгоценных металлов и драгоценных камней.

2. Отмена монополии государства на опробование и клеймение ювелирных изделий из серебра.

3. Отказ от количественных ограничений и обязательного лицензирования на ввоз в РФ природных алмазов и бриллиантов.

4. Отказ от количественных ограничений и обязательного лицензирования на вывоз из страны природных алмазов, имеющих форму «борт», «дриллинг», а также алмазов ситовых классов «-3+2» и ниже.

5. Увеличение сроков индивидуального квотирования на вывоз природных алмазов (до 5 лет) с разбивкой по годам.

6. Получение права экспорта бриллиантов субъектами производства бриллиантов (не более 15% от стоимости природных алмазов, приобретенных ими в текущем году у субъектов добычи алмазов). Процедура экспорта: 10-дневное размещение объемов сырья на сайте Алмазной палаты на случай заинтересованности в нем гранильных предприятий РФ; получение экспортной лицензии в Минфине и Минэкономразвития; получение в Гохране России сертификата Кимберлийского процесса и сертификата на вывоз необработанных камней.

7. Информационная маркировка драгоценных камней.

8. Сокращение времени оформления товара, проходящего через таможенную.

Косвенное регулирование деятельности комплекса осуществляется государством на основе «Налогового кодекса РФ» (гл.21 «Налог на добавленную стоимость»). Серьезным фактором, сдерживающим рост производства и реализации российской ювелирной продукции, по сравнению с импортной и контрабандной, является уплата производителями НДС при покупке драгоценных металлов в слитках. Россия – единственная страна мира, в которой реализация драгоценных металлов в слитках облагается НДС. Банки, продающие драгоценные металлы, требуют предоплату за продаваемый металл, а торгующие организации берут готовую продукцию с отсрочкой платежа. В результате, предприятия вынуждены брать кредиты и расходовать на 20% больше денежных средств для закупки драгоценных металлов. Например, ювелирное предприятие с каждого миллиона рублей выпущенной продукции платит в бюджет 500–550 тыс. рублей НДС. Государство, получая от ювелирной промышленности в виде налогов огромные доходы, в ответ проводит налоговую политику, которая сделала продукцию российских ювелиров неконкурентоспособной по цене в сравнении с аналогичной продукцией зарубежных фирм.

Большая часть объективных проблем, существующих в организации деятельности российских предприятий АБК, решается за счет объединения их в отраслевые союзы [38]. Так, наиболее действенными из них можно считать – «Геммологический центр МГУ», «Алмазная палата России», «Российская ассоциация производителей бриллиантов», «Ассоциация Гильдия ювелиров», «Российская палата высокохудожественных производств», «Русская гильдия содействия ювелирной торговле», «Комитете по оценочной деятельности ТПП РФ». Более того, поскольку в России основная масса ювелирных компаний сконцентрирована в четырех регионах – Урал, Костромская область, Санкт-Петербург, Москва и Московская область, ювелиры этих территорий образуют региональные отраслевые союзы для совместного преодоления трудностей – «Ассамблея ювелиров Санкт-Петербурга», «Гильдия ювелиров Урала», «Объединение поволжских ювелиров Золотое кольцо».

5. Тенденции развития алмазно-бриллиантового комплекса России

<i>Алмазодобыча</i>	<i>Производство бриллиантов</i>	<i>Ювелирное производство</i>
<ol style="list-style-type: none"> 1. Рост объемов добычи. 2. Возможное увеличение экспорта алмазов за счет гранильных предприятий (66,3 млн. долл. – 1 млн. 380 тыс. кар.), деятельности Гохрана, создания СП по производству бриллиантов в странах с низкой стоимостью производства. 3. Активное увеличение ГРП в Якутии, Архангельской, Пермской, Новгородской, Тверской, Иркутской, Липецкой, Курской областях, Башкирии. 4. Сокращение добычи открытым способом в традиционных районах алмазоразработок, реконструкция рудников и переход на подземную добычу. 5. Ослабление государственного регулирования: вывод алмазов из разряда валютных ценностей, выделение долгосрочной экспортной квоты на алмазы для АПРОСА, отмена квотирования и лицензирования экспорта бриллиантов и технических алмазов. 6. Вхождение России в систему Кимберлийского процесса. 7. Расширения участия иностранного капитала в отрасли (Израиль, Великобритания) 8. Включение Гохрана в покупку алмазов у АПРОСА. 9. Блокирование Еврокомиссией соглашения De Beers – АПРОСА, откуда проблема с кредитами (принципиально важными для ГРП в Архангельской обл. и Якутии) и выпуск еврооблигаций на 300 млн. долл. (на 5 лет). 10. Развитие двух тенденции в АПРОСА: федеральная (направление алмазов на внутренний рынок для отечественных огранщиков) и местная (алмазы на экспорт по мировым ценам). 11. Переход зарубежных представительств АПРОСА в ранг филиалов. 12. Резкое увеличение цен на алмазы. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Рост объемов продаж бриллиантов в России. 2. Увеличение числа гранильных предприятий (Якутия, Архангельская обл., Ханты-Мансийский АО). 3. Расширение участия иностранного капитала в отрасли (Индия – Якутия, Ивановская обл., Приморский край; проекты с США – Lazar Kaplan). 4. Приток алмазов в Россию из Танзании, Гвинеи за счет деятельности СП. 5. Переориентация Туймаада Даймондс на продажу ювелирных украшений с бриллиантами из-за проблем с сырьем. 6. Работа на давальческой основе с гранильными предприятиями ННГ (Армения, Украина) для снижения себестоимости производства бриллиантов 7. Создание СП в странах с низкой себестоимостью производства (ОАО «ПО «Кристалл» – Китай). 8. Усиление конкуренции за сырье между производителями бриллиантов. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Рост объемов продаж в России на 30% (2003г.). 2. Увеличение числа зарегистрированных ювелирных предприятий на 15 – 17 % в год. 3. Расширение ассортимента выпускаемых изделий (за счет изделий из золота шести цветовых оттенков, платины, бриллиантов более высокой весовой категории). 4. Рост продаж элитных изделий от ювелирных компаний-«Bulgari», «Chopard», «Cartier», «Tiffany & Go». 5. Снижение продаж изделий без камней. 6. Сильная конкуренция в нише производства серийных ювелирных изделий. 7. Отставание России от других стран по производительности труда на предприятиях, связанных с автоматическим производством ювелирных изделий; высокая производительность труда на предприятиях с преобладанием ручного труда. 8. Появление на розничном рынке вертикально интегрированных структур («Алмазный двор» – АПРОСА, «Версаль» – ОАО ПО «Кристалл», LLD – Bulgari). 9. Массовый характер сборки изделий из комплектующих деталей, идущих из-за рубежа. 10. При общем уменьшении легального импорта изделий из золота, увеличение иностранных изделий на рынке до 35%.

Таким образом, стоит отметить, что все структурные элементы алмазно-бриллиантового комплекса России (алмазодобывающая, гранильная, ювелирная отрасли) по соответствию тенденциям развития АБК мира, условно можно разделить на две группы. Во-первых, это производства, чья динамика совпадает с динамикой развития их мировых аналогов. В данную группу вполне можно включить алмазодобывающую и гранильную отрасли, которые имеют ярко выраженную экспортную ориентацию, что заставляет их учитывать в своем развитии общемировую динамику. Во-вторых, это производства, чья динамика принципиально отличается от динамики их мировых аналогов. В названную группу входит

ювелирная промышленность, которая практически полностью ориентирована на внутренний, еще неразвитый и ненасыщенный рынок с преобладанием товаров низких ценовых категорий. Данное обстоятельство, несмотря на свою негативную окраску, делает российский рынок привлекательным для производителей ювелирных изделий и перспективным, что и определяет быстрые темпы его развития (в то время как ювелирный рынок мира отличается отсутствием динамики в продажах ювелирных изделий с бриллиантами и более того, снижением объемов производств). Обозначенный аспект необходимо учитывать при работе с информацией, характеризующей развитие АБК мира и России.

Литература

Монографии, справочники, учебные пособия

1. Алмазодобывающая промышленность // Государственный доклад «О состоянии минерально-сырьевой базы России» – МПР РФ, ФГУНПП «Аэрогеология», ИАЦ «Минерал». – М.: 2002.
2. Ваганов В.И. Алмазные месторождения России и мира: основы прогнозирования. – М.: Геоинформмарк, 2000
3. Кириллин А. Д. Алмазодобывающий комплекс России: история, экономика, организация и управление. – М.: МГУ, 1996
4. Минеральные ресурсы мира на 1.01.2002 года: Статистический справочник – МПР РФ, ФГУНПП «Аэрогеология», ИАЦ «Минерал». М.: 2003
5. Штыров В.А. Акционерная компания АЛРОСА в алмазобриллиантовом комплексе России и мира: актовая лекция, СПб, 4 сентября 2001 г. – СПб. : СПбГГИ, 2001

Периодические издания

6. Алмазы России: от добычи до бриллиантов // Промышленный мир – 2001 г., №3
  7. АК «АЛРОСА»: преодоление новых алмазных рубежей // Драгоценные металлы. Драгоценные камни – 2003 г., №5
  8. Алхазов С. Современный российский ювелирный рынок // Ювелир Информ – 2004 г., №2
  9. Борисова Е. Купим алмазы для русской огранки // Эксперт – 2004 г., №20
  10. Бохан А. Мировой алмазно-бриллиантовый рынок. Состояние и перспективы // РДМК – 2002. Документы и материалы – М.: Международная академия информатизации; 2002, 336 с.
  11. Горыня А. Особенности структуры российского рынка // Ювелирное обозрение – 2002 г., №6
  12. Горыня А. Оценка состояния ювелирной отрасли и перспективы развития в условиях вступления России в ВТО // Ювелир Информ – 2003, №3
  13. Календарь ювелирных выставок России, стран СНГ и Прибалтики // Ювелирное обозрение – 2002 г., №1, №6, №11
  14. Календарь ювелирных выставок России, стран СНГ и Прибалтики // Ювелирное обозрение – 2003 г., №7, №12
  15. Калитин В. Алмазодобывающий комплекс России: современное состояние и перспективы развития // РДМК – 2002 г. Документы и материалы – М.: Международная академия информатизации, 2002, 336 с.
  16. Макаров Л. Торговля ювелирными изделиями // Ювелир Информ – 2002 г., №6
  17. Острые грани российского алмаза // Драгоценные металлы. Драгоценные камни – 2003 г., №5
  18. Об алмазных аукционах Гохрана России // Известия – 03.02.2004
  19. Осипов Е. Арабские сказки смоленских бриллиантов // Компания – 2004 г., №20
  20. Огранная грамота // Коммерсантъ Деньги – 2004 г., №28
  21. Продажи ювелирных товаров в России // Русский ювелир – 2004 г., №1
  22. Промышленность драгоценных металлов и алмазов // Эксперт – 2003 г., №36
  23. Ребрик Ю. Современное состояние и перспективы развития мировой гранильной промышленности // Драгоценные металлы. Драгоценные камни – 2003 г., №5
  24. Россия: проекты добычи алмазов компанией «АЛРОСА» // Эксперт – 01.03.2004
  25. Хелмер Джон. Продажа ювелирных изделий в России: динамичный и революционный рынок // Ювелир Информ – 2004 г., №2
  26. Ходорыч А., Шушунова Е., Ельшин Б. Украшения строптивых // Коммерсантъ Деньги – 2003 г., №35
  27. Чепайкина Л. Конкургентоспособность начинается с добычи // Ювелирное обозрение – 2002 г., №4
  28. Щербаков Д. Перспективы развития рынка бриллиантов // Ювелирное обозрение – 2003 г., №11
  29. Ювелирный каталог 2003 г., №11, 12, 13
  30. ALROSA Annual Report // Diamond Intelligence Briefs – 2002, №362
  31. Global diamond demand // Rapaport Diamond Report – 2003, №9, 10, 11
  32. Global diamond demand // Rapaport Diamond Report – 2004, №3, 4, 5, 6, 7
  33. The 2002 Diamond Pipeline // Diamond Intelligence Briefs – 2003, №381
  34. Tacys 2003 Diamond Pipeline // Diamond Intelligence Briefs – 2004, №409
- Электронные источники информации*
35. ИЦ Минерал (<http://www.mineral.ru>)
  36. Национальное кредитное бюро (<http://www.creditnet.ru>)
  37. Российская государственная пробирная палата (<http://www.assay.ru>)
  38. Русская ювелирная сеть (<http://www.jewellernet.ru>)
  39. Мировой банк (<http://www.worldbank.org>)

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

А. Б. Карачурина (Москва)

ВНУТРИРОССИЙСКИЕ МИГРАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

Karachurina L. B.

INTERNAL RUSSIAN MIGRATIONS: REGIONAL ANALYSIS

The article reveals the peculiarities of the internal Russian migrations. It also points out to the leading regions of migration and provides the rating of the Russian regions according to their migration attractiveness.

Изменение роли внутрироссийской миграции

Одной из важных тенденций, связанных с развитием и размещением населения в постсоветской России, является резкое снижение объемов миграционных потоков – с 5,5 млн. чел. в 1989 г. до 2,2 млн. чел. в 2002 г., – то есть в 2,5 раза. Это значит, что если в 1988–1989 гг. совершали переезд 10 человек, то 15 лет спустя – лишь 4. О чем свидетельствует такое снижение? В определенной степени оно закономерно и предопределено прекращением полуорганизованных форм миграции – на «стройки века», послевузовского и внутриотраслевого перераспределения. Но значительная часть населения перестала перемещаться исходя из иных соображений: дорогой переезд, неясные перспективы на новом месте, разрушение системы междугороднего обмена жильем при неразвитости механизмов продажи-покупки жилья и др. Вообще говоря, эта тенденция чревата экономической стагнацией, ведь территориальная мобильность тесно связана с индивидуальной активностью людей.

Отмечаемое общее снижение объемов миграции сопровождалось возрастанием роли внутрироссийской миграции. За 1989–2002 гг. ее доля увеличилась в России с 84,6% до 91,6%.

Повышение значимости внутрироссийских перемещений происходило, хотя и разными темпами, во всех без исключения федеральных округах и во всех субъектах РФ (табл. 1).

Таблица 1
Доля внутрироссийской миграции
в потоках по прибытию (%)

	1989	1994	2002
РФ в целом	84,6	73,3	91,6
Центральный ФО	82,7	69,0	88,0
Северо-Западный ФО	81,9	73,0	91,2
Южный ФО	80,6	76,2	91,6
Приволжский ФО	89,6	73,9	92,9
Уральский ФО	83,4	70,1	91,7
Сибирский ФО	87,9	74,4	93,2
Дальневосточный ФО	81,8	81,3	96,5

Источник: Рассчитано автором по данным Госкомстата России

По сути, приведенные данные позволяют говорить о том, что в условиях сокращения роли внешней миграции, исчерпания потенциала репатриации из стран СНГ и Балтии, возросла роль и значимость внутрироссийской миграции. С позиции необходимости экономического роста, при отсутствии иных

---

¹ Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 04-02-00139а

источников поддержания и увеличения численности населения за счет естественного прироста, подавляющее большинство российских регионов должны «хвататься» за внутрироссийских мигрантов так же, как по логике вещей, должна «бороться» Россия за мигрантов внешних.

Для российских «северов», как с некоторых пор стало принято говорить про Север, Сибирь и Дальний Восток, теперь понятия «миграция» и «внутрироссийская миграция» стали синонимами. Для дальневосточников внутренняя миграция – это больше 95% всей миграции¹. Переселенцы из бывших союзных республик не жаловали российский Дальний Восток и в пору массовой миграции начала 90-х годов. Даже в «пиковом» для России по показателям миграционного притока извне 1994 году, доля внешней миграции на Дальнем Востоке не превышала 20% от общего числа прибывших.

В 1989 г. наиболее видную роль внешняя миграция играла в двух группах российских регионов – либо в сырьедобывающих (Ямало-Ненецкий АО, Магаданская область, Чукотский АО и др.), либо в западных полуаграрных, приграничных (Белгородская, Курская), куда активно ехали со всей страны, а не только из России. Сейчас в сырьевых регионах внутрироссийские мигранты стали доминировать, на юго-западной же российской границе ситуация существенно не изменилась. Как и раньше, в Белгородской, Курской или Калужской областях удельный вес внутрироссийских миграций, по сравнению с другими российскими регионами, самый низкий. Относительно невысокой продолжает быть доля внутрироссийской миграции и в Калининградской области.

Внутрироссийская миграция очень значима в бедных автономных округах, республиках Северного Кавказа (кроме Северной Осетии – Алании), Поволжья и юга Сибири. Туда никакие другие мигранты, кроме внутрироссийских, не едут.

В сельской России доля внутрироссийских миграций всегда была незначительно – на 2–4%, но меньше, чем в городах. Постепенно разница уменьшалась, и, наконец, в 2001, а затем и в 2002 г. внутрироссийских мигрантов на селе стало больше, чем в городе. Причина этому –

снижение регистрируемой миграции со странами СНГ и Балтии, в значительной степени конъюнктурное². То есть структурное замещение мигрантов из СНГ внутренними мигрантами для сельской местности носит во многом ложный характер.

Миграционный обмен между федеральными округами: лидеры и аутсайдеры

В условиях возрастания территориальной поляризации, которая происходила в 90-е гг. в России, усилилась и миграционная дифференциация российского пространства.

На *окружном уровне* эта дифференциация проявляется в следующем.

В 2002 г. единственным округом в России, собиравшим мигрантов со всего российского пространства, был Центральный. С экономической точки зрения это закономерно: округ лидирует по большинству показателей – начиная с объема привлеченных инвестиций и заканчивая оборотом розничной торговли. Миграционную привлекательность Центра усиливает и «теплое» и относительно бесконфликтное Черноземье, относящееся ныне к Центральному округу. Здесь в 90-е гг. сложился общий благоприятный имидж регионов, устоялось мнение об относительно дешевой жизни. Немаловажное значение имеет и возможность хотя бы на первых порах вести полугородской-полусельский образ жизни, помогая себе натуральным хозяйством. Ну и конечно же, мощнейшим фактором, привлекающим мигрантов в округ, является Москва, традиционно распространяющая свое влияние не только на столичную область, но и на многие соседние области.

Кроме Центра положительный миграционный прирост в обмене с другими округами имеет еще только Северо-Запад. Как и в Центре, здесь сказывается влияние крупнейшего города Европы – Санкт-Петербурга, «второй российской столицы», а также второй пристольной области – Ленинградской, которую в условиях трудностей с регистрацией и покупкой жилья в Санкт-Петербурге в 90-е гг. использовали в качестве места для переселения многие мигранты.

¹ Тогда как в 1989 г. доля внутрироссийской миграции (по прибывшим) на Дальнем Востоке была даже чуть меньше среднего по России уровня и составляла 81,9%.

² Подробнее см. Мкртчян Н.В. Возможные причины снижения иммиграции в Россию в 2000-2001 гг. // Вопросы статистики. 2002. – №5.

В противоположность Центру и Северо-Западу уже давно – (с начала 90-х гг.), отдает свое население в обмене со всеми округами Дальний Восток. Не стал исключением и 2002 г., когда годовая миграционная убыль регионов округа составила больше 27 тыс. человек. Темпы ее снижаются из-за сокращения миграционного потенциала многих дальневосточных регионов, население которых убывает довольно существенно. Только за 1997–2002 гг. округ потерял почти 280 тыс. чел., что соответствует, например, населению всей Магаданской области. Говоря о темпах выезда из Дальнего Востока, не стоит забывать и о том, что во второй половине 90-х гг. имела место и миграция внутри самого Дальнего Востока – с его севера на юг.

Больше всего населения Дальний Восток потерял в обмене с Центром – это явление относительно новое. Ранее, во времена СССР, бывшие дальневосточники отдавали предпочтение более южным районам страны. Впрочем, это не сильно повлияло на сам характер дальневосточной миграции – и тогда, и сейчас это переселения «на континент», в совершенно другие климатические, социальные и иные условия. Это доказывает и анализ средней дальности дальневосточных миграций – и в 1989 г., и в 2002 г. она достигала рубежной отметки в 5 тыс. км¹. Здесь доминанта удаленного географического положения перевешивает иные экономические факторы (связанные, например, с финансовыми трудностями дальнего переезда).

Отрицательный миграционный прирост со всеми округами, кроме Дальневосточного, имеет Сибирский округ. Он в 2002 г. потерял столько же, сколько Дальний Восток. Здесь тоже имеет место дальневосточный вариант – самые большие миграционные потери в обмене с Центром. Половина миграционной убыли Сибирского округа складывается за счет миграции с Центром.

Итак, ранжирование федеральных округов по суммарным объемам внутрироссийских перемещений за 1997–2002 гг. от самого «отдающего» округа до самого «принимающего», выглядит следующим образом:

1. Центральный ФО – принимает мигрантов со всех остальных округов.

2. Приволжский ФО – имеет положительный миграционный баланс со всеми, кроме Центрального.

3. Северо-Западный ФО – со всеми, кроме Центрального и Приволжского.

4. Уральский ФО – со всеми, кроме Центрального, Приволжского, Северо-Западного.

5. Южный ФО – со всеми, кроме Центрального, Приволжского, Северо-Западного, Уральского.

6. Сибирский ФО – со всеми, кроме Центрального, Приволжского, Северо-Западного, Уральского, Южного. Иначе говоря, отдает своих мигрантов всем округам, за исключением Дальневосточного.

7. Дальневосточный ФО – отдает мигрантов всем без исключения округам.

При этом ранжировании движение мигрантов на запад становится еще более очевидным. Движение на юг хотя и наблюдается, выражено все же меньше.

Другой итог приведенного распределения округов – наличие промывного – с востока на запад – режима миграции на Урале и в Сибири. Например, Уральский ФО, принимает мигрантов с востока – Сибири и Дальневосточного округа, но отдает мигрантов западным округам, включая Приволжский. И это происходит, несмотря на отнесение к Уральскому округу таких «магнитов», как Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов.

Миграционные связи между отдельными регионами: куда едут, откуда выезжают?

Регионы, привлекающие мигрантов в межрегиональном обмене и их отдающие, были определены нами на основе *двухсторонних миграционных связей*, т.е. связей на уровне «регион-регион». Для этого российские регионы были ранжированы в соответствии с их миграционным приростом за 1997–2002 гг. (суммарно) от региона, имеющего самое большое количество положительных миграционных связей с другими российскими регионами – это 1-ый по привлекательности на внутрироссийском поле регион до региона, имеющего минимальное число положительных миграционных связей или не имеющих их вовсе.

Аналогичная работа была ранее проделана Н.В. Мкртчяном для анализа рангов результативности миграции в 1989 и 1994 гг. для

¹ См. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Некоторые итоги анализа зависимости межрайонной миграции в России от расстояния // Демографическое развитие России через призму переписи населения 2002 года. Тезисы докладов Межд. научно-практической конференции, 30 января 2004 г. – М.: ГУ ИМЭИ, 2004.

73 административно-территориальных единиц РФ¹. Тогда выявилось, что изменения, произошедшие с регионами за 5 «самых революционных» в новой России лет, значительны. Они проявились в существенном улучшении своего рейтинга регионами, расположенными на востоке европейской части России и равнинном Предкавказье, ухудшились на северо-западе России. Самый высокий рейтинг во внутрисосисском обмене был у Краснодарского края, самый низкий – у Магаданской области и Республики Саха (Якутия).

В настоящее время зоной еще более очевидного оттока во всех направлениях стал Дальний Восток. Здесь все регионы, за исключением Хабаровского края и Еврейской автономной области, отдают свое население практически всем остальным российским регионам. Количество отрицательных миграционных связей – более 74 из 88 возможных. Интересно, что Хабаровский край в 2002 г. получил даже положительный миграционный прирост – он сложился за счет переселений с севера Дальнего Востока. Это доказывает и позиция центра миграционного притяжения в «соседских миграциях», который имеет Хабаровский край². Видимо, каким-то образом повлиял и статус центра федерального округа, который имеет теперь Хабаровск. Более южная и ранее административно подчиненная Хабаровскому краю Еврейская автономная область, в миграции остается «дочкой» края, демонстрируя схожесть процессов. (Такая же, впрочем, картина складывается и в Краснодарском крае и Адыгее – там тоже адыгейский анклав, несмотря на существенно другую экономическую ситуацию, по показателям миграции схож с Краснодарским краем).

Сравнение последних по миграционной привлекательности российских субъектов с регионами – аутсайдерами по среднему валовому региональному продукту (ВРП), позволяет сделать вывод о приоритете географического положения над экономической ситуацией.

Далее на запад от Дальнего Востока и вплоть до Урала российские регионы фактически сформировали большие меридиональные пояса. Восточно-сибирские регионы – буферная переходная зона между совсем неаттрактивными дальневосточными и чуть более привлекательными западно-сибирскими.

¹ См. Мкртчян Н.В. Изменение межрайонных миграционных связей в современной России и ее регионах / Дисс. ... к.г.н. – М., 1997.

² См. Карачурина Л.Б. Миграции между регионами – соседями: специфика, объемы, тенденции // Миграционная ситуация и миграционная политика в современном мире. – Смоленск, 2003.

Таблица 2
Ранги российских регионов – аутсайдеров*

по числу «положительных» миграционных связей (штук), 1997-2002 гг.		По ВРП на душу населения (тыс. руб.), 2002 г.	
88.	Респ. Саха (Якутия)	88.	Ингушская Респ.
87.	Корякский АО	87.	Респ. Дагестан
86.	Чукотский АО	86.	Респ. Адыгеея
85.	Сахалинская обл.	85.	Коми-Пермяцкий АО
84.	Магаданская обл.	84.	Респ. Тыва
83.	Читинская обл.	83.	Агинский Бурятский АО
82.	Респ. Бурятия	82.	Респ. Сев. Осетия – Алания
81.	Приморский край	81.	Карачаево-Черкесская Респ.
80.	Камчатская обл.	80.	Ивановская обл.
79.	Амурская обл.	79.	Респ. Марий Эл

* – без Чеченской Республики

Сост. автором по данным Госкомстата России

Иначе в европейской России. Здесь меньшие по размеру регионы, с более индивидуально выраженной региональной экономической и миграционной политикой, с совершенно различными природно-климатическими условиями, образуют довольно пеструю мозаику. Географическая (положенческая) компонента здесь гораздо менее очевидна и значима. Доминанта места над экономикой проявляется только на Севере – в Мурманской области, Республике Коми, которые являются самыми неаттрактивными в европейской части России. Но по показателям миграционной непривлекательности они все же более близки Восточной Сибири, нежели Дальнему Востоку.

В европейской России выделяются совсем непривлекательные, в силу известных политических причин, северо-кавказские республики во главе с Чечней. Есть и островки очень сильной миграционной непривлекательности, находящиеся вне описанных выше ареалов (Севера и Кавказа) – это самые чахлые, дефицитные и безденежные периферийные российские ре-

гионы типа Смоленской, Кировской или Курганской областей, Мордовии. Здесь, вне Северов и нестабильности Кавказа, экономические законы миграции действуют очень явственно.

Здесь же, на западе страны, есть и самые миграционно привлекательные российские регионы – столичные города и пристоличные области. Столицы притягивали население всегда, и во времена меньшей экономической и финансовой поляризации. Разумеется, притягивают и сейчас. И никакие административные ограничения миграции здесь не срабатывают. Кроме пристоличных регионов, очень привлекателен во внутривосточном обмене юг и юго-запад (Краснодарский край, Белгородская, Орловская, Липецкая области), экономические «тяжеловесы» вроде Нижегородской или Самарской областей, Татарстана. Выгодно выделяются наиболее территориально близкие к Москве Владимирская, Калужская области. Здесь важны, по-видимому, не в целом эти регионы, а лишь их отдельные, приближенные к Московской области, районы и города (типа Александрова во Владимирской области или Обнинска в Калужской) и сами областные центры.

Миграционно привлекательной для внутривосточных мигрантов, несмотря на усиление своей территориальной оторванности, остается и Калининградская область, видимо, в силу выгод экономико-географического положения.

Говоря о распределении регионов по миграционной привлекательности, следует отметить еще, по крайней мере, две важные особенности.

Первая. *Рост значимости территориально близких («соседских») миграций между «развитыми» и «неразвитыми».* Что имеется в виду? Дело в том, что перебираться на большие расстояния стало финансово и организационно труднее, чем это было раньше. Кроме того, как правило, внутри своих государственных границ люди достаточно реалистично оценивают расстояния. И границы между соседними регионами представляются более легко проницаемыми, более «прозрачными». Да и информации у населения о регионах-соседях обычно несоизмеримо больше, чем о более далеких территориях. А это значимо для такого субъективного процесса как миграция. Немаловажно и то, что люди стали бояться переби-

раться на большие расстояния. Этому во многом способствовал распад СССР и фактическое прекращение передвижения в бывшие союзные республики, неопределенное положение, в которой оказались соотечественники, когда-то уехавшие далеко от дома («индустриализировать Среднюю Азию и Закавказье»). Все это сделало территориально близкие, «соседские» перемещения более значимыми¹.

Анализ матрицы миграционного прироста за 1997–2002 гг. позволил определить, что из 79-ти субъектов РФ, имеющих границы с двумя и более соседями, 9 регионов отдают мигрантов всем без исключения соседям, а 11 принимают мигрантов в обмене со всеми соседями (табл.3).

Таблица 3
Регионы-реципиенты
и регионы-доноры
в соседских миграциях

Регионы-реципиенты	Регионы-доноры
Новгородская, Московская, Белгородская, Орловская, Нижегородская, Новосибирская области, Краснодарский, Хабаровский края, Татарстан, Хакасия, Ханты-Мансийский АО	Смоленская, Ивановская, Оренбургская, Курганская области, Мордовия, Калмыкия, Ненецкий АО, Эвенкийский АО, Чукотский АО

Составлено автором на основе анализа данных Госкомстата РФ

Из приведенного списка регионов-реципиентов видно, что экономически и политически сильные регионы такие, как: Московская, Нижегородская области, Татарстан, Хабаровский край – выглядят таковыми и на соседском миграционном поле. И эти же регионы имеют положительное сальдо миграции в обмене с подавляющим количеством российских регионов, а не только с соседями первого порядка².

Вторая особенность. *Усиление веса каких-то отдельных внутривосточных факторов* – наличие дороги, сложившиеся торговые связи, близость к более процветающим соседям, создающим разные по привлекательности миграционные точки внутри регионов.

¹ Кроме того, перемещения на короткие расстояния, как правило, менее чувствительны к экономическим условиям по сравнению с перемещениями на большие расстояния – см. Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. – М.: ТЕИС, 2004, с.241.

² См.: там же.

Так в определенной степени было всегда, но в 90-е гг. сила единичных абсолютных или сравнительных преимуществ стала гораздо более важной. Например, в Калужской области по общей интенсивности миграции по прибытию в конце 90-х гг. четко выделялись три переселенческих стратегии – в областной центр, во второй по численности населения город, «де-факто» наукоград – Обнинск, и в районы, расположенные строго по параллельной линии железной и автодороги дороги Калуга – Москва – Малоярославецкий, Жуковский, Боровский. При этом соседние с ними административные районы, вдали от этих дорог были просто «провальными» с миграционных позиций. Такой ситуации ранее, в 1960–1970-е гг., не было¹.

Аттрактивность российских регионов на основе анализа коэффициента интенсивности миграционного прироста: много ли точек роста?

Оценка коэффициента интенсивности суммарного миграционного прироста во внутренней миграции демонстрирует во-многом схожие черты. Все так же отрицательно выделяются дальневосточные и восточно-сибирские регионы, а из них самые северные – Республика Саха, Чукотский, Таймырский, Эвенкийский автономные округа (коэффициенты интенсивности миграционной убыли превышают 60 промилле). Менее значителен, но все же очень интенсивен отток из регионов юга Дальнего Востока и Восточной Сибири и севера Европейской части страны. Закономерно плохие показатели и в Северо-кавказских республиках.

На стыке западной и восточной части страны особенно нехорошо выделяется также Курганская область – регион, где высокую естественную убыль населения дополняет очень интенсивный внутрироссийский отток (-20,5 промилле) и фактическое отсутствие существенного внешнего притока из соседнего Казахстана.

Интенсивный приток идет в регионы с большим количеством положительных миграционных связей – в столицы, пристоличные области, в хорошем смысле слова «хозяйственное»

Черноземье (Белгородская и Липецкая области), экономически мощные фокусы Самары и Татарстана, равнинное Предкавказье.

Кроме этих, уже отмеченных выше регионов, высоким коэффициентом интенсивности миграционного прироста за счет внутрисредней миграции отличаются Ханты-Мансийский округ, Новосибирская область, Хакасия. Два последних региона – это примеры местных миграционных лидеров, «тягивающих» на себя мигрантов в основном из одной – двух соседних областей. На роль регионов-лидеров в масштабе страны они не претендуют. Впрочем, на эту роль сейчас вообще претендует все меньше и меньше регионов. Явственно – по многим миграционным показателям – выделяются только 2 российские столицы и еще 6–7 российских регионов – очень мало для столь территориально большой и поляризованной страны. А ведь общеизвестны рефрены типа: «сильные регионы – сильное государство», «Россия сильна своим разнообразием» и пр. Миграция, которую Ж.А. Зайончковская называет «барометром» социально-экономической ситуации², выявляет сильных и слабых очень четко. И то, что «сильных» оказалось мало, свидетельство, с одной стороны, пока еще неблагоприятия почти везде, кроме Москвы, и с другой стороны, процветание столицы. В этих условиях бороться с мигрантами в Москве и сетовать на ее переполнение мигрантами невозможно.

Кто может претендовать на роль лидеров на востоке и западе страны?

Поскольку все регионы – центры миграционного притяжения всероссийского масштаба оказались ныне сгруппированными только на западе страны, то для выявления точек роста в азиатской части страны нами использовались «плавающие» классификационные признаки. То есть подходы к западной и восточной макроэкономике, к каждому федеральному округу были специфическими. Иначе, те регионы, которые на востоке страны считаются миграционно привлекательными (по общему количеству положительных миграционных связей), будут выглядеть очень средне на ее западе.

¹ См.: Карачурина Л.Б. Географический анализ интенсивности миграционных связей России и ее регионов с республиками Ближнего Зарубежья (1969–1997 гг.) /Дисс. ...к.г.н. – М., 1999.

² См. напр.: Зайончковская Ж.А. Миграции населения России как зеркало социально-экономических перемен //Демографическое развитие России и его социально-экономические последствия: Материалы Международной научной конференции, сб. материалов секции «Проблемы миграции населения», 15-16 дек. 1994 г., Москва, с. 6-18.

Среди 32 регионов трех федеральных округов – Уральского, Сибирского и Дальневосточного на статус лидеров восточной части страны могут претендовать 6 регионов: Свердловская, Челябинская, Новосибирская области, Ханты-Мансийский АО, Республика Хакасия и, странным образом, Республика Алтай, имеющих наименьшее количество отрицательных миграционных связей.

Закономерно, что в этой группе находятся регионы, возглавляемые мощными фокусами притяжения в лице городов-миллионеров. Екатеринбург и Новосибирск вообще считаются общепризнанными столицами Урала и Сибири. Показательно, что Новосибирск стал городом-миллионером благодаря военной и послевоенной миграции, буквально на глазах нынешнего поколения. Очень выгодное географическое положение, комфортные по сибирским меркам природные условия, обилие мощных вузов, а главное – гипертрофировано развитый военно-промышленный комплекс, во второй половине прошлого столетия активно привлекали мигрантов. В 1990-е гг. во время конверсии положение области резко пошатнулось. Новосибирск, бывший совсем недавно магнитом для окружающих и даже удаленных областей и краев, стал зоной интенсивного оттока. И то самое географическое положение, то самое соседство с регионами с высокими зарплатами – Кузбассом и нефтяным Севером, которое питало рост Новосибирска, стало факторами, углубляющими бедствия области. Новый – позитивный – перелом пришелся на самый конец 90-х гг., его и отражает лидерство Новосибирской области в миграционных связях с другими регионами азиатской части страны.

Нестабильное лидерское положение и у Ханты-Мансийского автономного округа с его высоким, но зависимым от положения нефтяной отрасли, доходами и уровнем жизни значительной части населения.

В целом, регионы, привлекающие мигрантов внутри этой огромной восточной зоны, формируют фактически единый массив, приближенный к Европейской части страны. Отдаленных и изолированных от основной части страны дальневосточных регионов, даже таких как, вполне комфортные по природным условиям, Хабаровский или Приморский край, в нем нет. Несмотря на экономическую устойчивость и относительное благополучие, неаттрактивны также Красноярский край и Иркутская область.

Проанализируем рейтинг регионов по *миграционной привлекательности внутри отдельных федеральных округов*. Для *Центрального ФО* он следующий:

Москва ← Московская обл. ← Белгородская обл. ← Липецкая обл. ← Ярославская обл. ← Владимирская обл. ← Воронежская обл. ← Орловская обл. ← Рязанская обл. ← Калужская обл. ← Брянская обл. ← Костромская обл. ← Тверская обл. ← Ивановская обл. ← Тульская обл. ← Курская обл. ← Тамбовская обл.

Здесь чем ближе к началу цепочки, тем с большим количеством территорий внутри своего округа, положительных миграционных связей. Проще говоря, тем привлекательнее тот или иной регион. И наоборот, последних в цепочке регионов, соседи не жалуют.

Внутри Центрального округа на лидирующих позициях оказались, кроме Москвы и Московской области, юго-западные регионы. В то же время Калужская, Тульская, Тверская области, достаточно активно привлекавшие мигрантов в начале 90-х гг., сейчас неаттрактивны.

Рейтинг для Приволжского ФО:

Нижегородская обл. ← Татарстан ← Самарская обл. ← Марий Эл ← Чувашская Респ. ← Саратовская обл. ← Пензенская обл. ← Удмуртская Респ. ← Пермская обл. ← Башкортостан ← Ульяновская обл. ← Коми-Пермяцкий АО ← Мордовская Респ. ← Оренбургская обл. ← Кировская обл.

Получается, что, во-первых, мигрантов притягивает западная часть округа. Во-вторых, в округе сформировано единое привлекательное ядро – Нижегородская обл. – Татарстан – Самарская обл. В-третьих, юг округа выигрывает у севера, но самые депрессивные и проблемные области, такие как Оренбургская или Ульяновская, не спасает даже их более южное географическое положение. Они проигрывают на внутриокружном миграционном поле не только своим экономически более развитым соседям, но и верхневолжским республикам. В-четвертых, в «соперничестве» между тремя республиками бывшего Волго-Вятского района, как и раньше и как по большинству экономических показателей, выигрывает Чувашия.

Рейтинг для Дальневосточного ФО:

Хабаровский край ← Еврейская авт. обл. ← Приморский край ← Амурская обл. ← Камчатская обл. ← Магаданская обл. ← Сахалинская обл. ← Чукотский АО ← Корякский АО ← Респ. Саха (Якутия).

В данном случае во многом в силу специфики состава и географического положения округа, более значимыми являются различия по линии «север–юг». В последние несколько лет южные дальневосточные регионы стали привлекать мигрантов со своего же севера чуть более интенсивно, чем это было раньше. Причем аттрактивными являются не только традиционно более мощные и развитые Хабаровский и Приморский края, но и Еврейская автономная область, Амурская область. Кроме того, реальная непривлекательность севера Дальнего Востока и реальные масштабы миграции оттуда, все же выше, чем те данные, на основе которых строился анализ. Известно много фактов о мертвых, существующих только де-юре поселках и малых городах дальневосто- чья. Данные всероссийской переписи населения 2002 г. подтвердили это ¹.

С другой стороны, имеющиеся статистические данные по миграционным «магнитам» могут быть занижены даже для анализируемых потоков внутрироссийских мигрантов, в силу отсутствия простого и единого на всей территории страны механизма регистрации, а также

своеобразной миграционной политики, проводимой некоторыми российскими регионами.

Резюмируя вышесказанное нельзя не отметить сохраняющийся и даже увеличивающийся разрыв между развитыми и неразвитыми, привлекательными для мигрантов регионами и абсолютно неаттрактивными. Позиции тех или иных регионов на внутрироссийском миграционном поле теперь определяются более четко, чем раньше. В группе лидеров – самых привлекательных с точки зрения мигрантов территорий – совсем немного регионов. Главный из них, безусловно, Москва. По своей миграционной аттрактивности она намного определила северную столицу, формируя свою миграционную зону очень широко – едва ли не на всю территорию европейской России. Именно поэтому в 2002–2003 гг. даже такие привлека- тельные регионы, как Белгородская, Липецкая области практически перестали иметь мигра- ционный прирост во внутрироссийском обмене – все, что они получают в обмене с другими российскими регионами, нивелируются отто- ком из них в центр.

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ПРИБАЛТИКИ (1940–2003 ГГ.)

Roberova E.

MIGRATION IMPACT ON THE NATIONAL STRUCTURE OF THE BALTIC COUNTRIES (1940–2003)

The paper views the migration impact on the ethnic structure of the Baltic countries. Migration of the Russian population and change of its percentage in the ethnic structure are of special consideration in this article.

В советский период увеличение населения Прибалтики в значительной мере происходило за счет миграции русского населения из РСФСР. Относительный рост численности русских в Прибалтике был одним из наивысших среди республик СССР.

Особенно резкий сдвиг в этническом составе населения Эстонии и Латвии произошел после Великой Отечественной войны. Восстановление разрушенных войной предприятий и дальнейшее развитие народного хозяйства требовали массивного привлечения трудовых ресурсов. Обеспечение кадрами строящихся объектов в Прибалтике происходило в основном за счет привлечения рабочих рук из сопредельных районов России. Например, за период 1946–1950 гг. из Санкт-Петербурга в Эстонию прибыло 20,5 тыс. человек, в Латвию – почти 15 тыс., в Литву – свыше 4,6 тыс. [10]

Особенностью послевоенной Литвы, отличавшей ее от Латвии и Эстонии, являлось то, что миграция была гораздо меньшим фактором ее развития. Так, если в Литве в 1959–1989 гг. миграция дала 23% общего прироста ее населения, то в Эстонии за этот же период – 64%, в Латвии – 63%. Кроме того, русские в миграционном приросте Литвы, по сравнению с ее балтийскими соседями, занимали гораздо более скромное место. Например, в 1980–1987 гг. доля русских среди всех мигрантов составляла в Литве 27%, в Эстонии 57%, в Латвии 56%. [9] В результате, хотя доля русских

в Литве за 1959–1989 гг., как и в других республиках Прибалтики, росла, однако здесь этот процесс шел слабее. За 30 лет доля русских в населении Эстонии увеличилась в 1,5 раза (с 20 до 30,3%), в Латвии – в 1,3 (с 26,6 до 34%), а в Литве – в 1,1 раза (с 8,5 до 9,4%) (таблица 1).

Также значительная доля прироста населения Латвии и в меньшей степени Литвы произошла за счет Белоруссии, особенно Витебской области. Это нашло свое отражение в изменении этнического состава: с 1959 г. по 1989 г. доля белорусов в Латвии увеличилась с 2,9% до 4,5% (таблица 1). За 30 лет численность белорусов в Латвии и Литве возросла в два раза.

В отличие от всех других союзных республик вне России, в том числе от Литвы, в Эстонии и Латвии, темпы прироста горожан русской национальности были выше, чем городского населения титульных национальностей. Наибольшие темпы прироста русских по сравнению с титульным населением были характерны и для сельской местности Латвии и Эстонии.

В советские годы русское население Прибалтики в подавляющей части было городским. За 1959–1989 гг. степень урбанизированности русских в Прибалтике в наибольшей мере выросла в Литве и Латвии: в первой с 77 до 90%, во второй – с 73 до 85%. В Эстонии и в 1959 г. русское население было самым урбанизированным по сравнению с другими прибалтийскими республиками, поэтому рост здесь не так заметен: с 86,5 до 92%.

¹ См. «О предварительных итогах Всероссийской переписи населения 2002 года». Материалы к заседанию Правительства Российской Федерации. Письмо Председателя Госкомстата России от 07.04.03 №ВС-08-20/1328

Таблица 1

Национальный состав населения Прибалтики в 1959–1989 гг. (%)

	1959	1970	1979	1989	2000
Эстония					
Эстонцы	74,6	68,2	64,7	61,5	67,9
Русские	20,1	24,7	27,9	30,3	25,6
Украинцы	1,3	2,1	2,5	3,1	2,1
Белорусы	0,9	1,4	1,6	1,8	1,3
Финны	1,4	1,4	1,2	1,1	0,9
Другие национальности	1,7	2,2	2,1	2,2	2,2
Латвия					
Латыши	62,0	56,8	53,7	52	58,4
Русские	26,6	29,8	32,8	34	29
Белорусы	2,9	4,0	4,5	4,5	3,9
Поляки	2,9	2,7	2,5	2,3	2,5
Украинцы	1,4	2,3	2,7	3,5	2,6
Литовцы	1,5	1,7	1,5	1,3	1,4
Евреи	1,7	1,6	1,1	0,9	0,5
Другие национальности	1,0	1,1	1,2	1,5	1,7
Литва					
Литовцы	79,3	80,1	80	79,6	83,5
Русские	8,5	8,6	8,9	9,4	6,3
Поляки	8,5	7,7	7,3	7,0	6,7
Белорусы	1,1	1,5	1,7	1,7	1,2
Украинцы	0,7	0,8	1,0	1,2	0,7
Евреи	0,9	0,8	0,4	0,3	0,1
Другие национальности	1,0	0,5	0,7	0,8	1,5

Составлено по: Demographic statistics in the Baltic countries. Tallinn; Riga; Vilnius, 1996; Population and Housing Census 2000, II Citizenship, Nationality, Mother Tongue and Command of Foreign Languages; Statistical office of Estonia, Tallinn 2001; Этнический и языковой состав населения Латвии по переписи 2000 года, Демоскоп, № 53-54, 4-17 февраля 2002; Statistical Yearbook of Lithuania 2003, Statistics Lithuania, Vilnius 2003.

Для расселения русских в Прибалтике, особенно в Латвии и Эстонии, было характерно не просто поселение преимущественно в городах, а прежде всего в крупных городах и республиканских столицах. В Риге в 1989г. проживали 56% всех русских горожан Латвии и 48% всего русского населения республики. В Таллине жили 45% русских горожан Эстонии и 41% всего ее русского населения, в Вильнюсе – соответственно 38 и 34%. В Риге и Таллине количество русского населения увеличивалось быстрее, чем титульного, в результате чего доля русских постоянно возрастала.

Значительным было и косвенное влияние миграции. Мигрирует главным образом молодежь, дающая в местах притока естественный прирост населения. Все это привело к сильно-

му снижению доли титульных наций в населении Эстонии и Латвии. Приросту нетитульного населения Латвии и Эстонии также способствовали особенности демографического развития их титульных народов, т.к. у латышей и эстонцев были один из самых низких в Союзе уровень рождаемости и высокая доля лиц старших возрастов.

Таким образом, прирост русского населения Латвии и Эстонии происходил прежде всего за счет механического, миграционного увеличения и в меньшей мере за счет естественного воспроизводства. В Литве же «подпитка» русского этнического массива в основном шла за счет естественного роста, а миграционные вливания были здесь менее значительны и более стабильны во времени.

В результате этого складывалась более благоприятная ситуация для этнокультурной адаптации русского населения Литвы к литовскому этническому большинству и как следствие этой предыдущей адаптации формирование более благоприятных условий для вхождения русских в общество новой суверенной Литвы. Этому способствовало и длительное сохранение относительно устойчивого этнодемографического баланса, при котором литовцы составляли около 80% всего населения, а русские менее десятой его части. Правомерно предположить, что русские в Литве по сравнению с русским населением других прибалтийских государств были наиболее адаптированы и вовлечены в местную культурную и языковую среду. Это подтверждается и данными переписи населения 1989г. об уровне двуязычия русского населения в союзных республиках. В Литве 37,8% русских свободно владели или считали родным язык титульной национальности, в Латвии и Эстонии эти показатели значительно меньше – 22,4% и 15,1% соответственно.

Высокие темпы механического прироста населения Латвии и Эстонии, происходившие в первую очередь за счет миграции русских, были вызваны тем, что прибалтийские республики являлись одним из наиболее динамично развивающихся регионов СССР. Это определялось многими факторами, в том числе и экономико-географическим положением. Располагаясь на побережье Балтийского моря, портовые города этих территорий традиционно обслуживали значительную часть внешнеторгового оборота всей дореволюционной России, а затем и Советского Союза. Транзитные функции этих республик особенно возросли после их включения в состав СССР. Наряду с чисто экономическим фактором, в наибольшей мере стимулировав-

шим миграцию в Прибалтику в советские годы, механический прирост ее населения, несомненно, происходил и благодаря военнополитическим обстоятельствам – размещению на западных рубежах СССР военных контингентов, военно-морских сил и пр., что стимулировало бурное развитие разнообразной обслуживающей инфраструктуры, в том числе предприятий ВПК.

Накануне распада СССР русские в Прибалтике были больше, чем титульное население, заняты в промышленности и управлении. В Эстонии в 1989г. количество русскоязычных занятых в промышленности превышало количество эстонцев на 78%, в Латвии и Литве русскоязычных в промышленности было больше, чем латышей и литовцев на 47 и 30% соответственно. В управлении разница была еще выше: в Литве число русскоязычных превышало число представителей титульной нации на 195%, в Латвии – на 105%, в Эстонии – на 98%. Существенное преобладание титульного населения наблюдалось в сельском хозяйстве: на 84% в Эстонии, на 76% и 70% в Литве и Латвии. Больше, чем русскоязычное, титульное население было также занято в просвещении и образовании. [5]

Постсоветские миграции в государствах Балтии имеют ряд особенностей, делающих нынешнюю миграционную ситуацию резко отличной от той, которая была характерна для прибалтийских республик бывшего СССР. В отличие от тенденций, господствовавших в советский период, для миграций после выхода этих стран из состава Союза характерно преобладание числа выезжающих из них над числом в них въезжающих. В результате этого миграционное сальдо во всех трех государствах Балтии с 1989 г. стало отрицательным (таблица 2).

Таблица 2

Сальдо миграции населения, тыс. человек

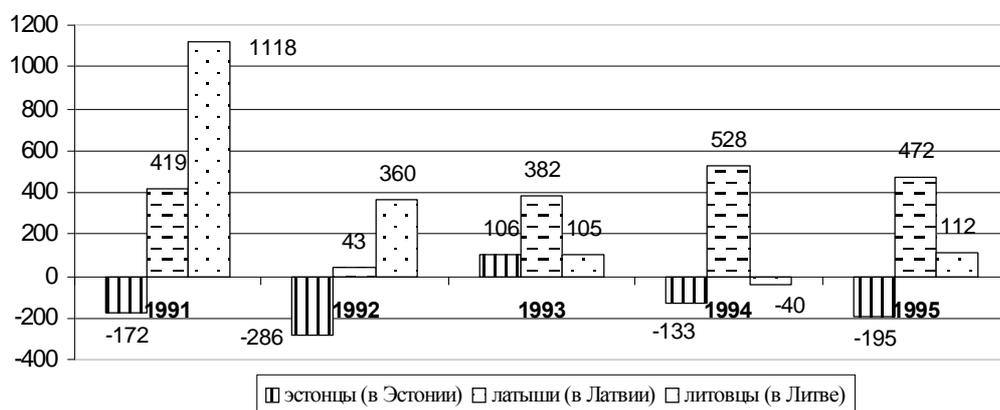
	1961-1965	1966-1970	1971-1975	1976-1980	1981-1985	1986-1990	1991-1995	1961-1990
Эстония	43,2	48,0	32,9	27,5	27,9	18,0	-71,4	197,5
Латвия	78,0	70,0	63,6	39,5	43,7	33,0	-115	327,8
Литва	14,4	33,9	33,6	34,4	49,3	48,1	-50,3	213,7

Составлено по: данные Госкомстата СССР; Demographic statistics in the Baltic countries. Tallinn; Riga; Vilnius, 1996; Statistical Yearbook of Latvia 1999, Central Statistical Bureau of Latvia, Riga, 1999; Statistical Yearbook of Estonia 1998, Statistical Office of Estonia, Tallinn, 1998; Demographic Yearbook 2002, Vilnius, 2003.

Преобладание выезда над въездом является результатом прежде всего этнополитических перемен, произошедших после распада СССР, и этнократической политикой постсоветских прибалтийских государств, особенно Эстонии и Латвии. Об этом свидетельствуют тенденции в изменениях этнического состава миграционных потоков. После 1991 г. доля в них русских и другого нетитульного населения стремительно росла среди выезжающих из этих стран и заметно падала среди въезжающих в них. В результате из года в год увеличивалась

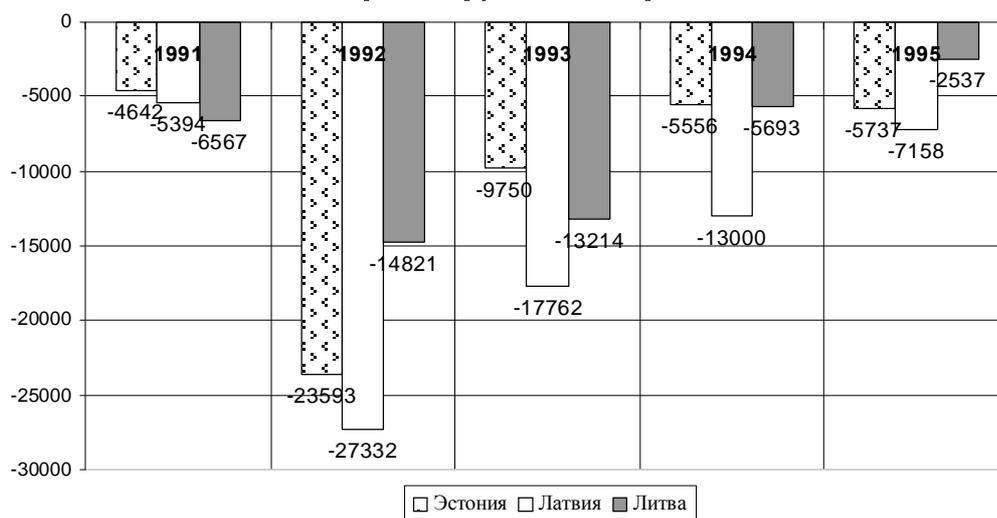
доля русских в общем отрицательном сальдо внешней миграции. Особенно характерным это было для Эстонии и Латвии. Но еще более заметным (особенно в первые годы после суверенизации) был рост доли титульного населения этих стран в составе въезжающих в них и некоторое падение в этот период их веса среди выезжающих. Сальдо миграции титульных этносов стран Балтии, за исключением эстонцев, практически все эти годы, в отличие от такового русских и другого нетитульного населения было положительным (рис. 1, 2).

Рис.1. Сальдо миграции титульных национальностей в Прибалтике, 1991–1995 гг., человек

Составлено по: Demographic statistics in the Baltic countries. Tallinn, Riga, Vilnius, 1996, p.62; Statistical Yearbook of Latvia 1999, Central Statistical Bureau of Latvia, Riga, 1999, p.73; Statistical Yearbook of Estonia 1998, Statistical Office of Estonia, Tallinn, 1998, p.80; Demographic Yearbook 2002, Vilnius, 2003, p.153.

Рис.2. Сальдо миграции русских в Прибалтике, человек

Составлено по: Demographic statistics in the Baltic countries. Tallinn, Riga, Vilnius, 1996, p.62; Statistical Yearbook of Latvia 1999, Central Statistical Bureau of Latvia, Riga, 1999, p.73; Statistical Yearbook of Estonia 1998, Statistical Office of Estonia, Tallinn, 1998, p.80; Demographic Yearbook 2002, Vilnius, 2003, p.153.

Основные тенденции в миграционной политике прибалтийских государств можно охарактеризовать как выталкивание, выдвигание русских и другого нетитульного населения и попытку стягивания на этническую родину титульного населения из других регионов бывшего СССР и из государств за его пределами. В итоге названных тенденций миграционного обмена прибалтийских государств с другими странами за первую половину 90-х годов произошло сокращение общей численности их населения, что было особенно заметно в Эстонии и Латвии, в первую очередь за счет нетитульной его части, особенно русских.

После провозглашения независимости прибалтийскими государствами начался процесс вытеснения русских из общественной и экономической жизни этих стран, причем наиболее мощное вытеснение идет из высших страт общества. Это подтверждается результатами опроса мигрантов из Латвии и Эстонии, проведенного Е.И. Филипповой в 1994г. в Псковской области [7]. Среди опрошенных преобладали лица средних трудоспособных возрастов с высоким уровнем образования (высшее образование имели 41% переселенцев из Латвии и 28% – из Эстонии, среднее специальное – соответственно 19% и 30%). Наиболее многочисленные социальные группы среди мигрантов – квалифицированные рабочие, специалисты, а также руководители. Доля неквалифицированных рабочих и служащих крайне мала.

Ограничению количества въезжающих в Эстонию способствует действующая в стране иммиграционная квота. Согласно Закону об иностранцах, первоначально она составляла 0,1%, а после внесения поправки в 1997г. она сократилась до 0,05% от численности постоянного населения Эстонии, что составляет не многим более 600 человек в год. Иммиграционная квота не распространяется на граждан Европейского Союза, Норвегии, Исландии и Швейцарии, таким образом, миграционная квота ограничивает въезд преимущественно русскоязычного населения.

В настоящее время большинство мигрантов из Прибалтики – русскоязычные, среди которых преобладают русские. Главной причиной их миграции в Россию служат трудности адаптации к новым социально-политическим и экономическим реалиям в странах, где они оказались после распада СССР. С другой стороны, отсутствие языковых и культурно-бытовых проблем, общность менталитета, образования и другие

факторы облегчают их адаптацию к российским условиям. Репатриация российских соотечественников из новых независимых государств стала важнейшей компонентой миграционных процессов России 1990-х годов.

Пик миграционного оттока из прибалтийских государств пришелся на начало 90-х гг. Рекордным по сокращению численности населения оказался 1992 год, в течение которого Эстонию покинуло 37,4 тыс. человек, Латвию – 53,1 тыс., Литву – 28,9 тыс., в том числе русских из Эстонии уехало 25,9 тыс., из Латвии – 30,7 тыс., из Литвы – 16,4 тыс. [11]. Поскольку Прибалтику покидали преимущественно русские, которые распределены по территории стран крайне неравномерно, то и миграционное сокращение населения существенно различается в разных районах. Наибольший миграционный отток населения наблюдался там, где компактно проживает русскоязычное население. Так, на Северо-Востоке Эстонии в результате миграций за 1991-1997 гг. население сократилось на 8,3%. Интересным фактом является то, что до распада Советского Союза Северо-Восток был одним из лидирующих регионов по притоку мигрантов, а с 1991 г. ситуация изменилась на противоположную.

Одним из итогов резкой перемены в тенденциях внешней миграции прибалтийских стран конца 1980-х – первой половины 1990-х годов стали заметные демографические изменения. Согласно статистическим данным, за этот период в результате миграционного обмена с другими странами население бывших прибалтийских республик СССР в целом в той или иной мере сократилось. Более заметным это было в Эстонии и Латвии, менее заметным – в Литве. Эти различия между странами вполне понятны, учитывая, что в результате миграции уменьшилась численность прежде всего нетитульного населения, а его доля среди балтийских республик меньше всего именно в Литве. Титульное же население Латвии и Литвы в итоге миграционного обмена с внешним миром даже несколько возросло. Правда, рост этот был весьма невелик – всего на 0,1% общей численности литовцев и латышей в их титульных республиках в 1989 г. Численность эстонцев в результате внешней миграции за эти годы хотя и очень незначительно, но сократилась, Доля же русского населения в итоге внешней миграции в наибольшей мере сократилась в Литве, несколько меньше – в Эстонии и еще меньше – в Латвии (таблица 3).

Таблица 3

Страна	Изменение относительной численности населения в 1990-1994 гг. в результате внешней миграции (1989г. = 100%)					
	Все население	Титульное население	Русские	Украинцы	Белорусы	Евреи
Эстония	95,7	99,95	90,4	80,4	84	72,5
Латвия*	96,1	100,1	93	83	88,4	79,1
Литва	98,5	100,1	89,9	83	88,7	59,7

* За 1991-1994 гг.

Источник: Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. Стр. 289.

Данные российской статистики свидетельствуют о том, что мигранты из стран Балтии в России чаще всего селились в Северо-Западном и Центральном экономических районах, территориально наиболее близких к регионам их выхода и со схожими природно-климатическими условиями. В определенной своей части это возвратная миграция, поскольку именно из этих российских регионов русские в советский период чаще всего и переселялись в прибалтийские республики. В 1993г. в этих двух районах поселились почти 60% мигрантов из Эстонии, почти 1/2 (46%) из Латвии и более 1/4 (28%) из Литвы. Эти два района не в одинаковой мере привлекали выходцев из разных стран Балтии. В Северо-Западном районе мигранты из Эстонии ехали гораздо чаще, чем в Центральный, а переселенцы из Литвы – наоборот. Доли же выходцев из Латвии, селившихся в этих российских регионах, были примерно одинаковы. Понятно, что эти различия вызваны прежде всего близостью того или иного балтийского государства к названным регионам России. Внутри Северо-Западного района мигранты из Балтии чаще селились в Петербурге, Ленинградской и Псковской областях, в Центральном районе – в Московской области и на западе региона – в Смоленской и Тверской областях. За период 1992-1997гг. в Санкт-Петербург из Прибалтики прибыло 12,7 тыс. человек. Свыше 1/2 прибывших за эти годы были из Латвии, 35% – из Эстонии, 13% – из Литвы. [10]

Во второй половине 1990-х годов произошло снижение миграционного оттока: отъезд русского и другого нетитульного населения сократился в несколько раз. Так, в 1997г. из Эстонии выехало всего чуть более 4 тыс. человек, что в 9 с лишним раз меньше, чем в 1992 г. Въехало же в страну 1,5 тыс.

человек, причем такая величина миграционного притока установилась с 1994г. Отъезд русскоязычного населения по-прежнему продолжается, однако происходит гораздо более медленными темпами.

Сокращение миграционного оттока из Латвии, Литвы и Эстонии было вызвано рядом причин. Во-первых, большинство тех, кто хотел и имел возможность уехать, покинули Прибалтику. Во-вторых, произошло ужесточение российского законодательства, регламентирующего предоставление статуса беженца и вынужденного переселенца; увеличились трудности, с которыми сталкиваются переселенцы в ходе социально-экономической адаптации в России. В-третьих, часть русских уже интегрировалась в экономическую и политическую жизнь новых государств и не намерена их покидать. Но, помимо этого, не последнюю роль в сокращении притока иммигрантов играет и постепенное исчерпание миграционного потенциала в прибалтийских странах – ведь значительная часть потенциальных иммигрантов уже выехала в Россию в предшествующие годы.

Миграционный потенциал Прибалтики – максимально возможная на данный момент численность потенциальных мигрантов, которые могут выехать с этой территории при сохранении значимости и структуры выталкивающих и привлекающих факторов. Миграционный потенциал стран определяется численностью и особенностями миграционных установок представителей различных этнических групп. Миграционный потенциал как некая возможность миграционной активности населения, и его реализация в миграционном поведении населения могут разительно отличаться: между стремлением выехать из страны и возможностью его реа-

лизации огромная дистанция. Многие потенциальные мигранты не могут покинуть государство проживания по экономическим, политическим или иным мотивам. В то же время в чрезвычайных обстоятельствах, реальные миграционные потоки могут превышать расчетный миграционный потенциал.

В таблице 4 приведена оценочная величина миграционного потенциала русских в прибалтийских государствах, равная приблизительно 100 тыс. человек. Расчет был проведен В.Мукомелем в 2001 году; автор называет эти цифры «максимально возможной численностью потенциальных эмигрантов».

Таблица 4

Оценка миграционного потенциала русских в Прибалтике (тыс. чел.)

Страна	Численность русских	Доля потенциальных эмигрантов из числа русских, %	Численность потенциальных русских эмигрантов
Латвия	700	8	56
Литва	290	6	17
Эстония	350	8	28

Источник: Демоскоп weekly, № 37–38, 8-21 октября 2001, <http://www.demoscope.ru>

Однако численность – это лишь один фактор, предопределяющий миграционный потенциал русских. Другой, не менее важный фактор – их установки на выезд из страны проживания. Такие установки изменчивы и определяются, в первую очередь, реальной ситуацией как в соответствующих странах, так и в России.

Практически единственный источник оценок миграционных установок – социологи-

ческие обследования. Впервые такое исследование среди русских Прибалтики было проведено ВЦИОМом осенью 1991 г., т.е. сразу после распада Советского Союза. Вопрос был сформулирован так «Собираетесь ли Вы, при удобном случае, выехать из республики или собираетесь остаться в ней жить навсегда?». Результаты обследования приведены в таблице 5.

Таблица 5

Распределение опрошенных по намерениям, %

	Решил уехать	Решил остаться	Не знаю
Эстония	6	62	32
Латвия	6	61	33
Литва	7	60	33

Источник: Левада Ю. Общественное мнение об условиях и факторах миграции русского населения. – «Бывший СССР: внутренняя миграция и эмиграция». Вып. I. М., 1992, с. 25-26

Обращает на себя внимание незначительный процент желающих уехать из Прибалтики. В первую очередь, это было связано с тем, что в советские годы Прибалтика являлась регионом с высоким уровнем и качеством жизни и население было не намерено ее покидать. Вторых, вследствие большого миграционного притока значительная часть населения Латвии, Литвы и Эстонии являлась мигрантами в первом или во втором поколении. Кроме того, еще не были приняты законодательные акты, впо-

следствии заложившие раскол между титульным и нетитульным населением, и русские рассчитывали на сохранение всех прав и свобод.

Однако жизнь внесла свои коррективы. По результатам данного социологического исследования, количество русских потенциальных мигрантов из Эстонии можно оценить приблизительно в 28 тыс. человек. Эту цифру можно считать завышенной, т.к. между желанием уехать и реальным отъездом существенная разница. Но реальные изменения, произошедшие

в стране, вызвали поток мигрантов, значительно превзошедший эту цифру: за 1992 и 1993 гг. из Эстонии уехало более 37 тыс. русских.

Подобные обследования проводились также в 1993-1994 гг. в Литве и Эстонии группой ученых во главе с С.С.Савоскулом. Итоги этих полевых исследований позволили сделать вывод о том, что в общественном сознании русских Эстонии и особенно Литвы мысли о миграции были распространены довольно широко. С той или иной интенсивностью думали об этом более 1/2 русских в Эстонии и немногим менее 3/4 в Литве. [9] И это притом, что основная масса русских уехала из Прибалтики в 1992 г.

Огромная разница в результатах двух социологических исследований свидетельствует о том, как сильно изменилось положение русских. Были приняты законы (Эстония и Латвия), заложившие основу дискриминации русскоязычного населения, и представители негитуйного населения смогли реально оценить положение, в котором они оказались, что вызвало миграцию населения из Прибалтики.

Миграционные настроения отличны у разных групп населения. Большое влияние оказывают уровень адаптации русскоязычного населения к языку, культуре титульного народа, интеграция в сообщество нового независимого государства, идентификация с ним. Например, весьма различны миграционные настроения русских, владеющих титульным языком страны проживания и не владеющих или владеющих им с трудом. У свободно владеющих титульными языками уровень потенциальной миграции гораздо ниже, чем у плохо или совсем не владеющих ими.

Существенное влияние на миграционные установки оказывает и возраст. Меньше всего настроена на эмиграцию русская молодежь, т.к. эта группа населения зачастую намерена интегрироваться в жизнь новых государств. В молодом возрасте значительно легче выучить эстонский, латышский или литовский язык, а знание

государственного языка является одним из условий успешной интеграции. Выше всего уровень потенциальной миграции у людей средних возрастов. Очевидно, это объясняется тем, что этой группе населения уже сложнее интегрироваться в общество. Пожилые люди наименее подвижны, и многие из них, особенно одинокие, настроены дожить свой век на малой родине, где прошла бо́льшая часть их жизни.

В период вхождения Прибалтики в состав Советского Союза основной чертой миграционных процессов был приток в регион русскоязычного населения, в основном из сопредельных территорий России и Белоруссии. Результатом этих миграций стало существенное увеличение доли русскоязычного населения в каждой из республик. Так, в 1989 г. доля русских в Прибалтике достигла максимального значения, составив в Эстонии, Латвии и Литве соответственно 30,3%, 34,0% и 9,4%.

Распад Советского Союза изменил направление миграционных потоков между Прибалтикой и Россией. Если до 1991 г. прибалтийские республики имели положительное сальдо миграции с РСФСР, то после оно стало отрицательным. Начался массовый выезд русскоязычного населения, пик которого пришелся на 1992 г. За период 1990–1994 гг. из Прибалтики уехало около 250 тыс. русскоязычных, в том числе свыше 180 тыс. русских. Основной причиной этому послужило принятие законодательных актов, дискриминирующих русскоязычное население. Миграционные процессы непосредственным образом повлияли на изменение национального состава прибалтийских государств – во всех трех странах сократилась доля представителей национальных меньшинств и повысилась доля титульного населения. Затем миграционный отток пошел на спад, что вызвано определенным исчерпанием миграционного потенциала этих стран. В настоящее время миграционный потенциал Прибалтики можно оценить не более чем в 100 тыс. человек.

Литература

1. Демоскоп weekly, № 37–38, 8-21 октября 2001, <http://www.demoscope.ru>
2. Динамика населения СССР. 1960-1980 гг. Васильева Э.К., Елисеева И.И., Кашина О.Н., Лаптев В.И. М.: «Финансы и статистика», 1985, 176 с.
3. Зайончковская Ж. Вынужденные мигранты из стран СНГ и Балтии. – «Социологические исследования», 1998, №6, с.55-59.
4. Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). Текущий архив.
5. Информационно-аналитический бюллетень Фонда Соороса «Открытое общество» №2(11), 2001.

6. Левада Ю. Общественное мнение об условиях и факторах миграции русского населения. – «Бывший СССР: внутренняя миграция и эмиграция». Вып. I. М., 1992.
7. Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. М., Институт этнологии и антропологии РАН, 1996, 239 с.
8. Население союзных республик. Сборник статей. Ред. коллегия: Т.В. Рябушкин и др. М.: «Статистика», 1977.
9. Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. – М., «Наука», 2001, 438 с.
10. Чистякова Н. Миграционные связи Санкт-Петербурга со странами Балтии / Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90е годы. Под редакцией Ж.А. Зайончковской. М., 1999, 339-350 сс.
11. Demographic statistics in the Baltic countries. Tallinn; Riga; Vilnius, 1996.
12. Demographic Yearbook 2002, Vilnius, 2003.
13. Statistical Yearbook of Estonia 1998. Statistical Office of Estonia, Tallinn, 1998.
14. Statistical Yearbook of Latvia 1999, Central Statistical Bureau of Latvia, Riga, 1999.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

М. Д. Горячко (Москва)

СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА

Goryachko M. D.

STRUCTURAL SHIFTS IN THE CENTRAL ECONOMIC REGION'S INDUSTRY

The article focuses on the structural shifts in the Central Russia economy. The author reveals the factors of the structural shifts, presents the regions typology according to the depth and trends of these shifts.

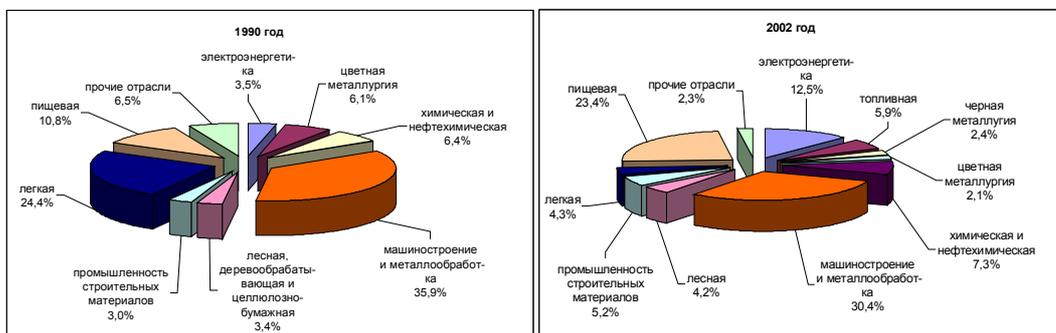
Центральный экономический район является одним из наиболее развитых экономических районов России. Уровень и тенденции развития экономики района определяются накопленным производственным и научно-техническим потенциалом, наличием высококвалифицированных кадров, высокоразвитой кредитно-финансовой и транспортной инфраструктурой с выходом на западноевропейские транспортные коммуникации, а также наличием широкого круга перерабатывающих производств сельскохозяйственной продукции, сельскохозяйственного машиностроения и ориентированных на экспорт металлургических производств.

В 90-е гг. Центральный экономический район вместе со всей страной осуществил резкий переход от одной экономической модели к другой. Реформы глубоко затронули отраслевую структуру хозяйства (рис. 1.), отношения собственности, главные механизмы управления экономикой, основные экономические институты. Несмотря на перечисленные выгоды развития района, экономический кризис 90-х гг. не обошел стороной и Центральную Россию, в том числе и сферу промышленности. Это, прежде всего, значительный спад промышленного производства, неостребованность выпускаемой продукции, потеря оборотных средств, а также проблема реструктуризации оборонно-военной промышленности и ряд других. Многие из

этих проблем к концу 90-х гг. решить так и не удалось.

Основными проблемами, стоящими перед промышленностью района в настоящее время, являются высокий уровень цен на энергоносители и сырье, необходимость структурной перестройки экономики и внедрения ресурсосберегающих технологий, а также недостаточная обеспеченность предприятий оборотными средствами. 1950–1990-е годы для Центральной России характеризовались значительными структурными отличиями промышленности по сравнению с другими экономическими районами. В 70–80-е гг. здесь отмечалась чрезвычайно высокая динамика сложившейся экономической структуры. Например, доля занятых в промышленности практически не менялась с 1970 г. Очень медленно росла доля занятых в сфере услуг. Одновременно с этим Центральный район занимал лидирующие позиции в стране по производству продукции промышленности в стоимостном выражении.

Для района сохранялась четкая специализация промышленной деятельности. На его долю приходилось около 50% производства продукции всей легкой промышленности, значительная часть производства продукции машиностроения. К концу 80–началу 90-х гг. Центральный экономический район входил в тройку крупнейших в стране производителей и потребителей электроэнергии.

Рис. 1. Отраслевая структура промышленности Центрального экономического района

Радикальные реформы 90-х гг. обусловили очень быстрые (по сравнению с теми, которые имели место в период плановой экономики) изменения отраслевых и территориальных пропорций по большинству важнейших макроэкономических и частных показателей. Быстрое изменение структуры и объемов конечного потребления стали причиной сильной дифференциации темпов падения выпуска в разных отраслях. Рекордными темпы падения стали в легкой промышленности и в машиностроении, медленнее всего производство сокращалось в газовой промышленности и в электроэнергетике. Дореформенная специализация регионов стала главным фактором, определяющим динамику физических объемов выпуска, – в относительно более благоприятном положении оказались отрасли, внутренний спрос на продукцию которых сокращался медленнее, и при этом не было интенсивного вытеснения их с российского рынка импортерами. Другую группу менее пострадавших от общего экономического спада отраслей составили такие, для которых сохранились внешние рынки сбыта или была возможность увеличения экспортных поставок.

Второй важнейший фактор, обусловивший значительные структурно-территориальные трансформации – ценовой, т.е. изменение относительных цен, вызванное либерализацией внешнеторговой деятельности. Именно этот фактор является решающим в объяснении очень быстрых изменений территориальной структуры, например, в увеличении всего лишь за год (1992–1993 гг.) доли промышленности Западной Сибири на 4 процентных пункта или в падении за этот же короткий срок доли Центрального района более чем на 7 процентных пунктов. С 1993 по 1998 гг. имел место период относительной стабилизации тенденций изменения территориальной структуры промышленного производства. В последние два года имел место аналогичный эффект,

но уже значительно менее выраженный, поскольку новое изменение внутренних относительных цен было вызвано резким падением курса рубля и имело преходящий характер (табл. 1.).

Таблица 1*
Доля экономических районов страны по объему производства промышленной продукции (в % к общему объему производства по России)

Экономические районы	1989	1995	2002
1.Северный	4,1	6,0	5,6
2.Северо-Западный**	5,6	4,2	6,2
3.Центральный	22,9	16,7	17,5
4.Центрально-Черноземный	4,8	4,9	4,1
5.Волго-Вятский	5,7	5,0	4,3
6.Поволжский	11,2	12	12,7
7.Северокавказский	7,4	4,6	4,4
8.Уральский	15,8	18,2	16,5
9.Западносибирский	11	15,4	16,8
10.Восточносибирский	6,1	7,7	6,8
11.Дальневосточный	4,8	6,3	5,5
Итого	100,0	100,0	100,0

* Источник: Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. М., 1990; Регионы России. М., 2003.

**Включая Калининградскую область

Главным итогом прошедшего десятилетия в части изменения территориальной структуры промышленного производства стало значительное повышение доли восточных и северных районов (табл. 1.), в первую очередь, благодаря новым ценам и, во вторую – вследствие несколько меньших темпов падения выпуска в физическом выражении. Несмотря на сохранение лидирующего положения Центрального экономического района в 90-е годы, его доля сравнялась с долями Уральского и Западно-

Сибирского районов. А доля всех восточных районов в производстве промышленной продукции в стоимостном выражении составила в 2001 г. больше 29%. Но следует помнить, что в целом промышленность восточных и северных районов страны в значительной степени привязана к внешним рынкам. Если предположить возможность их хотя бы частичной потери, то доля этих районов в общем промышленном производстве снизится до более низкого уровня, чем в дореформенные времена.

В отраслевой структуре промышленного производства во всех экономических районах в целом произошли единообразные перемены, обусловленные вначале действием преимущественно ценового фактора (различными темпами роста цен производителей), а впоследствии – в основном динамикой выпуска в физическом выражении. Это, прежде всего значительное повышение удельных весов энергетики и топливной промышленности и понижение долей машиностроения и легкой промышленности (табл. 2.).

Таблица 2*

Изменение отраслевой структуры промышленности экономических районов России, 1990–2002 гг. (в %)

	СР	СЗР	ЦР	ЦЧР	ВВР	ПР	СКР	УР	ЗСР	ВСР	ДВ
Электроэнергетика											
1990	4,1	3,4	3,4	3,3	2,4	5,2	2,7	4,7	5,1	9,0	4,5
2002	12,5	12,3	12,0	16,0	10,6	9,7	18,5	11,0	9,7	13,0	17,3
<i>ИЗМЕНЕНИЕ</i>	+8,4	+8,9	+8,6	+12,7	+8,2	+4,5	+15,8	+6,3	+4,6	+4,0	+12,8
Топливная											
1990	6,1	3,2	1,9	0,0	3,3	6,1	4,8	7,3	32,2	9,7	5,4
2002	14,8	4,6	5,6	0,0	2,4	22,4	6,9	17,2	64,4	5,0	11,2
<i>ИЗМЕНЕНИЕ</i>	+8,7	+1,4	+3,7	0,0	-0,9	+16,3	+2,1	+9,9	+32,2	-4,7	+5,8
Черная металлургия											
1990	13,8	0,8	1,8	13,6	3,5	2,1	1,4	15,8	5,0	1,0	0,9
2002	23,1	2,6	2,3	33,0	6,6	1,8	2,4	19,7	5,5	0,9	0,9
<i>ИЗМЕНЕНИЕ</i>	+9,3	+1,8	+0,5	+19,4	+3,1	-0,3	+1,0	+3,9	+0,5	-0,1	0,0
Цветная металлургия											
1990	6,5	1,8	5,9	0,0	0,5	1,7	2,5	8,2	1,5	21,7	14,1
2002	5,6	2,4	2,0	0,0	0,7	2,1	2,6	10,7	1,7	48,1	29,8
<i>ИЗМЕНЕНИЕ</i>	-0,9	+0,6	-3,9	0,0	+0,2	+0,4	+0,1	+2,5	+0,2	+26,4	+15,7
Химическая и нефтехимическая											
1990	4,2	5,7	6,2	9,1	9,3	13,2	7,1	7,6	8,0	4,1	2,0
2002	5,4	4,6	7,0	6,1	11,2	12,2	6,0	6,9	3,3	3,6	0,7
<i>ИЗМЕНЕНИЕ</i>	+1,2	-1,1	+0,8	-3,0	-1,9	-1,0	-1,1	-0,7	-4,7	-0,5	-1,3
Машиностроение и металлообработка											
1990	15,6	44,1	34,8	33,4	44,9	39,8	27,5	31,7	22,0	14,0	18,7
2002	6,5	25,1	29,1	16,8	38,3	34,2	15,4	18,8	6,4	10,1	13,6
<i>ИЗМЕНЕНИЕ</i>	-9,1	-19,0	-5,7	-16,6	-6,6	-5,6	-12,1	-12,9	-15,6	-3,9	-5,1
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная											
1990	21,5	6,2	3,3	1,9	6,3	2,3	4,5	4,1	3,6	13,6	8,4
2002	20,2	6,5	4,0	1,4	6,4	1,3	2,6	2,4	0,8	9,8	5,3
<i>ИЗМЕНЕНИЕ</i>	-1,3	+0,3	+0,7	-0,5	+0,1	-1,0	-1,9	-1,7	-2,8	-3,8	-3,1
Промышленность строительных материалов											
1990	4,5	3,1	2,9	4,1	2,9	3,6	4,3	2,8	3,6	4,0	6,5
2002	1,4	3,7	5,0	4,4	3,2	3,0	5,2	3,0	1,5	1,6	2,1
<i>ИЗМЕНЕНИЕ</i>	-3,1	+0,6	+2,1	+0,3	+0,3	-0,6	+0,9	+0,2	-2,1	-2,4	-4,4
Легкая											
1990	5,0	12,3	23,6	8,1	12,2	9,6	13,2	5,7	6,5	10,9	4,1
2002	0,6	1,7	4,1	1,1	2,6	1,0	2,5	0,8	0,4	0,5	0,5
<i>ИЗМЕНЕНИЕ</i>	-4,4	-10,6	-19,5	-7,0	-9,6	-8,6	-10,7	-4,9	-6,1	-10,4	-3,6
Пищевая**											
1990	9,7	28,2	25,1	22,2	16,0	13,6	38,1	10,1	7,8	6,4	26,3
2002	17,6	13,1	12,4	24,9	12,4	14,4	28,8	10,1	10,9	10,6	32,2
<i>ИЗМЕНЕНИЕ</i>	8,4	-15,1	-12,7	12,7	-3,6	0,8	-9,3	0,0	3,1	4,2	5,9

* Таблица рассчитана автором по данным сб. Регионы России. М., 2003

**Включая мукомольно-крупяную и комбикормовую промышленность.

Рассмотрим подробнее изменения, происходящие в 90-е гг. в промышленности Центрального экономического района. Период рыночных преобразований в промышленности и России в целом и Центрального района можно разделить на два этапа. Первый (1991–1996 гг.) – это период основного промышленного спада, обусловленный неоднозначными процессами преобразований, происходящими в целом в Российской Федерации. Необходимо отметить, что спад промышленного производства в экономическом районе окончательно приостановился гораздо позже, чем в целом по стране. При этом и минимум объемов производства в районе оказался значительно ниже среднероссийского уровня. В 1996 г. индекс физического объема промышленного производства в целом по Центральному району составил 36,1% против 49,2% по России в целом.

Более глубокий спад в промышленности Центрального района по сравнению с общероссийским был обусловлен, в первую очередь, его отраслевой структурой, а также тем, что значительная часть продукции производилась для внутрироссийского потребления. В отличие от сырьевых и других экспортно-ориентированных отраслей хозяйства, представленные в регионе машиностроение (в том числе радиоэлектроника), легкая и деревообрабатывающая отрасли промышленности оказались не способными переориентировать производство на рынки зарубежных стран из-за неконкурентоспособности большей части производимой ими продукции.

В числе факторов, определяющих динамику промышленного производства, следует назвать и резкое сокращение государственных расходов на оборону, что привело к свертыванию военных производств и соответствующему снижению выпуска в сопряженных отраслях промышленности, что особенно негативно сказалось на Центральной России, как регионе, в значительной степени «завязанном» на ВПК.

Со второй половины 90-х годов положение в Центральной России (как и в целом по России) стабилизировалось, что было обусловлено «частичным восстановлением платежеспособного спроса». Отмечая, в целом, ухудшение макроэкономических показателей структурных сдвигов за годы реформ, и в частности промышленности, необходимо отметить 1997 г., когда неблагоприятная тенденция была переломлена и наметился некоторый

рост объемов производства. Однако с августа 1998 г., экономика и России, и Центрального района вновь впадает в кризисное состояние. При этом в Центральной России последствия дефолта оказались более существенными, чем по России в целом.

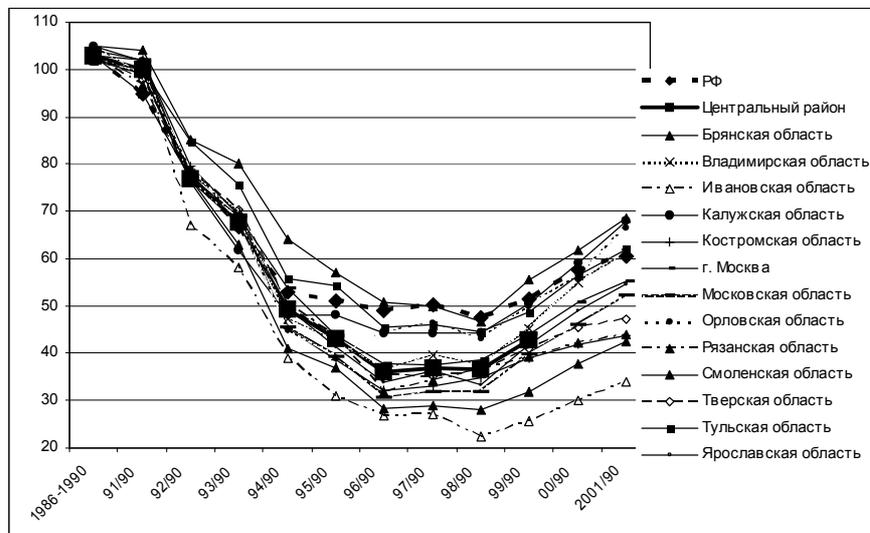
С 1999 г. начинается второй этап рыночных преобразований в промышленности района. Он характеризуется стабилизацией промышленного производства и переходом к постепенному его росту. В результате удалось сократить спад промышленного производства по отношению к 1990 г. с 35,4% в 1998 г. до 58,2% в 2002 г.

Общий тренд развития промышленного производства района повторяется во всех регионах Центральной России: спад производства в период 1991–1996 гг., стабилизация 1997 г., последствия дефолта 1998 г., стабилизация и рост объемов производства, начиная с 1999 г.

Но глубина и темпы спада значительно дифференцируются по территории (рис. 2). Падение физического объема производства в 1996–1998 гг. к уровню 1990 г. по территории Центральной России колеблется от 53,2% до 77,6%. Спад промышленного производства раньше и сильнее всего проявился в старопромышленной текстильной области – Ивановской (спад более 70%), а также в области со специализацией на машиностроении, особенно отраслях ВПК – Брянской (осталось менее 30% производства). Значительным спадом (от 60% до 70%) был в Московской, Костромской, Владимирской, Рязанской, Тверской и Ярославской областях, что объясняется в большинстве случаев их машиностроительной специализацией. Не менее значительным был спад к 1998 г. и в Москве, где ускоренными темпами развивается третичный сектор экономики.

В 1998 г., несмотря на крайне неблагоприятную общероссийскую конъюнктуру, в четырех регионах Центрального района – Москва, Костромская, Рязанская и Тверская области – продолжался рост производства, начавшийся еще в 1997 г.

Примерно наполовину сократилось промышленное производство в Калужской, Орловской, Тульской и Смоленской областях. Причем спад в Смоленской области находился на среднероссийском уровне. На территории Орловской области, начиная с 1995 г., начинается рост промышленного производства, что связано с ролью личностного фактора руководителя региона.

Рис. 2. Динамика промышленного производства по субъектам Центрального экономического района (в % к уровню 1990 г.)

Рост промышленного производства во всех регионах Центральной России начался с 1999 г. Опережающими темпами рост шел в регионах с развитой обрабатывающей промышленностью, связанный с инвестиционными вложениями крупных экспортных компаний. Это прежде всего Московская, Ярославская, а также Смоленская и Владимирская области. Однако темпы роста производства неустойчивы. Уже в 2000 г. в ряде регионов отмечалось значительное замедление темпов роста.

В целом по Центральной России к 2003 г. уровень промышленности достиг примерно 60% относительно уровня 1990 г. (табл. 3). На фоне среднерайонного уровня некоторые регионы не достигли даже и половины объемов производства 1990 г. Это такие депрессивные области, как Ивановская, Брянская, Костромская, Рязанская и Тверская.

Таким образом, все области Центральной России по глубине охвативших их структурных изменений можно подразделить к началу 2003 г. на несколько типов:

1. Наиболее глубокий спад (более 65%) характерен для Ивановской области, что позволяет говорить о наиболее кризисной ситуации, сложившейся в ее промышленности.

2. Значительный спад (50–60%) производства отмечается в Брянской, Костромской, Рязанской и Тверской областях. Для этой группы областей характерно кризисное состояние производственного сектора экономики, в силу ранее высокой доли машиностроения в структуре производства.

Таблица 3 *
Индекс физического объема производства промышленной продукции по субъектам Центрального экономического района (2002 г. к уровню 1990 г.)

	ИФО в 2002 г. в % к 1990 г.
Центральный экономический район	58,2
Смоленская область	68,6
Калужская область	67,9
Орловская область	66,5
Тульская область	62,1
Владимирская область	61
г. Москва	55,2
Ярославская область	54,5
Московская область	52,4
Тверская область	47,3
Рязанская область	43,9
Костромская область	43,7
Брянская область	42,6
Ивановская область	34,1

* Таблица рассчитана автором по данным сб. Регионы России. М., 2003

3. От 40 до 50% спад производства отмечается в Москве и Московской области, а также в Ярославской области, что близко к среднему по Российской Федерации.

4. Спад менее 40% производства произошел в Смоленской, Орловской, Калужской и Тульской областях, что в каждом случае объясняется индивидуальными причинами.

Спад в промышленности Центральной России в 90-е гг. носил неравномерный характер и в отраслевом разрезе. При этом динамика производства по основным отраслям промышленности района существенно различается. Неравномерное сокращение объема производства на предприятиях различных отраслей промышленности и влияние спроса привели к изменению отраслевой структуры промышленного производства.

Отраслевая структура промышленности района изменялась как в натуральных, так и в стоимостных показателях. Сопоставление этих параметров позволяет выявить основные сдвиги в отраслевой структуре экономики. Анализ данных показывает (табл. 4), что наиболее быстрыми темпами происходили сдвиги роста доли следующих отраслей в структуре промышленного производства:

- электроэнергетической отрасли (на 505,8% по производству продукции);
- пищевой (на 100,1% по производству продукции);
- промышленность строительных материалов (на 100%)

Таблица 4 *
Индекс структурных сдвигов
по отраслям промышленности
Центрального экономического
района (2002 г. к уровню 1990 г.)

<i>Отрасли</i>	<i>Индекс (I)</i>
электроэнергетика	505,9
пищевая	101,0
промышленность строительных материалов	100,0
черная металлургия	50,0
стеклянная и фарфоро-фаянсовая	28,6
топливная	26,3
химическая и нефтехимическая	14,5
лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	3,0
машиностроение и металлообработка	-28,7
легкая	-80,9
цветная металлургия	-83,0

* Таблица рассчитана автором по данным сб. Регионы России. М., 2003

Колоссальные положительные долевыми сдвиги в электроэнергетике объясняются главным образом непропорционально растущими ценами в отрасли при отсутствии абсолютного роста.

Абсолютный и долевым рост отмечается в пищевой промышленности, что объясняется ее высокой инвестиционной привлекательностью и, соответственно, крупными инвестиционными вложениями. В то же время отмечались

структурные сдвиги в сторону снижения доли (в порядке убывания темпов снижения):

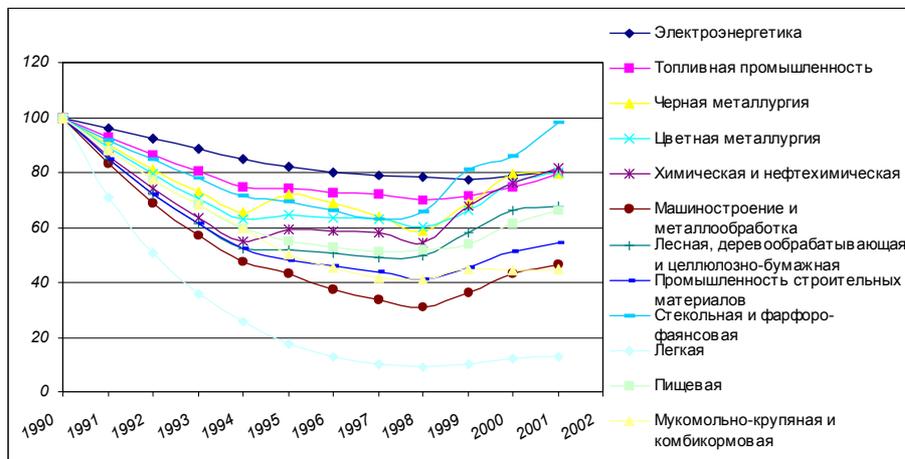
- цветной металлургии (на 83,0%)
- легкой промышленности (на 80,0%)
- машиностроения и металлообработки (на 28,7%).

В наиболее сложном положении находится машиностроение и металлообработка, которое на протяжении 90-х гг. переживало глубочайший спад. Доминирующую роль в машиностроении района играли крупные предприятия ВПК, заказ на продукцию которых сократился в десятки раз. На большинстве предприятий, включая приватизированные и проводящие конверсию, не произошло кардинальных изменений в структуре и номенклатуре выпускаемых изделий. Спад отмечается и в тех подотраслях машиностроения, которые работали на внутреннего потребителя в результате отсутствия спроса. Например, кризисное состояние характеризует станкостроение. Производство станков упало за годы перестройки примерно в 10 раз. В машиностроении страны сохраняется избыточный парк станков, и это осложняет их замену на новое оборудование.

Прежде развитая легкая промышленность находится на грани исчезновения. К основным проблемам отрасли относятся высокая степень износа оборудования, а также дефицит сырья и квалифицированных кадров. В некоторых отраслях наблюдались структурные сдвиги противоположной направленности. Однако следует указать, что подобная картина объясняется главным образом диспаритетом цен.

Указанные структурные сдвиги сопровождались спадом производства во всех отраслях промышленности. При этом наименьший спад произошел в электроэнергетической и топливной отраслях (рис. 3), чем и объясняется возрастание их относительной доли в структуре промышленности. Наибольший спад наблюдался в легкой промышленности и машиностроении, итогом чего стало значительное снижение их доли в отраслевой структуре промышленного производства.

При этом по скорости развития указанных тенденций можно выделить два временных этапа: первый (1989–1994 гг.) – средняя скорость сдвигов – 9,8% в год, второй (1994–2001 гг.) – средняя скорость – 2,6% в год. Данные цифры говорят о том, что скорость структурных сдвигов с 1994 г. снизилась почти в четыре раза. В терминах теории жизненного периода можно сказать, что сдвиги достигли своей зрелости, в дальнейшем возможны стабилизация и затухание, а также смена тенденции структурного развития (рост относительной доли перерабатывающих отраслей на фоне общего экономического подъема).

Рис. 3. Динамика производства продукции по основным отраслям промышленности России (в % к уровню 1990 г.)

Сложность процесса трансформационных сдвигов определяет их разнообразие по территории района. Для анализа рассмотрим сдвиги в ряде отраслей специализации Центрального экономического района – машиностроение и металлообработка, легкая, пищевая, а также во второстепенной отрасли – промышленность строительных материалов. Отдельно рассматриваются сдвиги, происходящие в электроэнергетике различных регионов Центрального района. При изменении масштабов рассмотрения сдвигов (переход от Центрального района в целом к областям) крайне важным и необходимым становится анализ деятельности конкретных предприятий. Для многих территорий несколько предприятий (иногда – даже единственное) определяют общую динамику в отрасли и следовательно происходящие в ней сдвиги. Особое значение в 90-е годы приобретает субъективный или личностный фактор. Предприятия одной и той же отрасли при разных подходах к управлению производством показывают различные тренды сдвигов. Для большинства областей района (исключение составляют прежде всего Москва и Московская область) большой проблемой является сложность внедрения рыночных отношений, состоящая в отсутствии структурированной и организованной региональной рыночноориентированной элиты. В руководящем звене предприятий не хватает достаточного количества кадров – носителей новой идеологии, владеющих в совершенстве новыми механизмами управления. Одновременно с этим, руководящими органами региональных администраций отмечается проблема – отсутствие эффективного собственника.

Машиностроение и металлообработка

Для большинства территорий Центрального района на протяжении первой половины 90-х гг. в результате общего спада производства в машиностроении и металлообработке, отмечались сдвиги в сторону уменьшения доли отрасли, причем с каждым годом интенсивность подобных сдвигов затухала. В 1996–1997 гг. в отдельных подотраслях машиностроения начался небольшой рост благодаря увеличению реальных доходов населения и оживлению потребительского спроса. Результатом этого являются незначительные сдвиги в сторону увеличения доли отрасли в ряде регионов района. Но неустойчивость подобного роста привела к очередному спаду, и соответственно, снижению доли отрасли в 1998 г. Таким образом, середина 90-х гг. характеризуется существенной интенсивностью происходящих сдвигов в машиностроении. С 1999 г. машиностроение демонстрирует рост, что повлекло за собой повышение его доли в отраслевых структурах производства территорий. Многоаспектность развития подотраслей машиностроения в 90-е годы определяет достаточно сложную динамику ее сдвигов по территории Центрального района. В результате проведенного анализа все субъекты Центрального района можно подразделить на несколько типов.

Первый тип объединяет Калужскую, Костромскую, Московскую и Орловскую области, где на протяжении 90-х гг. тренды сдвигов в отрасли, их скорость и интенсивность совпадают со сдвигами в целом по району (рис. 4).

Второй тип включает Ивановскую, Смоленскую, Тверскую и Тульскую области (рис. 5).

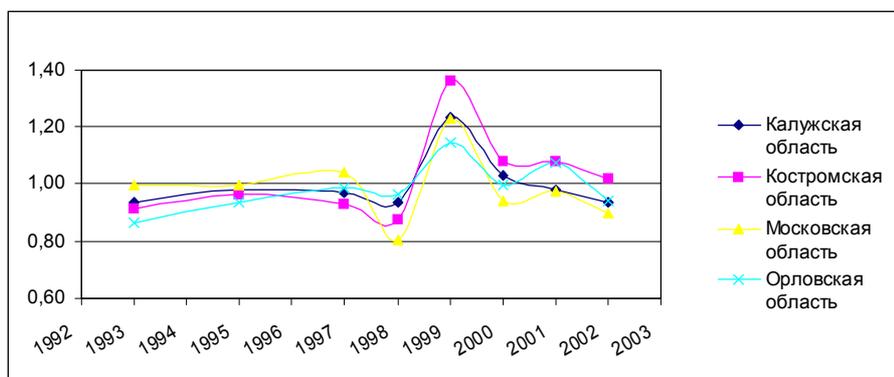

Рис. 4. Динамика индекса сдвига в машиностроении и металлообработке (1992–2002 гг.), I тип

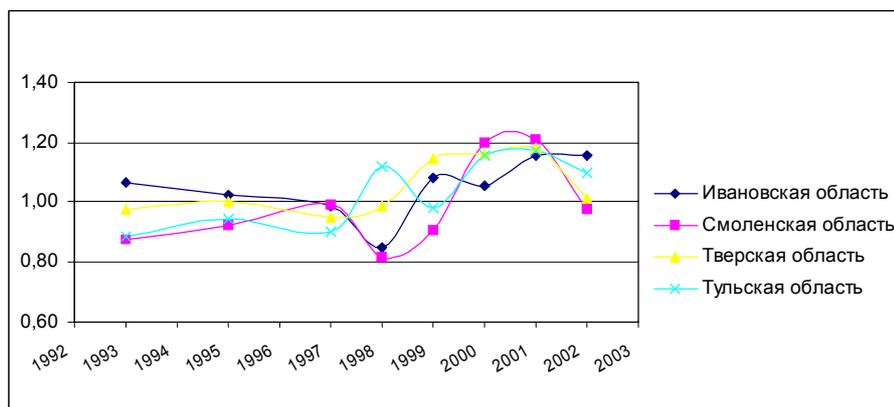

Рис. 5. Динамика индекса сдвига в машиностроении и металлообработке (1992–2002 гг.), II тип

Данный тип подразделяется на два подтипа. В первый входит Тульская область, тренд развития машиностроения характеризуется наметившейся тенденцией к росту производства, но пока неустойчивого. Состояние отрасли определяется почти исключительно военным заказом. Оборонный комплекс – своеобразный столп экономики Тульской области, отрасль стратегического, общероссийского значения, издавна определявшая тульскую специализацию.

В результате конверсии и структурной перестройки экономики страны государственный оборонный заказ, составлявший основную часть объёма производства тульских оборонных предприятий, уменьшился в 6–7 раз. За 90-е годы отрасль потеряла около 70 тыс. квалифицированных рабочих и инженеров (в Туле к концу 80-х гг. около 40% занятых работали в ВПК). Общий объём производства, по данным на 2002 г., составлял 10% от уровня 1990 г.

Общая сумма задолженности федерального бюджета и других госзаказчиков перед пред-

приятиями военно-промышленного комплекса региона составляет порядка 200 млн. руб. Большая доля задолженности относится к поставкам продукции. На задолженность за НИОКР приходится менее 1/5 общей ее суммы.

В целом оборонные предприятия Тульской области, как и всей страны, понесли огромный, в значительной мере невосполнимый ущерб в ходе перестройки и проводимых реформ. Часть из них существует сегодня, скорее, на бумаге, оборудование и фонды используются ныне под коммерческие цели, не имеющие с оборонным производством ничего общего. Многие предприятия оказались своего рода «заложниками» проводимой государственной политики. Будучи абсолютно не подготовлены к работе в новых производственных и финансовых условиях, они столкнулись с необходимостью создавать консалтинговые фирмы. Начиная с 1999 г. благодаря определенным усилиям областной администрации, а также единичным заказам, отрасль демонстрирует 30% роста объёма производства. Из-за активизации боевых

действий на Северном Кавказе правительство стало выделять больше средств на закупку вооружений. На некоторых предприятиях оборонное производство заметно возросло. Есть и успешные примеры работы на экспорт. Однако, несмотря на положительный тренд сдвига, можно говорить лишь о благоприятных тенденциях, но никак не о переломе ситуации.

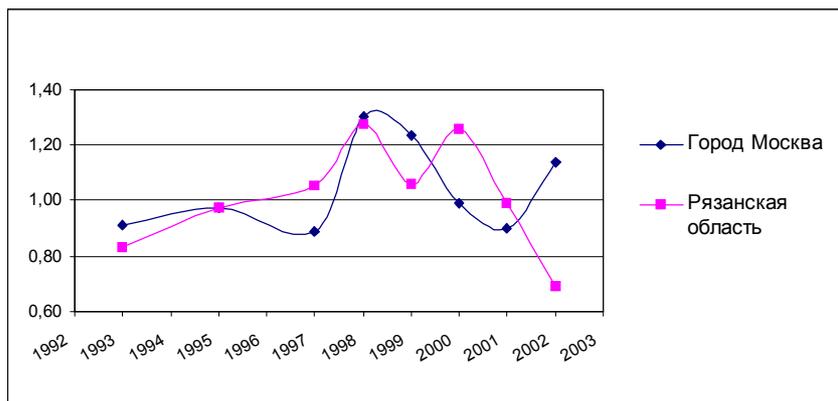
Второй подтип включает остальные три области этого типа, в которых машиностроение обслуживает преимущественно внутривоспользователя. Для каждой области тренды сдвигов определяются деятельностью конкретных предприятий.

Для Ивановской области сдвиги в машиностроении связаны с отраслями, для которых оно работает. Машиностроение в области создавалось для решения баланса занятости мужчин и женщин. В его составе преобладали сборочные заводы, жившие за счет высоко развитой кооперации со многими предприятиями страны. Все это осталось в прошлом. В структуре машиностроения области можно выделить несколько еще живых производств и отметить те из них, которые потеряли перспективы развития. В первую группу входит производство мобильной строительной техники, станков, запасных частей и комплектующих для автомобильной промышленности, во вторую – производство продукции электроники и текстильного оборудования. Депрессивное состояние большинства предприятий, единичность заказов определяют стагнационный тренд в машиностроении области.

В Смоленской области полный развал электронной промышленности и оборонного комплекса определили спад в отрасли. Тренд сдвига отрасли как и для Ивановской области можно, объяснить лишь единичными заказами на ведущих предприятиях, что влекло за собой резкое увеличение доли отрасли в соответствующие годы.

Машиностроение Тверской области отличалось утяжеленной структурой и по большому числу направлений занимало монопольное положение в стране. Тверские машиностроительные предприятия занимают монопольные и ведущие места в Российской Федерации по выпуску пассажирских магистральных вагонов, однокубовых экскаваторов, башенных высотных кранов, противопожарного оборудования. Однако большинство предприятий этой отрасли находится в крайне сложном финансовом положении, многие из них не преодолели до настоящего времени спада основных производственных показателей.

В отдельную группу вошли Москва и Рязанская область (рис. 6), сдвиги в машиностроении которых носят практически индивидуальный характер. Машиностроение Москвы характеризуется двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, в ряде подотраслей идет процесс некоторого восстановления, а с другой – полная остановка ведущих крупных предприятий (например, АЗЛК) или резкий спад производства (например, ЗИЛ), а также физическая ликвидация части промышленных предприятий отрасли.

Рис. 6. Динамика индекса сдвига в машиностроении и металлообработке (1992–2002 гг.), III тип

Сдвиги в машиностроении Рязанской области носят характер хаотического движения, что позволяет делать выводы о продолжающейся нестабильности в отрасли. В области сложился комплекс заводов военной техники и электрони-

ки, опытно-конструкторских организаций и НИИ, которые оказались на грани банкротства к середине 90-х годов. Большинство заводов акционировано с контрольным или 100% госпакетом. Часть предприятий (радиозавод, завод

электронных приборов) прошли процедуру банкротства и введение внешнего управления. Заводы ВПК выживают за счет экспорта (в основном в Китай и Юго-Восточную Азию) и, в меньшей степени, растущего госзаказа.

Четвертый тип составляют Брянская, Владимирская и Ярославская области (рис. 7). Для Брянской и Владимирской областей в 90-е гг. состояние отрасли можно охарактеризовать как стагнирующий упадок. Объемы производства в отрасли сократились в несколько раз. В Брянской области в структуре машиностроения в прошлом была высока доля предприятий ВПК, при этом слишком крупными и уникальными, которые подлежали дорогостоящей реструктуризации и перепрофилизации. К середине 90-х гг. многие из них оказались на грани банкротства. Процесс конверсии этих предприятий проходит достаточно медленно. С заводами электроники области связана система крупнейших НИИ и ОКБ, которые пока еще концентрируют высококвалифицирован-

ные кадры разработчиков электроники и особенно систем автоматизированного управления сложными техническими системами и комплексами. Большинство предприятий электроники уже утратили оборудование и, самое главное, технически отстали от современного уровня развития этой отрасли промышленности. Потеряно производство оборудования для электроники. Тенденции развития отрасли ведут к деградации уникального производства и кадров, что в перспективе чревато потерей целого направления.

Ситуация в машиностроении Ярославской области зависит прежде всего от деятельности Ярославского и Тутаевского моторных заводов, завода авиационных двигателей в Рыбинске НПО «Сатурн» (ранее «Рыбинские моторы»), Ярославского и Рыбинского судостроительных заводов и некоторых других. В большинстве случаев предприятия работают под определенный заказ, периодичность которого и определяет тренд развития отрасли.

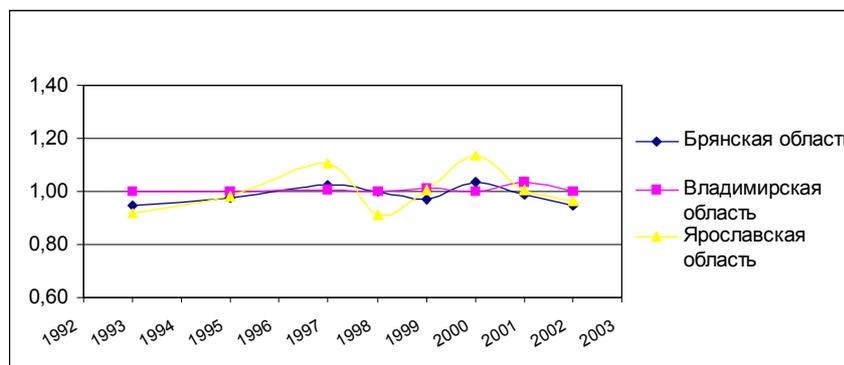

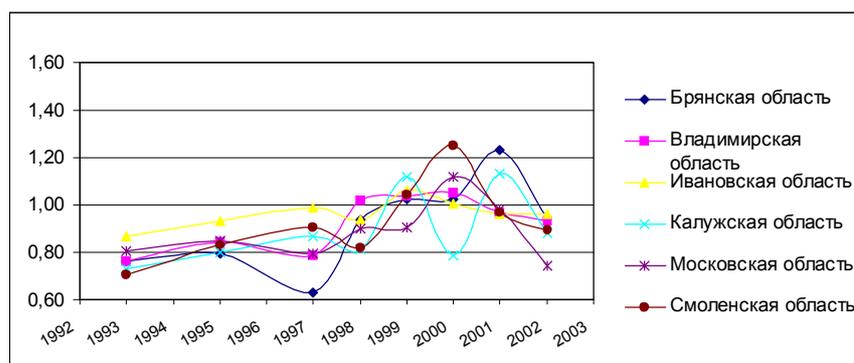
Рис. 7. Динамика индекса сдвига в машиностроении и металлообработке (1992–2002 гг.), IV тип

Легкая промышленность

Легкая промышленность – одна из наиболее кризисных отраслей промышленности Центрального района. В 90-е годы для отрасли отмечались наиболее существенные сдвиги в сторону уменьшения ее доли, что связано с резким падением объемов производства. Дефолт 1998 г. оказал положительное влияние на развитие отрасли. Практически везде по территории Центрального района были отмечены положительные сдвиги в сторону резкого увеличения доли отрасли. Вторая половина 90-х гг. характеризуется существенными темпами сдвигов и сохраняющимся ускорением процессов. Но для отрасли характерны разнонаправленные сдвиги в подотраслях (например, положительный сдвиг в швейной подотрасли), что не мог-

ло не отразиться на региональных трендах. Часть предприятий в переходный период выжила, а другая часть – погибла совсем. При анализе трендов следует принимать во внимание и тот факт, что около 80% всех российских тканей в настоящее время производят два региона – Ивановская и Московская. Незначительные объемы производства на территории остальных регионов Центрального района объясняют хаотические тренды сдвигов. Тем не менее, проведенный анализ позволил выделить три типа регионов по трендам сдвигов в легкой промышленности.

Первый тип (рис. 8) объединяет области Центрального района, где тренды сдвигов легкой промышленности совпадают с общерайонными. Эта группа включает и основных производителей – Ивановская и Московская области.

Рис. 8. Динамика индекса сдвига в легкой промышленности (1992–2002 гг.), I тип

График демонстрирует отрицательные сдвиги отрасли до 1997–1998 гг. Перелом в трендах сдвигов на рубеже 1998–2000 гг., дальнейшая стагнация (в ряде случаев – вновь отрицательные сдвиги) в течение 2001–2003 гг.

Типичным представителем группы является Ивановская область. По данным администрации, в области насчитывается 69 предприятий текстильной промышленности.

Современное состояние легкой промышленности Ивановской области характеризует табл. 5.

Наибольший уровень падения производства тканей был достигнут в 1996 г. – до 662,1 млн. м².

Второй спад производства был связан с дефолтом 1998 г., когда разорились несколько фирм-давальцев по поставкам хлопка и Ивановский банк. Предприятия отрасли накопили огромные долги перед поставщиками энергии и природного газа, потеряли оборотные средства. С тех пор отрасль не может оправиться от понесенных финансовых потерь. В результате проведенной приватизации часть фабрик была потеряна, так как новые их владельцы закрыли производство тканей. Заметно сократилась численность занятого персонала. Тем не менее, в других субъектах РФ ситуация в этой отрасли еще хуже.

Таблица 5 *
Основные производственные показатели деятельности легкой промышленности Ивановской области

Подотрасли легкой промышленности	1990	2000	2001
1. Производство тканей в РФ, млн. кв. м.	8449	2329	2625
<i>в том числе, в Ивановской области</i>	<i>2066</i>	<i>1262</i>	<i>1471</i>
2. Производство чулочно-носочных изделий в РФ, млн. пар	872,4	291,0	278,9
<i>в том числе, в Ивановской области</i>	<i>14,44</i>	<i>4,65</i>	<i>0,015</i>
3. Производство трикотажных изделий в РФ, млн. штук	769,7	120,8	120,7
<i>в том числе, в Ивановской области</i>	<i>13,0</i>	<i>0,923</i>	<i>0,928</i>
4. Производство обуви в РФ, млн. пар	385,3	32,9	36,7
<i>в том числе, в Ивановской области</i>	<i>2,23</i>	<i>0,084</i>	<i>0,079</i>

*Таблица выполнена по данным сборника «Промышленность России». М. 2002.

В структуре отрасли ведущие позиции занимают предприятия по производству хлопчатобумажных тканей. На сегодняшний день в области насчитывается 42 хлопчатобумажные фабрики (в России их всего 169). Среди них: 2 – прядильные; 11 – ткацкие; 2 – отделочные; 16 – прядильно-ткацкие; 1 – прядильно-отделочная; 3 – ткацко-отделочные; 7 – имеют полный производственный цикл. Ранее все эти предприятия были сопряжены в пределах области по ста-

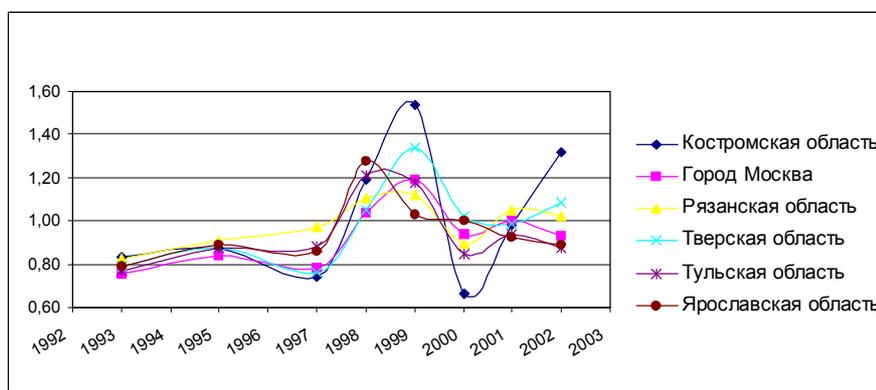
диям производства: прядение – ткачество – отделка, теперь этот баланс нарушен. Наибольшие потери в части мощностей по отделке тканей, так как преобладает вывоз суровья. В настоящее время преобладающей становится тенденция к сокращению стадии прядения и ткачества как убыточных. Выгоднее купить суровье на стороне и пропустить его через отделку, чем самим производить пряжу и суровые, неотделанные ткани.

В отрасли процветают патерналистские отношения между директоратом и миноритариями. Владельцев мелких пакетов акций удерживают от их продажи на сторону сложной системой льгот (дрова и тепло по льготным ценам зимой, рабочие места для родственников, призывы к патриотизму, соседские связи в заводских рабочих поселках и прочее) и уже известных в областной практике опытов по ликвидации части текстильных фабрик с выбрасыванием персонала на улицу, ликвидацией коммунальной инфраструктуры и т.п.

Часть фабрик прошла через неоднократную процедуру банкротства и конкурсного управления. Вновь назначенные управляющие вынуждены были выжимать из фабрик все возможное, так как накопленные долги не давали

надежд на финансовое оздоровление предприятий. Ситуация стала меняться только в 2001 г. после решения Правительства об ужесточении мер к должникам естественных монополий.

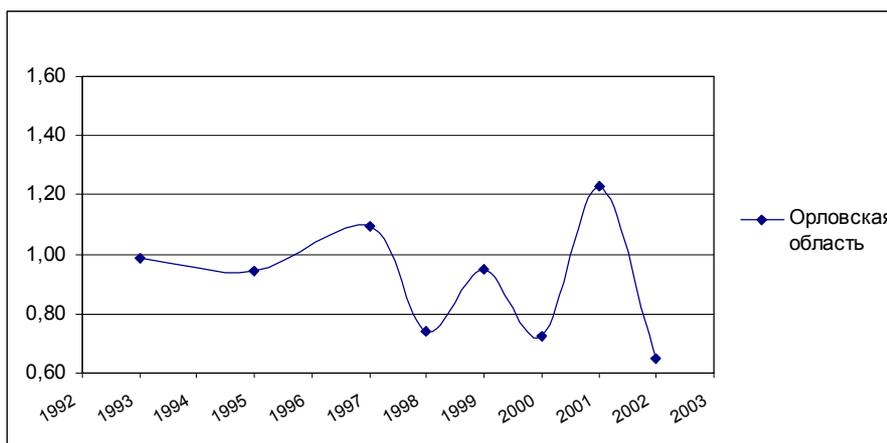
Для второго типа регионов сдвиги в легкой промышленности характеризовались гораздо более значительными скоростями движения, определяемые состоянием заказов на сохранившихся предприятиях (рис. 9). К этому типу относятся Костромская, Рязанская, Тверская, Тульская и Ярославская области, а также Москва. Большинство предприятий данных регионов в 90-е годы прошли процедуру банкротства, утратили свою самостоятельность, и до настоящего времени находятся в кризисном состоянии на стадии утраты и ликвидации, особенно в Москве.

Рис. 9. Динамика индекса сдвига в легкой промышленности (1992–2002 гг.), II тип

Обособленный тип составляет Орловская область (рис. 10), где легкая промышленность никогда не занимала ведущие позиции. Вто-

ростепенность отрасли привела к отсутствию значительных сдвигов, тренд которых в течение 90-х гг. являлся циклическим.

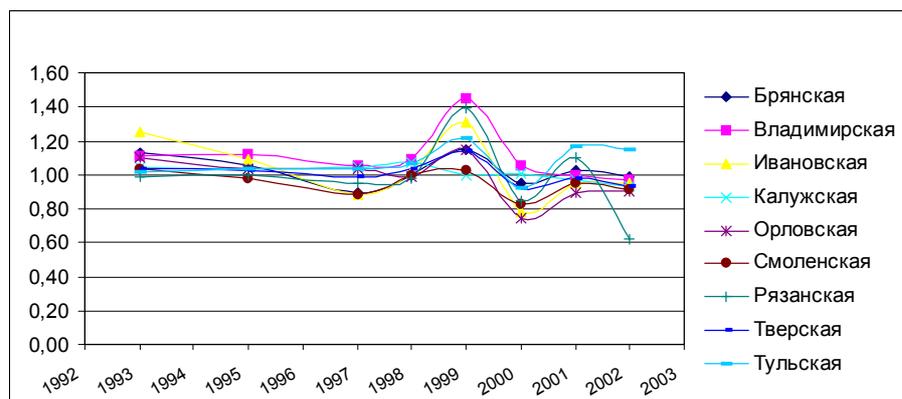

Рис. 10. Динамика индекса сдвига в легкой промышленности (1992–2002 гг.), III тип

Пищевая промышленность

Пищевая промышленность – одна из отраслей Центрального экономического района, демонстрирующая положительные сдвиги в сторону увеличения доли в структуре производства, что объясняется, главным образом, внедрением в нее зарубежного капитала. Низкая транспортабельность большин-

ства видов готовой продукции в этой отрасли делают ее привлекательной для внешних инвесторов. Российское население тратит на продукты питания значительную часть своих доходов, и эти расходы пока растут. Для большей части регионов тренды пищевой промышленности совпадают с общероссийскими (рис. 11).

Рис. 11. Динамика индекса сдвига в пищевой промышленности (1992–2002 гг.), I тип

Для развития отрасли многих областей Центрального района особое значение приобретает относительная близость московского рынка сбыта. Ряд предприятий отрасли в регионах имеют московских хозяев и работают не только на местный рынок. Одной из главных проблем для пищевой отрасли становится нехватка, а в некоторых случаях даже отсутствие местного сырья из-за плачевного состояния сельского хозяйства. Тем не менее, для многих территорий пищевая промышленность в настоящее время является крупнейшим налогоплательщиком, что объясняется активным развитием ликеро-водочной подотрасли, например ОАО «Тулспирт», Шуйский ликероводочный завод (ОАО «Шуйская водка») и другие. Последнее предприятие успешно освоило выпуск ряда первоклассных видов готовой продукции, особенно настоек на водке и коньяке и успешно противостоит конкуренции на этом рынке.

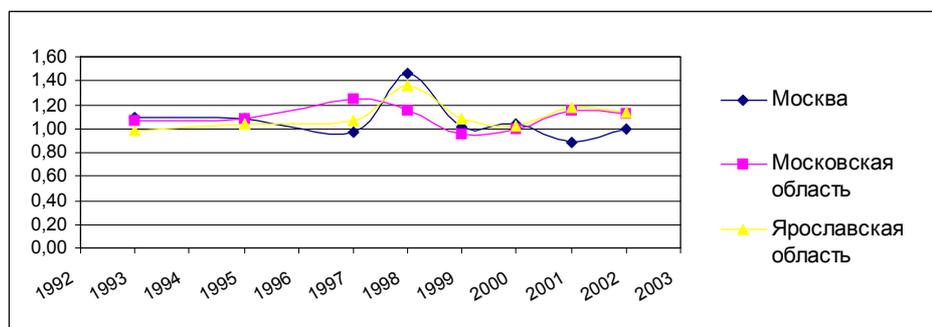
Интересная ситуация складывается в хлебопекарной промышленности регионов. Например, в Ивановской области в результате проведенной приватизации элеваторы, мельницы и хлебозаводы оказались в разных ру-

ках. В результате началась ценовая война, которая закончилась постепенным сосредоточением всей собственности в руках частного капитала (владельцев элеваторов и мельниц). Уцелели в госсобственности лишь некоторые хлебозаводы, например в Кинешме. В результате руководство области потеряло рычаги прямого управления ценами над самым социальным продуктом – хлебом.

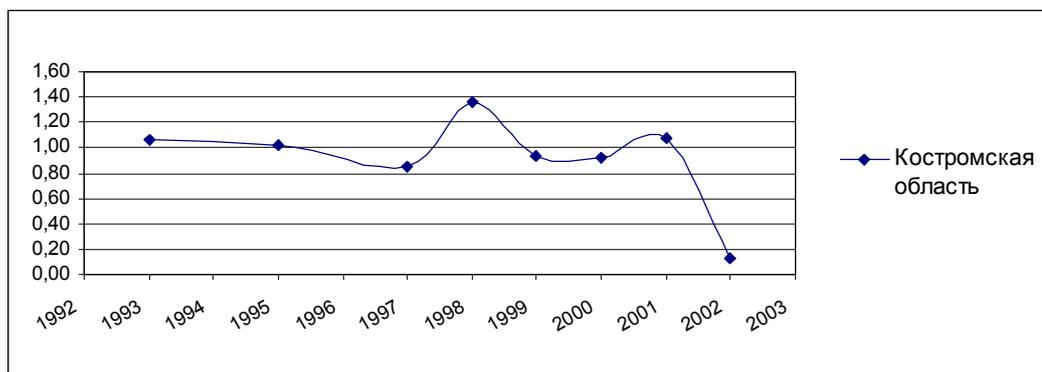
В областях начинают встречаться начальные стадии агропромышленной кооперации, представляющие пока лишь частные случаи, но не систему. Однако для динамичного развития отрасли процесс кооперирования необходимо развивать ускоряющими темпами и создавать для этого необходимые условия.

Более динамично и существенно более быстрыми темпами увеличивается доля пищевой отрасли в наиболее удачно развивающихся регионах Центрального экономического района – Москва и Московская область и Ярославская область (рис. 12).

Индивидуальный тренд развития пищевой промышленности отмечается для Костромской области, где в 2002 г. произошло резкое уменьшение доли отрасли (рис. 13).

Рис. 12. Динамика индекса сдвига в пищевой промышленности (1992–2002 гг.), II тип

Рис. 13. Динамика индекса сдвига в пищевой промышленности (1992–2002 гг.), III тип

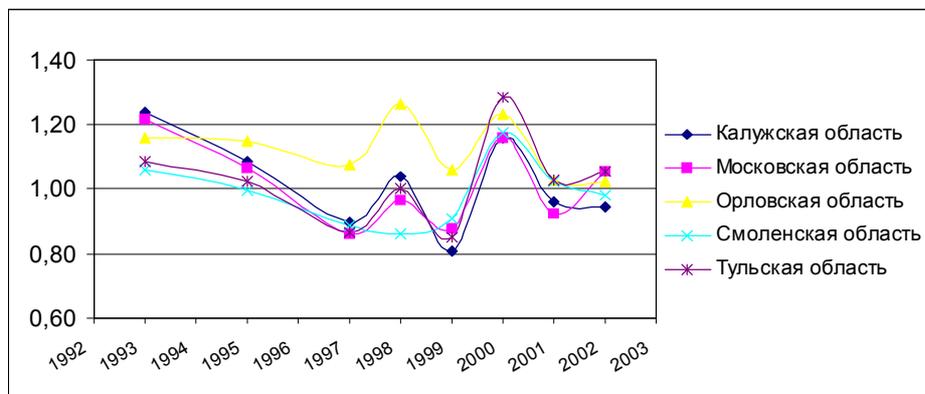
Промышленность строительных материалов

Значительные трансформации в промышленности строительных материалов связаны с изменениями характера строительства и его объемов. Сократился масштаб строительства промышленного, выросла доля жилищного строительства. Структура потребления строительных материалов также претерпела заметные изменения. На российском рынке появились в изобилии импортные строительные материалы, особенно отделочные. Внутренний рынок строительных материалов растет, но доля российских предприятий на нем не увеличивается.

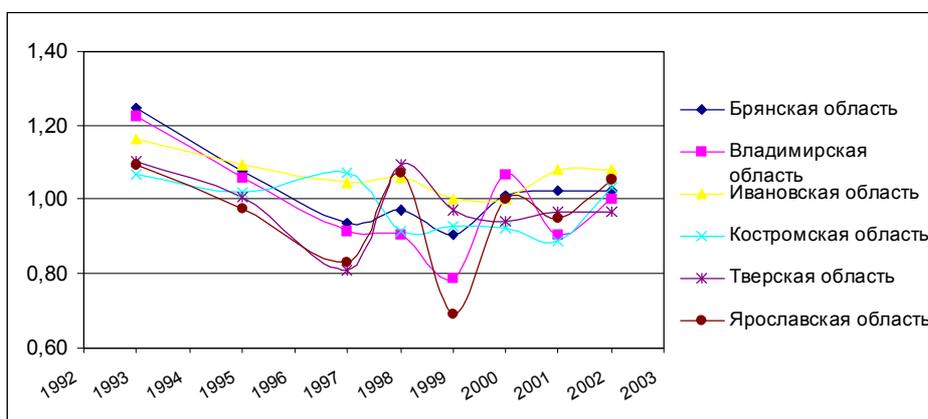
Анализ трендов сдвигов отрасли по областям Центрального экономического района не выявил существенных отличий в их направлениях, но показал значительные различия в скорости происходящих процессов. Для большинства территорий Центрального района до последнего времени сохраняется ускорение сдвигов, происходящих в отрасли. Общий тренд

сдвига можно охарактеризовать следующим образом: первая половина 90-х годов – незначительный положительный сдвиг в сторону увеличения доли в результате значительных отрицательных сдвигов в профилирующих отраслях района; резкий отрицательный сдвиг в сторону уменьшения доли после 1998 г., что отражает реальный спрос населения. Частичное восстановление значения отрасли приходится на 2000 г., после чего в одних регионах наблюдается стагнация, в других – спад. Проведенное исследование позволяет выделить три типа регионов.

Для первой группы регионов (Калужская, Смоленская, Тульская, Орловская и Московская области) тренды сдвигов в промышленности строительных материалов носят хаотический характер и отличаются нестабильностью и высокой интенсивностью вплоть до 2003 г. (рис. 14). Вторая группа регионов (Брянская, Владимирская, Ивановская, Костромская, Тверская и Ярославская области) отличается «затуханием» процессов сдвигов с 1999 г. и последние годы демонстрирует стагнацию (рис. 15).

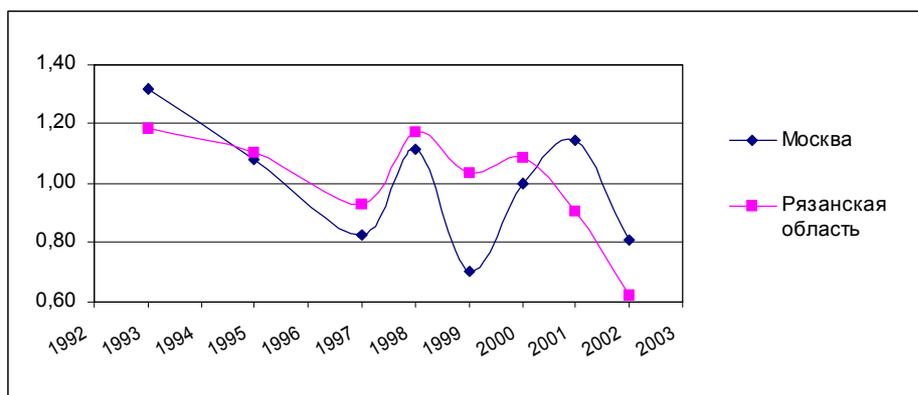

Рис. 14. Динамика индекса сдвига в промышленности строительных материалов (1992–2002 гг.), I тип

Рис. 15. Динамика индекса сдвига в промышленности строительных материалов (1992–2002 гг.), II тип

Отдельно можно выделить сдвиги, происходящие в Москве и Рязанской области, имеющие волнообразный характер (рис. 16).

Рис. 16. Динамика индекса сдвига в промышленности строительных материалов (1992–2002 гг.), III тип

Таким образом, анализ произошедших за годы реформ структурных сдвигов в промышленности Центрального экономического района позволяет сделать следующие выводы:

1. Переходный период в Российской Федерации и в частности в Центральном экономическом районе сопровождался значительными структурными сдвигами. Производство одних видов продукции за время реформ снизилось на порядок и более, тогда как производство других не претерпело существенных изменений или даже возросло; цены на одни товары за годы реформ выросли в несколько раз сильнее, чем на другие.

2. Важное значение для внутриотраслевых трансформационных сдвигов и их разнообразия на территории Центрального экономического района в переходный период приобрел субъективный фактор.

3. Трансформационный процесс развивался крайне неравномерно в отраслевом разрезе. Наименьшим спад был в отраслях, которые в процессе переходного периода переориентировались преимущественно на экспорт. Отрасли, в основном ориентированные на внутренний рынок, претерпели существенно более глубокий спад, за исключением пищевой промышленности, динамика производства в которой не сильно отличается от динамики производства по промышленности в целом. Наибольший спад претерпели отрасли в большей мере производящие конечную продукцию промышленного назначения.

4. Интенсивность структурных сдвигов промышленного производства до начала

1994 г. в целом нарастала, после чего она стала в целом затухать. Первые годы реформ характеризовались резкими сдвигами в поведении предприятий, которые в ответ на шоки рыночных реформ создали различные модели выживания. Во второй половине 1990-х гг. темпы преобразований на микроуровне замедлились, но постепенно накапливались изменения в формах адаптации и методах управления на фоне передела собственности и контроля над предприятиями.

5. Анализ направленности структурных сдвигов показывает, что за время реформ производство продукции высокой степени переработки сокращалось опережающими темпами. Такая динамика прямо противоположна той, которая наблюдается при индустриализации.

6. Анализ трендов сдвигов, происходящих в промышленности Центрального экономического района, позволяет сделать вывод, что до сих пор невозможно говорить о стабилизации ситуации в этой отрасли экономики, а только о периоде выживания. Ситуация 2000–2003 гг. не дает основания утверждать о росте в районе с развитой обрабатывающей промышленностью. Незначительный рост в пищевой промышленности не может решать стратегических задач экономики России. Та же часть промышленности, которая работает на потребительский рынок, в последние годы стагнировала. До сих пор отсутствуют значительные инвестиционные вложения в такие отрасли как машиностроение, легкая промышленность и т.д. А внутренние инвестиции предприятий не адекватны реальности.

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ ДИЛЕРСКОЙ СЕТИ ТНК «ДАЙМЛЕРКРАЙСЛЕР» НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ¹

Tkachenko I. A.

MEANS FOR OPTIMIZATION OF THE AUTHORIZED TNC “DYMLERCHRYSLER” DEALER NETWORK ON THE RUSSIAN MARKET

The article deals with the development of one of the world biggest car manufacturing TNC “DymlerChrysler” on the Russian market. It is very important for Russia, the country of great territorial inequality, to have its customer environment monitored. There are provided the results of some random regional surveys on consumers’ preference on the Russian car market.

На протяжении всех 1990-х годов Россия в системе международного разделения труда во многом играла роль донора других экономик, что подтверждается устойчивым оттоком капитала и переездом значительного числа высококвалифицированных и образованных кадров за рубеж. В сложном, многостороннем и противоречивом процессе интегрирования в структуры мирового хозяйства одна из важных для России составляющих – «обустройство» на российском рынке западных крупных бизнес-структур. Несмотря на снятие в преддверии присоединения к ВТО протекционистских мер во многих сегментах российской экономики такие сектора, как рынок легковых автомобилей и авиастроение остаются предельно защищенными, имеют высокие барьеры входа для иностранных конкурентов, что и вызывает обоснованные претензии к РФ в ходе переговоров о вступлении. Опыт организации деятельности зарубежных ТНК в пределах «нового» российского пространства представляет собой не только теоретический, но и большой практический интерес.

На российском рынке давно присутствует одна из крупнейших в мире ТНК – «ДаймлерКрайслер». В настоящее время она находится в числе ведущих подразделений мировой автомобильной промышленности, занимая по объемам производства (более 4,5 млн автомобилей, 2001 г.) 5–6-е место, а по стоимости годового оборота (более

150 млрд евро, 2001 г.) – 3-е место после «Дженерал Моторс» и «Форд» (3, 4).

Деятельность концерна в России имеет большую историю, которая насчитывает более 100 лет. Анализ хроники событий свидетельствует о постепенном нарастании интенсивности в освоении внутреннего рынка страны, максимум которой приходится на наши дни. Весь этот период можно подразделить на несколько основных этапов.

В 1890 г. для работы на российском рынке была основана компания «Даймлер-Моторен-Гезельшафт» АГ. Ее изначальная специализация заключалась в поставках стационарных моторов и судовых двигателей. В 1910 г. в Москве был открыт салон по продаже автомобилей компании «Даймлер Моторен-Гезельшафт» АГ, а в 1912 г. завод «Даймлер» получил статус поставщика Двора Его Императорского Величества. Однако Первая мировая война и последующие события прерывают этот первый этап движения компании по освоению российского рынка.

Второй этап деятельности компании приходится на период между двумя мировыми войнами и характеризуется стремлением к закреплению имиджа марки и уже завоеванных позиций в России, а затем в СССР. В 1923 г. в Москве возобновляется деятельность представительства «Даймлер-Моторен-Гезельшафт» АГ, а с 1926 г. – «Даймлер-Бенц» АГ. В это время автомобили компании принимают активное

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ (Проект 03-06-80084)

участие во многих испытательных пробегах, на которых завоевывают большое число призовых мест. Так, например, в 1925 г. большой всероссийский испытательный пробег приносит успех целой плеяде автомобилей фирмы: легковым 6-цилиндровым «Мерседесу» и «Бенцу», а также грузовым «Даймлеру» и «Бенцу» грузоподъемностью соответственно 3,5 и 2,5 т. Не случайно, что в структуре весьма ограниченного импорта автомобилей в СССР в тот период именно эти марки получают приоритетное место. Всего за 1927-1940 гг. экспорт компании в СССР составил 56 легковых автомобилей, 85 грузовиков и автобусов вместе взятых, 89 моторов. Развитие связей было свернуто с началом Второй мировой войны.

Третий этап охватывает весь послевоенный период вплоть до начала 1990-х годов. Возобновление деятельности компании протекало трудно и исключительно в виде эпизодических поставок партий автомобилей по экспорту. Рост общего объема продаж продукции компании, которая попала в категорию спецпоставок и была доступна только элитным слоям пользователей, характеризовался весьма медленными темпами. За первые послевоенные 25 лет (1946–1969 гг.) корпорация «Даймлер-Бенц» экспортировала в СССР всего лишь 604 легковых автомобиля, 20 грузовиков, 7 автобусов и 14 автомобилей «Унимог». Важно, что в 1974 г. состоялось очередное возобновление деятельности представительства «Даймлер-Бенц», и одной из его главных задач стала подготовка условий для совершения коммерческих сделок.

Четвертый этап тесно связан с кардинальным изменением в СССР, а затем в России, условий хозяйственной деятельности, переходом экономики на рыночные рельсы. Почти сразу же концерн «отреагировал», закладывая фундамент своего присутствия на «новом» рынке, а именно начав создание сбытовой дилерской сети. Уже в 1992 г. в Москве начинает работу первый официальный дилер концерна «Даймлер-Бенц» – АО «ЛогоВАЗ Беясево». Значительным фактом является открытие в 1995 г. в Москве специального Технического центра корпорации многофункционального назначения. Он отвечает не только за диагностику, техническое обслуживание, поставку запчастей и аксессуаров для автомобилей марки «Мерседес», но и за подготовку кадров. Здесь на постоянной основе проводится обучение и сертификация персонала самого широкого профиля (механиков, складских работников, продавцов дилерских предприятий, сотрудников, занимающихся

логистикой, организацией мастерских, корпоративной статистикой, сервис-маркетингом, управлением сервисом и т.д.).

Давно завоеванный высокий имидж марки и энергичные организационные мероприятия обеспечили весьма динамичный рост продаж автомобилей на рынке России. В середине 1990-х годов был преодолен рубеж ежегодных продаж в 1000 легковых автомобилей, а с учетом мало- и крупнотоннажных автомобилей – в 1500 штук. Отметим при этом, что такое важное событие в жизнедеятельности корпорации «Даймлер-Бенц» как слияние в 1998 г. с одной из крупнейших автомобильных американских корпораций «Крайслер», мало что изменило в корпоративной структуре продаж в России: в совокупном достигнутом к 2002 г. объеме продаж в 2400 штук американские марки не составляют и 10%.

1990-е годы и начало XXI-го века – важный адаптационный период разворачивания деятельности корпорации на территории России в формирующихся рыночных условиях, который ознаменовался развитием дилерской сети. Можно утверждать, что, несмотря на все особенности и негативы российского рынка, корпорация пошла по традиционным методикам упрочения на региональных рынках: один из важнейших способов выиграть в межбрендовой конкуренции – это создание эффективной дилерской сети, предоставляющей услуги высокого уровня и построенной по правилам западных рынков.

Вообще говоря, в центре географических исследований в России всегда находилась производственная составляющая географии, точнее – территориальные особенности организации производственного процесса. До сих пор очень мало затрагиваются географические аспекты организации сбыта. Между тем, на современном этапе именно сбыт становится тем важнейшим звеном в воспроизводственной цепи, где возможны инновации, повышающие эффективность всей цепи. Один из виднейших экономистов и бизнесменов США П. Пильцер еще в самом начале 1990-х годов в своей нашедшей книге «Безграничное богатство» отмечал, что «фактическая себестоимость изделия в наши дни в результате влияния технологий на цену рабочей силы и сырья снизилась до уровня, составляющего, как правило, менее 20% розничной цены... Большую часть оставшихся 80% составляют издержки распределения». Тот факт, что издержки распределения снижаются гораздо более медленными темпами, он свя-

зывает с тем, что «к сетям распределения за редким исключением применяются те же достижения технологии, которые видоизменяли остальные элементы воспроизводственной цепи. Между тем перемены в распределении потенциально могут принести гораздо большую экономии, чем усовершенствования в любой другой области» (1). С этой точки зрения очевидно, сколь действительно необходим поиск новых путей, методов, «технологий» усовершенствования «распределительных сетей».

В 2001 г. консалтинговая фирма «Ладеманн и партнеры» выполнила по заказу Европейской Комиссии социологическое обследование рынка новых автомобилей в ЕС по вопросу потребительских предпочтений при организации сети сбыта и техобслуживания. В числе результатов обследования выделяются следующие:

– Потребители явно предпочитают сбытовые центры, специализирующие на определенных марках автомобилей и «привязанные» к определенным производителям (работающие с производителем на договоре). Независимые дилеры, продающие различные марки, частично обслуживающие их и ремонтирующие, уже не отвечают представлениям современного потребителя о необходимом уровне надежности и качества.

– Новые каналы сбыта в целом принимают современным потребителем только в сочетании с определенным пакетом высококачественных услуг. Например, без пробного проката, без выполнения (в определенных рамках) пожеланий индивидуальной комплектации, без консультирования и т.п. шансов у нового центра не будет, даже если он будет предлагать более низкую цену продажи.

– Ключевым моментом в сервисе потребитель считает близость станций технического обслуживания. Из опросов следует, что потребитель не готов добираться до ближайшей станции дольше 30 минут (3).

Именно опираясь на результаты указанно выше исследования, союзы автопроизводителей в разных странах, особенно в Германии, резко выступили против предполагаемых Европейской Комиссией новых правил организации сбытовых сетей автопроизводителей. По новым правилам, в частности, предполагается запрет «самим производителям определять количество дилеров и их размещение». С отменой права автопроизводителей самим определять число и штандорты своих дилеров и центров автосервиса возможно нарушение равновесия дилерских сетей, преимущества получают крупные дилерские группы, пойдет вы-

мывание из структуры малых и средних центров, невозможным станет планирование сети. В перспективе крупные дилерские группы смогут завоевать региональные монопольные позиции, что в конечном счете может привести к сокращению конкуренции и повышению цен.

Очевидно, что руководствуясь всеми этими соображениями и подходами к продвижению продукции на рынке, изучаемая корпорация приняла решение о введении так называемого Генерального импорта, по которому право осуществлять ввоз в Россию закрепляется только за ЗАО «ДаймлерКрайслер Автомобили РУС», и только оно выдает своим официальным дилерам, прошедшим серьезную процедуру отбора, права продажи. В результате перехода на систему Генерального импорта компания ДаймлерКрайслер реализовала в РФ «классическую» двухступенчатую систему дистрибуции, принятую на основных рынках сбыта: оптовый продавец (импортер) – розничные продавцы (дилеры). Внедрение подобной системы дистрибуции позволяет реализовать следующие важные задачи:

– обеспечить контроль ввоза всех новых автомобилей производителя, тем самым гарантировать 100% легальности бизнеса корпорации на территории РФ;

– осуществлять контроль розничных цен на всей территории России, гарантируя равные условия для клиентов марки;

– обеспечить уровень услуг, предоставляемый дилерами конечным клиентам, соответствующий корпоративным стандартам;

– четко планировать развитие компании и объемы сбыта и адекватно реагировать на рыночную ситуацию.

Соответственно данная система дистрибуции практически исключила возможность деятельности на рынке неавторизованных («серых») дилеров и спекулянтов.

На российском рынке солидный «опорный каркас» дилерской сети был создан за сравнительно короткий срок. Основная часть объектов возникла за последний период, начиная с 1995 г. По состоянию на 2002 г. их перечень включает в себя 40 подразделений с общим числом занятых около 3000 человек. Закономерно, что большая их часть (32) специализируется на обслуживании транспортных средств марки «Мерседес». Сбытом автомобилей марок «Крайслер» и «Джип» занимаются всего 7 дилеров, в том числе в Москве – 5.

По своим штандортным характеристикам сбытовая сеть «ДаймлерКрайслер» в РФ сбалансирована и коррелирует с ведущими

звеньями опроного каркаса расселения, соответствует основным закономерностям российской сети крупногородского расселения: в ней присутствуют почти все города-«миллионеры» (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород, Новосибирск, Самара, Казань, Пермь, Ростов-на-Дону, Челябинск, принято решение об открытии центра в Уфе), значительное число городов-региональных центров, обладающих повышенным уровнем платежеспособного спроса (Краснодар, Тюмень, Красноярск, Калининград, Тольятти, Махачкала, Саратов, Новороссийск, Волгоград и др.). Но с позиции распределения потенциала сети (по объему продаж), она в настоящее время очень асимметрична: 90% – в двух столицах, а на остальные центры приходилось менее 10% продаж, прежде всего потому что столичные дилеры обладали рядом весомых преимуществ при ввозе автомобилей. После ввода системы Генерального импорта объем продаж в регионах растет опережающими темпами. В 2003 г. доля региональных центров в дилерской сети составила уже 15%.

Судя по заявлениям и действиям руководства «ДаймлерКрайслер Автомобили Рус», акцент на перспективное освоение периферии – одно из главных направлений работы российского представительства корпорации (5). Другое дело, что за рамками деклараций, при прагматических шагах по реализации концепции возникает немало проблем как субъективного, так и объективного порядка.

Очевидно, что назрела необходимость перехода на построение сети с использованием регионального мониторинга. Но здесь, по мнению автора, остро проявляется проблема «устаревания» существующей системы управления в корпорации. В США, например, необходимость изменений в базовых парадигмах управления стала совершенно очевидной к концу XX в. Если «научный менеджмент» (особенно бурно развивались основы классического менеджмента в конце XIX в. в период становления массового механизированного производства) отвечал главным образом на вопрос о внутреннем строении, эффективности организации, то современные концепции переносят акцент на решение таких проблем, как «выживание, развитие», приспособление к изменяющимся социально-политическим условиям. В американской управленческой литературе это направление получило название «гибких систем управления». Они создаются там, где производство зависит от решения не-

рутинных задач, где значительна динамика как в самой системе управления, так и в окружающей ее среде. В гибких системах в основу положены критерии приспособляемости к условиям, которые трудно заранее предвидеть (2). Для «ДаймлерКрайслер Автомобили Рус», где также необходим переход на новую парадигму управления, наиболее адекватным ответом на новые условия является постепенный переход к использованию проектно-ориентированных методов работы и применению матричных организационных структур. Эти методы дадут возможность определить тот диапазон условий, в рамках которого организация может эффективно существовать, приспособившись к изменениям и географической специфике России.

Известно, что социально-экономическое пространство России отличается очень сильной дифференциацией, включая насыщенность и состояние автопарка, качество транспортной инфраструктуры, уровень доходов населения и т.д. Кроме того, значительная часть территории страны уже в той или иной степени освоена конкурентами. Например, восточные субъекты Федерации оказались в сфере влияния японских автопроизводителей, среди которых в последние годы наиболее агрессивную политику проводит корпорация «Тойота» и ее подразделение «Лексус». Наконец, в разных регионах сложилось далеко неодинаковое восприятие населением имиджа фирмы. В больших пределах варьируются популярность и востребованность автомобилей марки «Мерседес», а продукция группы «Крайслер» практически не известна и представлена в продажах в лучшем случае единичными экземплярами. Таким образом, общая концепция и последовательность действий при освоении российских регионов должны исходить из глубокого знания и понимания сложившегося позиционирования корпорации на местных рынках.

Комплексно оценить взгляд со стороны потенциальной клиентуры на продукцию фирмы позволяет анализ первичной информации с мест, одним из важнейших источников которой являются материалы социологических опросов населения.

С целью оценить уровень имиджа марки в восприятии ее населением в разных регионах была разработана специальная методика, составлены различные типы анкет и организованы выборочные полевые обследования потенциальных потребителей в ряде регионов России. В их число вошли – Северо-Кавказский с обследованными центрами в Ростове-на-Дону, Краснодаре, Новороссийске (в дальней-

шем в тексте обозначается как «Южный регион»), Уральский с центрами в Екатеринбурге, Челябинске, Перми (в дальнейшем «Урал») и Западно-Сибирский на примере Новосибирского центра. Всего, по итогам исследования, было опрошено около 700 респондентов. Полученный массив первичной информации был оформлен в дальнейшем в виде электронной базы данных. Круг вопросов в соответствии с поставленной целью был широк: оценка эксплуатационных качеств и некоторых иных характеристик разных марок автомобилей; уровень приверженности респондентов «своей» марке; сравнительная популярность различных марок автомобилей; уровень доверия людей к различным источникам «автомобильной» информации; уровень информированности о модельном и ценовом ряде автомобилей марки Мерседес и многие другие. Обработка и анализ полученных материалов позволили выделить некоторые ключевые положения.

– Вероятно, в силу особого психологического склада населения среди респондентов во всех регионах минимальны расхождения при оценке главных преимуществ автомобилей различных марок. На первой позиции находится «надежность» автотранспортного средства (около 1/4 респондентов), а приблизительно одинаковое (по 12–14%) значение имеют «мощность двигателя», «дизайн» и «комфортность салона». Продукция компании «ДаймлерКрайслер» в 2–3 раза перекрывает «межмарочный» номинальный максимум по показателю надежности, известности бренда и возможностям оснащенности и индивидуальной комплектации.

– Подавляющее большинство респондентов – 64% – во всех регионах из более чем 20 предложенных марок в качестве наиболее привлекательной выбрали только четыре – «Ауди», «БМВ», «Мерседес» и «Тойота». Причем, единодушно и повсеместно в рейтинге популярности лидирует «Мерседес» (в среднем 23% ответов), на втором месте – «БМВ» (18%), а третьи-четвертые места со значительным отставанием делят между собой «Ауди» (12%) и «Тойота» (11%). Однако в региональном плане популярность марки заметно убывает по направлению с запада на восток. Наиболее прочные позиции «Мерседес» занимает в городах Южного региона, они становятся не столь очевидными на Урале.

– Что касается информационной осведомленности людей о стоимостных параметрах и модельном ряде автомобилей собственно марки «Мерседес», то выяснилось, что большая

часть респондентов весьма слабо разбирается в модельном ряде автомобилей бренда. При, в целом, весьма благосклонном отношении к марке более половины всех респондентов (55%) вообще не смогли сформулировать ответ на вопрос: какая именно модель «Мерседеса» их наиболее привлекает. Неблагоприятная картина сложилась и при оценке респондентами минимальной стоимости нового автомобиля «Мерседес». Представления о стоимостных параметрах автомобилей оказались существенно завышенными. 20% всех респондентов указали, что она превышает 60 тыс. долл., 43% – что составляет от 40 до 60 тыс. долл. и только 36% – менее 40 тыс. долл. Исследование выявило наиболее многочисленные точные стоимостные оценки в Новосибирске, а наименее – в городах Южного региона, хотя именно там наиболее велико представительство автомобилей «Мерседес». Для подавляющего большинства из опрошенных автомобиль «Мерседес» пока предстает как нечто недостижимое, как образ «далекого будущего», о чем сегодня думать не следует, хотя палитра «ДаймлерКрайслер» весьма насыщена и порог вхождения в «мир Мерседес» лежит на уровне 25 тыс. долл.

– При выяснении отношения респондентов к источникам информации об автомобильной технике оказалось, что при покупке автомобиля или выборе марки 19% всех опрошенных не пользовались никакой дополнительной информацией, а 35% (!) – ориентировались лишь на советы друзей. С большой степенью уверенности можно утверждать, что одна из главных причин «неграмотности» потенциального потребителя носит субъективный характер и заключается в опоре на эксплуатацию сложившегося имиджа марки и сравнительно малой рекламной активности корпорации. По имеющимся данным, «ДаймлерКрайслер» явно уступает своим конкурентам не только по масштабам, территориальному охвату, выбору носителей и характеру размещения материалов в средствах массовой информации, но и по ее социальной ориентации. Российский филиал компании направляет основные усилия по оказанию рекламного воздействия на сравнительно узкий круг высоко платежеспособного населения, его элитные слои в ущерб популяризации продукции. С позиции автора, в условиях высокого динамизма и отчасти непредсказуемости, в том числе и в пространственном аспекте, формирования среднего класса в стране такая тактика не совсем оправдана и удачна.

– Важен был блок вопросов, ориентированный на изучение структуры свободного

времени респондентов, как одного из важных оснований для размещения рекламных материалов. Более 50% всех опрошенных предпочитает проводить свободное время в местах, характеризующихся малой информационной доступностью – «в кругу друзей», «на природе», «по-разному» и т.д. Длительное отсутствие вне сферы возможного фокусированного воздействия рекламных материалов актуализирует поиск форм рекламного воздействия, например в пределах сегмента рабочего времени людей, или специальных форм типа адресной рассылки рекламных материалов. Что, кстати, уже давно практикуется в ряде других корпораций (например, в компании «Форд»).

– Исследовался социально-профессиональный и возрастной состав собственников автомобилей «Ауди», «БМВ», «Мерседес» и «Тойота» (назовем его сегментом АБМТ).

Среди владельцев АБМТ отмечается самый высокий уровень постоянной занятости. Причем, большинство из них имеют либо собственный бизнес (3/5 всех ответивших), либо работают в российских компаниях. У всех владельцев дорогих иномарок совершенно не популярны в качестве мест трудоустройства такие отрасли хозяйства, как здравоохранение, наука и образование. Главной сферой приложения их труда респонденты назвали «торговлю». Это особенно типично для владельцев автомобилей «БМВ» (40%), «Тойота» (37,9%) и «Ауди» (33,3%). Особое внимание привлекают результаты анализа различий в их возрастном составе, что принципиально важно с учетом перспектив замены автомобиля. Известно, что чем старше контингент владельцев, тем меньше объем потенциального спроса. Предположительно группа потребителей в возрасте до 35 лет сменит машину 3-5 раз, а в возрасте 35-55 лет – 2-3 раза. Согласно собранной информации, в возрастной группе

до 35 лет находится лишь 18% опрошенных владельцев автомобилей «БМВ», 25% – «Мерседес», 30% – «Ауди» и 44% – «Тойота». Однако в различных городах возрастной состав респондентов заметно варьируется. На Урале, например, средний возраст владельцев «Мерседесов» и «БМВ» отчетливо более солидный, чем в городах Южного региона.

– Для сравнения популярности марок в сегменте АБМТ был рассчитан коэффициент, выражающий соотношение доли владельцев определенной марки среди респондентов и удельный вес этой марки в сумме ответов «первое место» (таблица). Значение коэффициента максимально для «Мерседеса», который в целом заметно превосходит «БМВ». Вместе с тем в Южном регионе имидж «Мерседеса» как самой высококлассной марки оказался более «размытым», чем на Урале или в Новосибирске. Очевидно, в последних в сознании потребителя в большей степени сохраняется исторически сложившийся символ классности «Мерседеса». Это пока может давать в работе дилеров определенные преимущества, которые, разумеется, надо подкреплять рекламной активностью. Важно отметить, что лишь 9% среди владельцев дорогих иномарок на первое место поставили автомобили-«аутсайдеры», т.е. не входящие в группу АБМТ. Это позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, предпочтения данной группы потребителей в подавляющей части концентрируются именно в сегменте АБМТ, и, очевидно, именно автомобили этих марок будут конкурировать между собой на этапе смены автомобиля. Во-вторых, с учетом особой популярности «Мерседеса» с достаточной степенью вероятности можно прогнозировать «переход» части клиентуры в рамках данного потребительского сегмента именно к этой марке.

Таблица

Общая популярность марки среди респондентов сегмента АБМТ (в %)

Показатели	Марки			
	«Ауди»	«БМВ»	«Мерседес»	«Тойота»
Доля марки в числе респондентов АБМТ	26	21	22	31
Доля марки в сумме ответов «первое место»	14,5	23	32	21
Коэффициент популярности, всего, в т.ч.:	0,56	1,1	1,45	0,68
– Южный регион	0,79	0,79	1,18	0,68
– Уральский регион	0,53	1,19	2,00	0,75
– Новосибирск	0,0	2,08	1,97	0,43

Таким образом, обработка и анализ материалов полевого социологического опроса в ряде региональных центров России показали, что имидж марки «Мерседес» среди населения весьма высок, но ресурсы его эксплуатации не безграничны. Взгляды и оценки продукции корпорации «ДаймлерКрайслер» различными группами респондентов далеко неоднородны. Соответственно, хорошее знание особых «поведенческих моделей» разных групп потенциальных потребителей – важный дополнительный ресурс в обеспечении ус-

пешной работы корпорации. Взгляды и отношение респондентов к автомобилям марки «Мерседес» подвержены существенной территориальной дифференциации. В силу этого для корпорации неприемлемо использование «стандартизированного» подхода при освоении внутреннего рынка России. Успешное решение задачи по продвижению своего продукта и увеличению продаж требует особого внимания проведению маркетинговой регионализации и – с учетом вышесказанного – изменений в парадигме управления ТНК.

Литература

- Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.
Экономика США. СПб., 2003.
Jahresbericht 2002, Verband der Automobilindustrie, Frankfurt am Main.
DaimlerChrysler, Answers for Questions to Come, Annual Report, 2002.
www.daimlerchrysler.com

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

М. И. Костюченко (Москва)

ПРИГРАНИЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАК ФАКТОР ЦИКЛИЧНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР¹

Kostuchenko M.I.

BOARDER LOCATION AS A FACTOR OF DEVELOPMENT CYCLE OF THE SMOLENSK REGION: HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL SURVEY

The article examines the effect that geographical position produces on the Smolensk region development at different periods of social development. Transit and transport function of the region is of special concern in the article.

На протяжении своего развития каждая территория находится под влиянием множества факторов, которые определяют ее исторический портрет. В географии их принято условно подразделять на три группы:

а) естественно-географические (природные условия и ресурсы, определяющие для территории характер заселения и хозяйственную специализацию);

б) общественно-географические (условия экономической, социальной, политической среды в которой развивается территория, а также технологический уровень общественного производства);

в) позиционные (условия местоположения территории, в зависимости от исторического контекста, функционально связывающие первые две группы между собой).

Значение, которое они имеют для территорий на разных исторических этапах не одинаково и может изменяться с течением времени. Например, естественно-географические условия, традиционно являющиеся базисом в освоении любого места, по мере развития социума, совершенствования технологии преобразования природных ресурсов и ландшафта уступают ведущую роль условиям общественно-географическим. Роль региона среди прочих начинают определять уже не столько богатства его недр, сколько уровень и темпы развития местного сообщества, его позиции в территориальном разделении труда.

Последние, в свою очередь, тесно связаны со свойствами экономико-географического положения (далее ЭГП) региона. Возможности территориального развития во все времена

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ №04-06-96700 «Социально-экономическая устойчивость приграничных регионов».

определялись близостью к местам концентрации экономических ресурсов и рынков сбыта и одновременно отдаленностью от источников форс-мажорного влияния (опасных природных зон, очагов военных конфликтов и т.п.). Именно поэтому регион может стать успешным только в случае если находится в точке своего территориального оптимума, т.е. обладает наилучшим местоположением в естественно-географической и общественно-географической среде или, иначе говоря, наилучшими позиционными свойствами.

Пример Смоленщины¹ является одним из ярких и иллюстративных сюжетов такого рода. На протяжении своей истории эта территория сменила несколько видов географического положения, которые определили ее исторический портрет и в ретроспективе образовали логичный цикл:

... – межареальное – приграничное – периферийное – приграничное – ...

При этом каждый период, в течение которого территория имела соответствующий позиционный статус, включает несколько этапов – исторических отрезков, для которых на территории устанавливаются закономерные тенденции социальных, экономических и политических процессов, обусловленных особенностями ее географического положения. Кратко они могут быть охарактеризованы следующим образом.

Период межареального положения

Этап 1. Первичное заселение территории (до IX в.).

Одним из свойств природно-географического положения территории, определяющих ход освоения будущих смоленских земель, является то обстоятельство, что топографически она представляет собой наиболее приподнятый участок Восточно-Европейской равнины. Это обуславливает преобладание здесь возвышенностей, являющихся водораздельными пространствами, на которых располагается компактный ареал пересечения трех речных систем – волжской, западнодвинской и днепро-каспийской (каспийского, балтийского, черноморского бассейнов). Таким образом, буду-

щая Смоленщина – это регион, где сходятся несколько водоразделов и переплетаются периферийные участки трех крупнейших речных бассейнов европейской части страны.

В связи с этим, по мере разрастания ареалов племен славянской, балтийской, финно-угорской групп и в соответствии с закономерностями процесса их расселения, которые преимущественно осуществлялось вдоль речной сети, зона, где встречаются речные системы, становится местом этнической интеграции и консолидации. Под действием процессов смешения и ассимиляции восточно-славянскими племенами балтийских и финно-угорских, а также с возникновением центра кривичского союза племен – Смоленска (середина IX в.), на первом этапе своего развития территория закрепляет за собой функцию межэтнической контактной зоны.

Этап 2. Смоленские земли в составе Киевской Руси (кон. IX – сер. XII вв.).

Доминирующее положение столицы мощного славянского союза кривичей стимулирует центростремительные процессы, объединяющие вокруг нее значительные территории. По мере укрепления Смоленска и установления связей с соседними Киевским и Новгородским политическими центрами, Смоленщина становится одной из ключевых территорий Древнерусского мира, а впоследствии и Киевской Руси. Межареальное политико-географическое положение предопределяет функцию Смоленщины – связующего звена Древнерусского государства на границе влияния Новгородского и Киевского центров в поднепровском регионе.

Благодаря выгодному – срединному рыночно-географическому положению между ареалами крупнейших рынков своей эпохи (средиземноморских, балтийских и ближневосточных) Смоленщина также становится регионом, где располагаются важные перевалочные узлы торговых путей. Транспортно-географическое положение Смоленщины на пересечении транзитных магистралей «Древнерусского мира» закрепляет за территорией функцию инфраструктурного обеспечения внешнеторговой деятельности (прокладка и обустройство транспортных путей – волоков, строительство торговых судов, сухопутных транспортных средств,

¹ Смоленщина – территория на разных этапах объединенная центром в г. Смоленск и находящаяся в пределах границ соответствующих единиц административно-территориального деления – Смоленских земель, княжества, наместничества, губернии, административной области РФ.

содержание укрепленных таможенных пунктов, охрана путей сообщения и сопровождение грузов в период навигации, на время движения торговых потоков).

На этом этапе истории Смоленщина переживает наивысший подъем своего развития в качестве политически и экономически самостоятельного региона – субъекта межгосударственных и межрегиональных отношений, но он оказывается недолгим.

Этап 3. Смоленское княжество (сер. XIII – нач. XV вв.).

В условиях военной агрессии татарских орд и усобиц политического рода внутри Древнерусского государства в XIII в. падение Киевского, Владимирского политических центров и зарождение Московского и Виленского способствовали кардинальному изменению политико-географического положения Смоленщины.

В связи с потерей своей территориальной целостности и политической самостоятельности она лишилась функций узлового центра поднепровского региона и оказалась зажатой между растущими Литовским и Московским государствами, выступая буфером их отношений.

Упадок средиземноморского, ближневосточного рынков и активизация балтийского трансформировали ее рыночно-географическое положение. Будучи отрезанной от ареалов зарубежной торговли и лишившись возможности эксплуатировать двинскую и волжскую речные системы, а также реки Сож и Десна днепровского бассейна, обеспечивавшие ее связь с внутренним рынком, территория на длительный срок утратила функцию значимого посреднического звена многих торговых путей.

Существенно ухудшилось ее транспортно-географическое положение. Потеряли свое значение северное и южное транспортные направления, связывавшие между собой балтийский и средиземноморский рынки, началась переориентация на западно-восточный транзит.

В результате глубоких структурных и территориальных трансформаций, произошедших на Смоленщине в период ее упадка с XIII по XV в., она лишилась практически всех функций, приобретенных ею прежде. Раздробленная на несколько микро-княжеств и оказавшаяся между двумя растущими государствами, она встала перед дилеммой своего дальнейшего развития.

Период приграничного положения

Этап 4. Смоленщина в составе Великого княжества Литовского и Русского (кон. XIV – нач. XVI вв.).

Фактическое включение Смоленска в состав Великого княжества Литовского и Русского (ВКЛР) уже к 1395 г. явилось переломным моментом в истории региона. С этого времени начинается период, на протяжении которого Смоленщина выступает в качестве государственной приграничной территории в составе поочередно нескольких государств.

Расположенная на границе ВКЛР и Московского княжества она естественным образом принимает на себя функции по обеспечению различных видов обмена между ними. Смоленское княжество одновременно и соединяет, и разъединяет их, выступает то посредником, то полигоном конфронтации.

Благодаря притоку мигрантов – литовцев, поляков, евреев разворачивается процесс активного этнического смешения, восстанавливается функция межэтнической границы. В результате расширения западно-христианского ареала, после принятия Литвой католичества и столкновения его здесь с православной традицией, территория приобретает дополнительную функцию межрелигиозной контактной зоны. Несколько улучшается ее транспортно-географическое положение, активизируются торгово-посредническая и транзитно-транспортная функции.

Этап 5. Смоленщина в составе Московского государства (нач. XVI – нач. XVII вв.).

В результате успешной для Московского государства войны (1512–1514 гг.) Смоленщина вошла в его состав. Содержательно ее географическое положение не изменилось, и функции приграничной территории остались прежними: а) плацдарма, б) торгово-посредническая, в) транзитно-транспортная, г) межэтнической контактной зоны, д) межрелигиозной контактной зоны. Переориентации подверглось только направление отношений с государственным центром – если на протяжении прошедшего этапа она являлась восточной границей Литовского государства, то теперь стала западной границей Московского.

Этап 6. Смоленщина в составе Речи Посполитой (нач. XVII – сер. XVII вв.).

После заключения Люблинской унии в 1569 г., существенно укрепившей стабильность польско-литовского союза, увеличивающийся ареал Речи Посполитой поглощает территорию Смоленщины и включает ее в сферу своего влияния. Граница с государством Российским при этом отодвигается на восток, но сохраняется. Смоленск вновь оказывается в зоне приграничного взаимодействия. Функции приграничной территории, связанные с обслуживанием межгосударственного обмена, остаются прежними: а) плацдарма, б) торгово-посредническая, в) транзитно-транспортная, г) межэтнической контактной зоны, д) межрелигиозной контактной зоны.

Этап 7. Включение Смоленщины в состав России (сер. XVII в.).

В дальнейшем в связи с ростом политической, экономической, военной мощи Российского государства его границы расширяются. Смоленщина присоединяется к нему после Андрусовского перемирия и укрепляется в качестве западного рубежа.

Несмотря на ряд деструктивных процессов, сопровождавших присоединение Смоленщины (миграционный отток, смена землевладельцев и внутриродовой «передел собственности», упадок торговли и ремесленного производства, натурализация хозяйства), за ней сохраняются большинство функций приграничного региона: а) транспортно-транзитная, б) межэтнической контактной зоны, в) межрелигиозной контактной зоны, г) торгово-посредническая в пределах российского внутреннего рынка с выходом на зарубежные рынки.

Период периферийного положения

Этап 8. Смоленщина в XIX веке.

В результате окончательного присоединения Белоруссии к России в 1795 г. Смоленщина становится внутренней периферийной территорией страны. Соответствующим образом трансформируется и ее ЭГП: а) политико-географическое – территория становится периферийной; б) военно-географическое – территория представляет собой периферийную зону военно-стратегического значения; в) рыночно-географическое – территория оказывается на периферии внутри российского рынка; г) транспортно-гео-

графическое – инфраструктура (дорожное и транспортное хозяйство) ориентируется на обслуживание внутригосударственного транзита в условиях снижения интенсивности международного торгового обмена через территорию; д) религиозно-географическое – территория становится периферийной в пределах православного ареала; е) этно-географическое – единственный вид положения, по которому регион остается приграничным (на стыке русского и белорусского этнических ареалов).

Таким образом, на протяжении XIX в. Смоленщина развивается в качестве периферийной территории, сохранив за собой только функцию межэтнической русско-белорусской контактной зоны.

Далее стабильность развития территории, набирающей экономической и людской потенциал в относительно равновесной и прогрессирующей системе российского государства, вновь нарушается вмешательством извне. Новый период ее истории открывает французская военная экспансия 1812 г. Смоленская губерния, лежащая на пути главного удара интервентов, подвергается опустошению. Обрываются тенденции поступательного экономического развития территории, массовые миграции приводят к оттоку населения.

В последующие десятилетия, по мере восстановления уклада хозяйства и нормализации общественной жизни, Смоленщина возрождается уже в новом для себя качестве. Внутриареальное экономико-географическое положение и близкое расположение высокоразвитой Московской промышленной области способствуют ее окончательной трансформации в периферийную зону Центральной России.

Этап 9. Советский период.

Начало XX в. открывает для Смоленщины очередной исторический цикл. Благодаря своему положению Смоленск оказывается ближе остальных регионов Центральной России к восточно-европейскому театру Первой мировой войны. В условиях военного времени обнаруживает себя набор характерных тенденций социальной дезорганизации и хозяйственного упадка, сопровождающих подобные же периоды в истории Смоленского края.

После окончания Гражданской войны фаза деградации сменяется фазой восстановления. В условиях новой схемы общественных отношений, периферийности и послевоенной разрухи количество функций территории сокращается.

Основными целями становятся планомерное, устойчивое развитие на базе имеющихся ресурсов для удовлетворения спроса растущей народнохозяйственной системы и глубокая интеграция в общесоюзную территориальную схему разделения труда. Принимая во внимание нарастающую барьерность внешних границ советского государства, основными источниками развития территории становятся ресурсно-географическое и транспортно-географическое виды ЭГП.

Период начавшегося стабильного развития региона нарушается очередной волной разрушений военного времени. Являясь ключевым звеном восточного фронта Великой отечественной войны, в ходе боевых действий Смоленская область потеряла весь промышленный потенциал, были разрушены ее основные административные центры и коммуникационные магистрали. Среди областей Центральной России она понесла наиболее существенный демографический урон.

И вновь в течение короткого периода нескольких послевоенных лет фаза разрушения и деградации сменяется фазой восстановления и строительства. В это время принимается ряд принципиальных решений по развитию области, основным приоритетом становится развитие территории в условиях ближней периферии столичного промышленного центра и поддержание функции плацдарма в составе оборонного пояса западного направления страны. И нужно отметить: к началу следующего этапа осуществление этих планов было практически завершено.

Период приграничного положения

Этап 10. Смоленская область 1990-х годов.

Последнее десятилетие XX века открыло новую страницу в истории Смоленской области. Распад Советского Союза привел к изменению ее позиционного статуса. В результате появления государственной границы РФ область вновь стала приграничной. Начался процесс восстановления традиционных для территории схем развития в сходных позиционных условиях. Расположенная у «западных ворот» России, она вновь сочетала в себе функции транзитного канала, «фильтра» и контактной зоны.

В условиях политических реформ, дестабилизации и падения сферы товарного производства, на фоне прогрессирующего инфляцион-

ного обесценения областных активов, новые функции имели неоднозначные последствия для жизни региона (табл. 1).

По мере того как хозяйственный комплекс и местное население (см. таблицу) адаптировались к условиям нового экономико-географического положения, начала меняться общая картина развития области, ее «региональный портрет». В частности обнаружили себя некоторые парадоксальные социально-экономические тенденции, в общем не характерные для субъектов Центральной России 1990-х годов. В то время как большинство экономических показателей в сравнении со средним для Центрального района на уровне характеризовали положение как критическое – убыточных предприятий здесь было больше чем в соседних регионах, подушевых инвестиций меньше и т.п. – показатели «социального благополучия» населения продолжали оставаться на уровне «выше среднего». Разрывы такой амплитуды на протяжении этого периода не наблюдались ни в одной из областей Центрального экономического района. Очевидно, что возникновению этих явлений способствовал целый ряд условий, но в продолжение сложившейся исторической традиции, существенную роль здесь в очередной раз сыграло ее геоположение, а именно соседство области с Белоруссией.

Смоленские земли традиционно объединяли великорусскую и белорусскую части Руси, и как было показано выше, входили в состав граничащих здесь в разное время суверенных государств. В результате, эта территория навсегда осталась полем для российского сотрудничества с белорусской землей, сотрудничества для Смоленщины не случайного и конъюнктурного, а долгосрочного, основанного на совместном капитале, трудовых ресурсах, технологии и других активах.

Объявление в 1991 г. о независимой государственности бывшей союзной республики и политическом курсе на автономизацию стимулировало быстрое нарастание ценового порога и дисбаланса товарной конъюнктуры российских и белорусских рынков («прозрачность» российско-белорусской границы при этом фактически не менялась). В этих условиях, благодаря своему «соседскому» или приграничному положению, Смоленщина оказалась в наиболее выгодной позиции и стала крупнейшим зарубежным торговым партнером Беларуси (в товарообороте с 65 зарубежными странами (2000 г.) удельный вес Смоленской области составил 35,8%, а его доля в сравнении со странами СНГ – более 85%).

Таблица 1

Значение транзитно-транспортной функций для Смоленской области

Положительные последствия	Процессы и явления, сопутствующие развитию транзитно-транспортной функции	Отрицательные последствия
Совершенствование местного законодательства. Возникновение и укрепление сферы административного обслуживания транзита.	Институциональное освоение ресурса транзитности.	Обострение отношений с Федеральным центром в борьбе за расширение прав на транзитную ренту.
Развитие специализированных видов бизнеса (притрассового), посреднической деятельности, сферы услуг. Развитие транспорта и дорожного хозяйства. Повышение уровня занятости, увеличение налоговых отчислений, рост предпринимательской активности местного населения и т.п.	Возникновение новой сферы региональной экономики, специализирующейся на обслуживании трансграничного обмена.	Нет
Развитие отдельных видов бизнеса, посреднической деятельности и сферы услуг. Реинвестирование в другие отрасли экономики области. Повышение занятости (в т.ч. нелегальной) и рост предпринимательской активности местного населения.	Активизация теневого бизнеса, возникновение новых региональных криминальных и околокриминальных предпринимательских структур, обслуживающих трансграничные потоки.	Повышение криминогенного уровня в регионе.
Профессиональная конкуренция и активизация рынка труда. Замещение потерь миграционного оттока из области.	Транзитный миграционный поток.	Усиление социальной напряженности и повышенная конфликтность в среде местного населения. Обострение политических, религиозных, этнических противоречий.

В результате ценовой порог на границе оказался надежным источником доходов областной торговли и стимулировал ее активный рост (величина показателя торгового оборота на душу населения Смоленской области в 2 раза превышает аналогичный для Тверской и в 1,5 раза – средний по ЦЭР). Уже по итогам 2000 года по объему товарооборота с Белоруссией Смоленская область занимала 5-е место среди всех регионов Российской Федерации. При этом его величина (262,37 млн. долл., в том числе экспорт – 131,81 млн. долларов, импорт – 130,56 млн. долларов, положительное сальдо – 1,25 млн. долларов США) в 10 раз превысила объем торгового обмена области со всеми странами СНГ и составила более половины всего ее внешнеторгового оборота (471 млн. долл.).

К настоящему времени в областной экономике нет сферы, в которой не присутствовали

бы в той или иной форме представители деловых кругов Белоруссии. Из 482 предприятий с иностранными инвестициями, зарегистрированных в области на 1 июня 2001 года, учредителями 249 являлись белорусские контрагенты. Суммарный уставный капитал их компаний составил уже более полутора миллионов долларов США.

***

Таким образом, сделанный нами краткий историко-географический обзор, иллюстративно свидетельствует, что с чередованием устойчивых состояний ЭГП Смоленщины (межареального, приграничного, периферийного) связаны заметные колебания в ее региональном развитии. При этом большинство из них обусловлены периодическими изменениями функций территории.

Период..... Этап..... Функции территории	Межареальное положение			Приграничное положение				Периферийное положение		Приграничное положение
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	Функция политического центра	...	■	...	...	...	...	...	...	...
Функция плацдарма	...	...	...	■	■	■	...	...	...	■
Межрелигиозной контактной зоны	...	...	...	■	■	■	■	...	...	...
Торгово-посредническая функция	...	■	...	■	■	■	■	...	...	...
Транзитно-транспортная функция	...	■	...	■	■	■	■	...	■	■
Межэтнической контактной зоны	■	...	...	■	■	■	■	■	■	■

Рис. 1. Распределение функций территории по историческим периодам

Кратко охарактеризовать эти функции можно следующим образом.

1. Функция межэтнической контактной зоны – функция территории локализовать в своих границах процессы этнической интеграции, ассимиляции и консолидации, идущие в ходе первичного заселения и последующего освоения территории представителями разных этнических общностей. В результате здесь складываются условия для осуществления активного синтеза этнических признаков (культуры, языка, самосознания) и складывается уникальное местное сообщество – на Смоленщине с участием этносов восточно-славянского, угро-финского и балтского.

2. Функция транзитно-транспортного узла – функция территории обеспечивать транзитные транспортные связи между регионами внутри страны и другими странами, используя собственную транспортную инфраструктуру.

Необходимо отметить, что в силу особенностей географического положения Смоленщины, две эти функции могут быть названы первичными для ее территории и присущи ей на протяжении всей известной истории.

По мере развития древнерусской государственности, а потом становления и других восточноевропейских государств, в состав которых входила Смоленщина, набор функций, прежде связанных с естественно-географическими особенностями территории, заметно расширился.

Будучи расположенной в зоне периодической флуктуации государственных границ, важнейшими для нее становятся ряд новых из них.

1. Функция плацдарма или оборонная – функция территории обеспечивать межгосударственное военное противостояние. На разных этапах истории с ней традиционно связывалось строительство фортификационных сооружений и военной инфраструктуры, обязательным условием стало постоянное присутствие вооруженного контингента и расселение военнослужащих на постоянной основе.

2. Торгово-посредническая функция – функция территории выступать в качестве самостоятельного субъекта международных экономических отношений и вести деятельность направленную на обеспечение торгового обмена между различными территориями с использованием собственной торговой и транспортной инфраструктуры. Традиционно осуществлялась на основе предпринимательской активности местного населения и за счет деятельности размещенных здесь представительств торгующих стран. С ней связано первоначальное возникновение и дальнейший рост одного из главных источников благосостояния Смоленщины – сферы посреднических предпринимательских услуг.

Исторически реализация этой функции сопровождалась расширением номенклатуры и

объемов местного товарно-сырьевого рынка, развитием местной сферы денежного обращения; она же активно стимулировала развитие транспортной отрасли.

3. Функция межрелигиозной контактной зоны – функция территории локализовать процесс межконфессионального взаимодействия, выступить барьером и контактной зоной между ареалами распространения различных конфессий. В истории развития Смоленщины эта функция проявила себя через взаимодействие и борьбу православной церкви с традициями западного христианства, которая сопровождалась перестройкой, а в отдельных случаях и разрушением храмовых сооружений, депортацией священнослужителей, борьбой за сохранение традиций доминирующего культа.

Тенденция к изменению числа названных функций от одного исторического этапа к другому, а именно – расширение их набора в условиях приграничного положения и сокращение по мере усиления периферийности территории, с нашей точки зрения, объясняется следующими обстоятельствами.

Для Смоленщины характерна закономерная цикличность регионального развития, которая тесно связана со стабильностью отношений между ареалами (государствами), границей которых территория является на протяжении разных периодов своей истории. Эта закономерность в частности была обнаружена в результате проведенной в рамках исследования

историко-географической периодизации и анализа выделенных этапов развития с применением трех качественных индикаторов: а) тенденций изменения численности населения; б) тенденций интенсивности развития и профилей специализации хозяйственной деятельности; в) уровня предпринимательской активности на территории (торговля).

Одной из отличительных черт проявления этой закономерности является куэстообразный рисунок кривой, отображающей динамику процесса регионального развития Смоленщины. Условные фазы, на которые она подразделяется, характеризуются следующими параметрами:

1) фаза подъема, соответствующая этапу положительных тенденций в жизни территории, сопровождается увеличением численности населения; диверсификацией структуры хозяйственной деятельности, интенсификацией торговой отрасли, активным строительством (промышленным, гражданским, религиозным) – на схеме 1 прерывистая линия;

2) фаза спада – обрывистая сплошная линия – как результат нарушения геополитического баланса в зоне границы, сопровождаемая последующими военными конфликтами. Сопровождается остановкой конструктивных тенденций в региональном развитии и согласуется с периодами исторического лихолетья, когда население интенсивно покидает территорию; резко снижается общий уровень хозяйственной и предпринимательской активности региона.

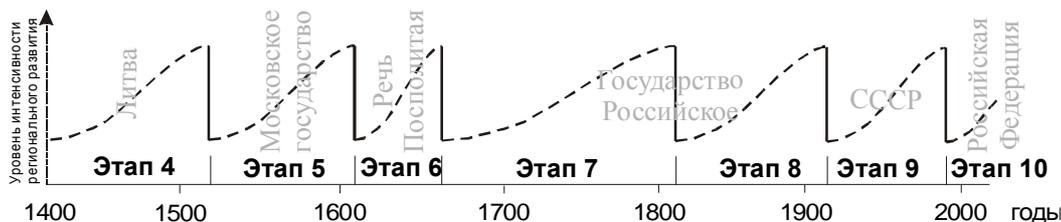

Рис. 2. Схематическая цикличность развития Смоленщины

Индикатор	Этап 4		Этап 5		Этап 6		Этап 7		Этап 8		Этап 9		Этап 10
	Фаза подъема	Спад	Фаза подъема										
Тенденция изменения численности населения	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+
Тенденция уровня хозяйственной активности	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+
Тенденция уровня предпринимательской активности	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+

Таблица 2. Этапы и циклы развития Смоленщины (см. рис. 2)

Таким образом, закономерное чередование фаз развития Смоленщины, определяемое условиями ее географического положения, приводит к выводу о том, что цикличность истории характерная для любого региона, может иметь различную природу.

В одних случаях она в большей степени следует за колебаниями общественно-географических условий, причиной которых становятся, например, смена общественных отношений или появление новых технологий в области общественного производства; в других – обуславливается периодическими изменениями ус-

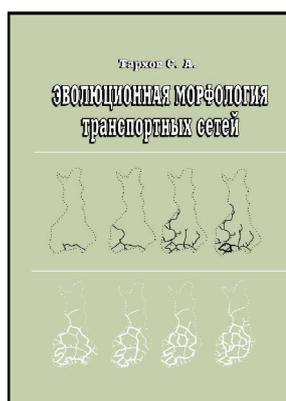
ловий естественно-географических, связанными с катаклизмами в окружающей природной среде или исчерпанием естественных ресурсов – базиса регионального развития. В третьих же, как свидетельствует опыт Смоленской области, эта цикличность может быть тесно связана с регулярным в исторической ретроспективе изменением географического положения региона и длительным существованием в условиях приграничья – зоне, где смена тенденций в развитии территории носит революционный характер и часто сопровождается разрушительными военными катаклизмами.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «УНИВЕРСУМ»
СМОЛЕНСКОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ПРЕДЛАГАЕТ

Тархов С. А. Эволюционная морфология транспортных сетей. – Смоленск-Москва: Издательство «Универсум», 2005. – 352 с.

Книга посвящена анализу пространственного строения сухопутных транспортных сетей стран, регионов, городов, а также процессов их роста и распада. Изучены сети железных дорог, автомобильных дорог, маршрутные сети городского пассажирского транспорта более 1000 географических объектов (стран, мезорайонов, крупнейших и больших городов). Исследование базируется на топологическом и морфологическом анализе пространственной структуры (конфигурации) транспортных сетей, а также концепции пространственного саморазвития. Выявлены основные топологические классы конфигураций транспортных сетей, пространственные закономерности их эволюции, а также типы топологических дефектов в их структуре и пути устранения таких дефектов.

Монография состоит из 4 глав, списка литературы (435 названий). Включает 61 рисунок (в т.ч. многочисленные картосхемы транспортных сетей разных стран, регионов и городов) и 56 таблиц.

Издание рассчитано на специалистов по теоретической географии, социально-экономической и политической географии, географии транспорта, транспортному градостроительству, районной планировке, региональной экономике транспорта, истории транспорта.

Телефон: (0812) 68-36-88. E-mail: abc@shu.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

А. П. Катровский (Смоленск)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ¹

Katrovsky A.P.

DEMOGRAPHIC THREATS TO THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE SMOLENSK REGION

The article points out to the peculiarities of the demographic development of the Smolensk region. A point to note is that the issues of the demographic situation improvement become of the primary importance in the present context. The Smolensk region is one of the RF subjects where demographic security problems are especially acute. As many demographic indicators show the Smolensk region is among 10 least secure country's regions. Sustainable socio-economic regional development is impossible without demographic problems solution.

В современных условиях меняются представления о факторах безопасного развития. Если еще несколько десятилетий назад проблеме безопасного развития сводили к проблеме угрозе внешнего нападения, то сегодня перечень угроз национального развития значительно расширился. Наряду с внешними угрозами выделяют внутренние, среди которых особое место занимают демографические. Выдвижение демографических вопросов на уровень проблем национальной безопасности свидетельствует как об обострении проблем демографического развития отдельных стран и регионов, так и о новой идеологии оценки факторов устойчивого и безопасного развития. Российская Федерация – одна из стран, где в последние годы с самых высоких трибун не только обратили внимание на острую сложившейся демографической ситуации, но и выделили демографическое развитие в качестве самостоятельного аспекта национальной безопасности.

Более того, демографическая ситуация в Российской Федерации стала вызывать озабоченность и на Западе. «Демографическая ситуация в России такова, что требует немедленных действий, а геостратегические последствия «жизненного кризиса» в России могут стать камнем преткновения для Америки» [Бьюкинен 2003, с.34–35]. Очевидно, что в современных условиях национальные интересы нельзя сводить исключительно к росту ВВП. Интересы государственной безопасности выдвигают вопросы демографического развития, роста населения, совершенствования его структуры в один ряд с вопросами роста ВВП, структурной перестройкой экономики.

Центральная Россия входит в число регионов с наиболее острой демографической ситуацией. Именно здесь проблемы демографического развития переросли в кризис, который, в свою очередь, может перейти в стадию катастрофы.

---

¹ Основные положения статьи были изложены на X Кирилло-Мефодиевских чтениях (май 2004)

Смоленская область относится к числу староосвоенных демографически неблагополучных регионов Центральной России. В известной степени демографическую ситуацию в области можно отнести к разряду типичных, присущих регионам Центральной России. Острота демографической ситуации в области выдвигает вопросы разработки эффективной демографической политики в число наиболее актуальных и практически значимых. Не решив демографические проблемы, нельзя достигнуть устойчивого социально-экономического развития в ближайшей и дальней перспективе. Вместе с тем, несмотря на исключительную важность демографических проблем для развития области, демографическая изученность области желает лучшего. За последнее десятилетие, помимо фундаментальной работы А.И. Казакова, вышедшей в печать в 1996 году [7], в которой рассмотрены основные этапы изменения демографической ситуации на Смоленщине, можно назвать несколько небольших публикаций [3–6]. В связи с обострением демографической ситуации появилось несколько содержательных аналитических записок, подготовленных сотрудниками Смоленского областного комитета по статистике, которые бесспорно заслуживают пристального внимания [2,8,9]. В 2003 году Смоленская область, наряду с Ханты-Мансийским автономным округом, Саратовской областью и Санкт-Петербургом включена в пилотный проект, реализуемый на территории Российской Федерации Международной организацией по народонаселению. Причем в данном перечне регионов Смоленская область представляет регионы с крайне неблагополучной демографической ситуацией.

Со второй половины 1990-х годов в области имеет место процесс депопуляции, которая в начале XXI века стала приобретать системный характер. В настоящее время демографическая ситуация в Смоленской области является одной из наиболее острых и сложных. К 1 января 2003 года численность населения Смоленской области достигла 1046,7 тысяч человек, что на 200 тысяч человек меньше, чем в первый послевоенный (1946 год) или практически стала такой же, как и накануне Отечественной войны 1812 года. По численности населения Смоленская область в 2004 г. занимает 50-е место в Российской Федерации. На область приходится 0,8% населения Российской Федерации. Ежегодно численность населения области сокращается

на 1,3–1,5 %. При сохранении современных трендов и темпов демографического развития в 2007 г. население области станет меньше 1 млн. человек. Согласно «оптимистических» прогнозов Госкомстата, сделанных к 2016 году численность населения области достигнет 933 тысяч человек. С 1993 по 2004 год естественная убыль населения в Смоленской области составила около 140 тысяч человек. Сокращается не только численность сельского населения, но и численность населения в городских поселениях. Процесс депопуляции охватил все муниципальные образования. В 2002 году в области не осталось ни одного города с положительной динамикой численности населения. В разряд поселений с уменьшением численности населения попал некогда самый «благополучный» в демографическом отношении город Десногорск, который оказался в числе российских городов с естественной убылью населения. Согласно результатам текущего учета численности населения и результат последней (2002 г.) переписи населения, сокращение численности населения имеет место и в областном центре, где за последние 7 лет оно сократилось более чем на 30 тысяч человек, составив на 1 января 2003 года 324,6 тысяч человек. В последние три года незначительный механический прирост численности уже не компенсирует нарастающую естественную убыль и среднегодовое уменьшение численности населения областного центра составляет, как показала перепись населения, около 3 тысяч человек. По сравнению с переписью 1989 года численность населения в области сократилась более чем на 10,0%, при среднем сокращении численности населения страны на 1,3%. По темпам отрицательной динамики среди 13 субъектов Центрального экономического района Смоленская область занимает 4 место. Более быстрыми темпами численность населения уменьшалась только в Тверской, Тульской и Ивановской областях.

Перепись населения 2002 года выявила некоторое завышение расчетной численности населения области. Более чем на 25 тысяч человек была завышена и численность населения областного центра, на 5 тысяч – Десногорска. Вплоть до 2002 года органы государственной статистики давали более оптимистичную картину демографической ситуации в Смоленской области. Процесс сокращения численности населения сопровождается ухудшением струк-

турных характеристик населения. В области происходит ухудшение возрастной структуры, увеличивается средний возраст населения, доля лиц в возрасте старше трудоспособного. В процессе демографического развития в последние десять лет произошло изменение роли естественного и механического движения в формировании численности населения (Табл. 1).

Таблица 1.
Изменение численности населения
Смоленской области
по компонентам прироста (убыли)
(тыс. человек) [2,10]

	Миграционный прирост (убыль)	Естественный прирост (убыль)	Общий прирост (убыль)
1992	7,7	-5,6	2,1
1993	10,9	-9,6	1,3
1994	17,6	-11,1	6,5
1995	9,9	-10,5	-0,6
1996	4,7	-10,6	-5,9
1997	2,8	-11,8	-9,0
1998	1,5	-11,5	-10,0
1999	-0,4	-14,1	-14,5
2000	-0,4	-14,1	-14,5
2001	-1,4	-14,0	-15,4
2002	-0,4	-12,9	-13,3
2003	-0,2	-13,8	-14,0

К демографическим угрозам развития Смоленской области, в первую очередь, необходимо отнести низкую рождаемость. Показатель рождаемости в 1999 г. (6,5) был наименьшим в послевоенные годы, почти в 3 раза ниже уровня начала 1960-х гг. (19,1 в 1960 г.), почти в 4 раза ниже показателей начала 50-х гг. (23,1 в 1950 г.), более чем в 6 раз ниже уровня 1920-х гг. (39,5 в 1924 г.) и более чем в 7 раз ниже уровня конца XIX в. За последние сто лет резкое снижение рождаемости, исключая военные годы, происходило дважды: в начале 1930-х и в начале 1990-х гг. Коэффициент рождаемости в 2000 г. достиг 6,8 промилле. По показателю рождаемости в 2000 г. Смоленская область занимала 88 из 89 место в Российской Федерации. Более низкая рождаемость была лишь в Ленинградской области. Несмотря на некоторое повышение рождаемости в 2001 и 2002 гг. (7,3 и 7,9 промилле соответственно) Смоленская область, по-прежнему, относилась к наиболее проблем-

ным регионам страны. В области существуют значительные (более чем в 1,4 раза) внутриобластные различия в уровне рождаемости. Вместе с тем региональная демографическая ситуация характеризуется отсутствием районов – устойчивых аутсайдеров по рождаемости. В рейтинге муниципальных образований по показателю рождаемости постоянно происходят изменения.

Снижение рождаемости объясняется изменениями в брачном и репродуктивном поведении населения Смоленской области. С одной стороны, брак повзрослел, с другой – важнейшей демографической тенденцией развития области стал значительный рост удельного веса детей, рожденных матерями, не состоящими в браке. Данный процесс получил распространение практически во всех типах поселений. Особенно значительный рост внебрачной рождаемости имел место в сельской местности, где данный показатель традиционно более высок – 15,4% в 1985 и 31,4% в 1997 г. В городских поселениях за указанное время данный показатель вырос с 10,8% до 25,1%.

Высокая смертность – вторая составляющая демографической угрозы.

В 2000 г. коэффициент смертности достиг 19,3 на 1000 чел. По показателю смертности область в 2000 г. занимала 83 место в стране. В Центральном федеральном округе хуже ситуация лишь в Ивановской, Тверской и Тульской областях. В 2002 году впервые за последние 100 лет уровень смертности в Смоленской области превысил 20 промилле и составил 20,8 на 1000 человек. За 40 лет уровень смертности в Смоленской области вырос почти вдвое. Современный уровень смертности находится на уровне 1913 года. Устойчивый рост смертности в 1990-е гг. – другая важнейшая черта демографического развития области. Среди причин – старение населения, уменьшение продолжительности жизни, увеличение смертности от травм, несчастных случаев. В 2000 г. число умерших в 2,8 раза превысило число родившихся. Смертность в сельской местности значительно превышает смертность в городских поселениях – 24,9 и 13,9 на 1000 чел. в 1997 г. соответственно. В области имеет место значительная территориальная дифференциация в уровне смертности. В отличие от рождаемости, по показателю смертности в области имеются сложившиеся лидеры и аутсайдеры. Особую озабоченность должен вызывать факт значительного (более чем в 1,5 раза) роста числа

умерших в трудоспособном возрасте. Растет число самоубийств (37 на 100 тыс. чел. населения в 1997 г.). Число самоубийств среди мужского населения почти в 5 раз выше, чем среди женщин. Наиболее «опасный» возраст 50–59 лет и старше 70 лет. Число погибших от убийств в 1997 г. достигло 25,0 на 100 тыс. чел. населения.

К демографическим угрозам развития Смоленской области относится и высокая младенческая смертность. В 1999 г. она составила 16,8 на 1000 родившихся живыми, в 2001 г. достигла 16,9. По показателю детской смертности в 2002 г. Смоленщина – на 50 месте в Российской Федерации. В области отсутствуют территориальные закономерности в распределении показателя младенческой смертности. Младенческая смертность в сельской местности превышает уровень городских поселений.

Важнейшим результатом естественного движения является естественный прирост или убыль населения. В связи с превышением смертности над рождаемостью естественный прирост в Смоленской области, как и в большинстве староосвоенных регионов Российской Федерации, в конце 1980-х годов сменился естественной убылью. Коэффициент естественного прироста, рассчитываемый на 1000 чел., имевший в послевоенные годы максимальное положительное значение, (14,2 в 1957 г.), в 1990-е гг. приобрел отрицательное значение и прогрессирует (-1,4) в 1990 г., (-8,9) в 1995 г., (-10,2) в 1997 г., (-12,5) в 2000 г. и (-12,9) в 2002 г. Если в 1985 г. естественная убыль населения имела место в 18 районах Смоленщины, то в 1990 г. – в 23 районах, в 1997 г. естественный прирост сохранился лишь в г. Десногорске, с 2002 года в области не осталось муниципальных образований с естественным приростом.

Серьезной угрозой развитию Смоленской области несет снижение продолжительности жизни. В 1997 г. ожидаемая продолжительность жизни населения Смоленской области составляла 65,2 года, в т. ч. для мужчин – 59,1, женщин – 72,0. В 2000 г. средняя продолжительность жизни в области уменьшилась до 63,5 лет, в том числе у мужчин – 56,97 и женщин – 71,15 в 2002 г. достигла 61,96, в том числе 55,17 у мужчин и 70,32 у женщин, что значительно ниже среднероссийских показателей. По продолжительности жизни Смоленская область занимала в 2002 г. 75 место в России. Среди регионов ЦФО более низкая продолжительность жизни наблюдалась только в Тверской области.

На воспроизводство населения влияет и состояние брачно-семейных отношений, определенное воздействие оказывает брачное поведение. В последнее время сокращается коэффициент брачности. В 1985 г. на 1000 чел. заключалось 9,5 брака, в 1990 г. – 8,7, в 1998 г. – 5,2 (в первый послевоенный 1946 г. – 11,9; с 1977 по 1979 г. – на уровне 11,2). Число браков и коэффициент брачности несколько выросли в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Однако современная ситуация по-прежнему характеризуется низким уровнем показателя брачности. В 2002 г. он составлял 6,8. По данному показателю область уступала среднему показателю по Центральному федеральному округу – (7,4). Снижение показателя брачности обусловлено как старением населения, так и изменениями в брачном поведении. Более трех четвертей браков в области завершается разводом. Если в 1990 г. на 1000 браков приходилось 456 разводов, десять лет спустя – в 2000 г. – 779, то в 2002 г. уже 937 разводов. В 2002 г. коэффициент разводимости достиг 6,4 на 1000 населения, что несколько выше среднего показателя по Центральному федеральному округу и Российской Федерации – (6,0). Повышение разводимости связано с либерализацией семейно-брачного поведения. В Смоленской области имеет место значительная территориальная дифференциация в брачном поведении. Показатель разводимости в муниципальных образованиях области различается более чем в два раза. Самый высокий уровень разводимости в городах. Анализ связи уровня разводимости с другими социально-экономическими процессами выявил наличие ее высокой прямой зависимости от уровня доходов населения.

Снижение рождаемости способствовало изменению семейной структуры. По переписи 1989 г. в области средний размер семьи оставался на уровне 1979 г. – 3,1 чел. Средний размер семей в сельской местности был несколько меньше, чем в городских поселениях – 2,9 и 3,2 чел. соответственно. В сельской местности 72,4% семей насчитывают от 2 до 3 чел. В городских поселениях таких семей 64,7%. Внутриобластные различия незначительны и находятся в пределах от 3,4 чел. в Десногорске до 2,7 чел. в сельской местности Угранского и Демидовского районов. В 1858 г. в губернии в среднем на сельскую семью приходилось 9,25 чел. (от 11 в Ельнинском до 7,6 чел. в Гжатском уездах), по переписи 1897 г. – 6,4 чел. (в

городах 5,8 чел.), т. е. за 130 лет (1858–1989 гг.) состав сельской семьи по количеству членов в ней сократился в 3 раза, и на сегодня она несколько меньше городской, хотя на протяжении длительного времени наблюдалась противоположная ситуация. Объяснить это можно только особенностями возрастной структуры населения, интенсивным оттоком сельской молодежи в города.

Особую озабоченность вызывает ухудшение возрастной структуры населения области. В сельской местности средний возраст достиг в 1989 г. 41,8 лет. Современная возрастная структура населения Смоленской области начинает не отвечать интересам регионального развития. Особенно остро проблема старения населения стоит в сельской местности, малых городах. В 2001 году доля населения в возрасте старше трудоспособного в Смоленской области составляла 23,0%, в то время как по стране данный показатель – только 20,6%. По оптимистическому сценарию демографического развития области к 2016 году доля лиц в возрасте старше трудоспособного может достигнуть 26,6%. При этом демографическая нагрузка пенсионеров на трудоспособное население составит 0,45, что значительно усугубит проблемы социальной поддержки пенсионеров, при условии «перевода этих проблем» на региональные бюджеты. В настоящее время при соотношении численности лиц в возрасте старше трудоспособного возраста к численности населения в трудоспособном возрасте на уровне 0,39 Смоленская область испытывает серьезные трудности в «монетизации» льгот пенсионерам.

Вместе с тем негативные изменения происходят и внутри основных возрастных групп. Особую озабоченность должно вызывать сокращение численности молодежи. С 1992 по 2001 год доля молодежи в общей численности населения Смоленской области снизилась почти на 5%. Процесс снижения доли детей и молодежи начинает приобретать необратимый характер. По данным Смоленского областного комитета государственной статистики, с 1989 по 2002 год число лиц в возрастной группе 0–4 года уменьшилась с 84,2 тыс. до 38,7 тыс. или в 2,18 раза, в возрастной группе 5–9 лет с 81,5 до 48,9 тыс. чел. В ближайшее время снижение рождаемости и ухудшение возрастной структуры негативно отразятся на рынке труда. Область, как и большинство регионов Центральной России,

столкнется с проблемой острого дефицита трудовых ресурсов. Особенно острая ситуация на рынке труда при сохранении современных тенденций сложится к 2020 году. К 2012–2015 гг. при сохранении современных трендов демографического развития число лиц в призывном возрасте в Смоленской области уменьшится вдвое. Более чем вдвое к 2015 году уменьшится ежегодная численность выпускников общеобразовательных школ.

Это вызовет ряд серьезных социально-экономических последствий на рынках труда и образовательных услуг. В Смоленской области возникнет проблема комплектования профессиональных учебных заведений. Сокращение числа учащихся в общеобразовательных школах в ряде сельских районах поставит вопрос о сохранении отдельных сельских школ, что, в свою очередь, создаст проблему занятости для ныне работающих учителей.

В процессе демографического развития происходит изменение половой структуры населения. Для Смоленщины традиционно преобладание женского населения над мужским. Первая всеобщая перепись населения Российской империи показала, что в 1897 г. на 1000 мужчин приходилось 1098 женщин, или доля мужчин в общей численности населения губернии составляла 49%. Среди причин некоторого превышения в конце XIX века женского населения над мужским – большая миграционная активность последнего. В отходничестве, которое получило значительное развитие во второй половине XIX века, в основном принимала участие мужская часть населения. Вторая причина связана с традиционно более высокой продолжительностью жизни женского населения. Первая мировая и гражданская войны усилили диспропорцию по полу, которая не была преодолена до Великой Отечественной войны. В 1926 г. на 1000 мужчин приходилось 1108 женщин. Значительные изменения произошли в половой структуре в годы Великой отечественной войны и послевоенные годы. Доля женского населения достигла 57,7% в 1959 г., а затем снизилась до 56,6% в 1970 г., 55,4% в 1979 г., 54,2% в 1989 г. и 53,7% в 1997 г. (на 1000 мужчин приходилось 1118 женщин). Единственным городским поселением, в котором преобладало мужское население, являлся Десногорск (женщин – 49,2%). В целом по области мужское население преобладало

в возрасте от 0 до 40 лет. В сельской местности при общем преобладании женщин мужчин больше в возрасте от 0 до 50 лет. Наибольшее преобладание мужчин на селе имело место в возрастной группе 35–39 лет (на 1000 мужчин приходилось 842 женщины). В городских поселениях смолянки преобладали в возрасте старше 30 лет, несколько больше женщин и в возрастной группе 20–24 года (на 1000 мужчин – 1007 женщин). Предварительные результаты переписи 2002 года свидетельствуют об усилении неравенства в половой структуре. На 1000 мужчин в области приходилось 1195 женщин. В отличие от конца 1980-х гг. во всех муниципальных образованиях было зафиксировано преобладание женского населения. Диспропорция по полу обусловлена особенностями хозяйственной структуры, различиями в продолжительности жизни мужчин и женщин, которая не только не уменьшается, но и за последнее время в Смоленской области даже несколько увеличилась.

Первоочередная задача, стоящая перед исполнительной властью на ближайшее время (до 2010 г.) стабилизировать численность населения на уровне 1050 – 1070 тыс. человек. Однако данная задача может быть решена лишь при переходе к новой миграционной политике, способной компенсировать естественную убыль населения. Стабилизация численности населения возможна лишь при достижении ежегодного положительного сальдо миграции в 12–13 тысяч человек. Однако столь значительный миграционный прирост населения возможен лишь при значительных федеральных «вливаниях». Миграционный потенциал стран СНГ в значительной степени исчерпан. Однако, в связи с общей тенденцией ориентации Российской Федерации на «запад», можно при реализации ряда экономических и социальных программ ожидать увеличения внутригосударственной миграции в Смоленскую область. Росту миграции в область может способствовать и формирование позитивного образа Смоленской области в средствах массовой ин-

формации. Вместе с тем, Смоленская область как самостоятельный субъект Российской Федерации стеснен в инструментах воздействия на демографическую ситуацию. Региональная демографическая политика в условиях значительных государственных территориальных социальных неравенств по оси центр-периферия обречена на неудачу. При формировании демографической политики необходимо исходить из положения, что демографическая политика является лишь одной из составляющих социальной политики. Стране, а не только Смоленской области нужна другая демографическая политика.

Демографическая политика требует значительных затрат из федерального бюджета. В условиях бюджетного дефицита главная задача состоит в определении приоритетов.

Приток трудоспособного населения, молодежи в условиях демографического кризиса, пожалуй, единственный реальный способ некоторой стабилизации демографической обстановки в Смоленской области. Лишь изменив вектор миграции за счет положительного сальдо миграции, Смоленская область может приостановить сокращение численности населения, ухудшение его возрастной структуры. Без подъема экономики, повышения уровня доходов и жизни нельзя рассчитывать на позитивные изменения в миграционной ситуации. Вместе с тем отказ от порочной практики расселения мигрантов в наиболее отдаленных районах, в зонах экономического и социального опустынивания способны повысить эффективность проводимой миграционной политики.

Как показывает отечественный и зарубежный опыт исследования и управления демографическим развитием, лишь объединив усилия ученых и практиков, демографов, географов, экономистов, социологов можно решить демографические проблемы. Не решив демографические проблемы, нельзя добиться устойчивого социально-экономического развития. Демографическая безопасность – обязательное условие успешного развития России и ее отдельных регионов.

Литература

1. Бьюкинен П.Дж. Смерть Запада М.: ООО «Издательство АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 444 с.
2. Демографическое развитие Смоленской области, тенденции и перспективы. Аналитическая записка Смоленского областного комитета государственной статистики. Смоленск. 2004.
3. Евдокимов М.Ю., Катровский А.П., Костюченко М.И, Ольховатый А.И. Социально-демографические предпосылки развития профессионального образования Смоленской области (2000 – 2010 гг.)/V Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы научной конференции. – Смоленск. СГУ, 1999 г., С. 7-9.

4. Катровский А.П. Миграционная ситуация и миграционная политика в Центральной России глазами экспертов // Миграционная ситуация и миграционная политика в Центральной России – Смоленск, Универсум. – 2001. С. 49-58.
5. Катровский А.П. Миграция и здоровье населения Смоленской области //Вестник образования и развития науки РАЕН, 2002, № 6(2). С. 35-42.
6. Катровский А.П. Население Смоленской области // Смоленская область. Энциклопедия. Смоленск, СГПУ. 2003. Т. 2. С. 267–270.
7. Население Смоленщины: прошлое и настоящее (историко-демографический очерк) /Под ред. А.И. Казакова.– Смоленск, 1996
8. О миграционной ситуации в Смоленской области. Аналитическая записка Смоленского областного комитета государственной статистики. Смоленск. от 17.07.03 исх. № 12-07-92
9. О положении детей в Смоленской области. Аналитическая записка Смоленского областного Комитета государственной статистики. № 02-06-55 от 18.04. 2003
10. Предварительные результаты переписи населения.– Смоленск: Смоленский областной комитет государственной статистики, 2003.
11. Состояние в браке и возрастно-половой состав населения Смоленской области по данным Всероссийской переписи населения 2002 года. Федеральная служба государственной статистики. Смоленский областной комитет государственной статистики. – Смоленск. 2004. – 232 с.
12. Численность и размещение населения Смоленской области по данным Всероссийской переписи населения 2002 года. Госкомстат России.- Смоленский областной комитет государственной статистики. Смоленск. – 2004. – 154 с.

Ж. А. Чижевская (Минск)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ БЕЛАРУСИ

Chigevskaya J.A.

REGIONAL PECULIARITIES ALLOCATION AND SOCIO-ECONOMIC OF THE DEVELOPMENT OF SMALL TOWNS OF BELARUS

Regional peculiarities of allocation of small towns of Belarus were considered. Parameters of density, dynamics of a population of small cities on administrative regions, and also an index of similarity and factors of localization were designed and analyzed. Dependence between accommodation of small city settlements and a landscape structure of territory were revealed. Regional distinctions in a level of social and economic development of the given settlements were investigated.

Национальной стратегией социально-экономического развития Республики Беларусь является постепенное (поэтапное) движение к обществу постиндустриального типа с учетом национальных особенностей для достижения высокого уровня и качества жизни населения, улучшения среды обитания. В современных

условиях успешная реализация поставленных задач невозможна без проведения научно обоснованной государственной региональной политики, которая должна обеспечить в рамках единой стратегии дифференцированный подход к определению путей развития регионов, способствовать выравниванию условий жиз-

недеятельности населения отдельных территорий [7]. Различные регионы страны располагают неодинаковыми предпосылками и потенциалом для своего развития, что и определяет невозможность решения возникающих проблем одинаковыми средствами повсеместно.

В Республике Беларусь основными объектами регионального планирования и прогнозирования являются шесть областей и город Минск. Развитие регионов как сложных социально-экономических систем может иметь положительную динамику лишь при условии гармоничного, стабильного функционирования всех структурных подсистем и элементов. В современных условиях успешная реализация региональной политики невозможна без учета экономического, социального, культурного потенциала малых городских поселений. Необходимость изучения малых городов¹ в региональном разрезе обусловлена их местом и назначением в размещении и развитии производительных сил белорусских регионов. В малых городских поселениях сконцентрированы предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции как районного, так и межрайонного значения. В этом аспекте малый город представляет интерес как пункт возможного развития пищевой промышленности или первичной переработки другого сельскохозяйственного сырья. Кроме того, изучение данной категории поселений представляет практический интерес для перспективного планирования развития сельского хозяйства и культурно-бытового обслуживания населения района, для которого они являются центрами тяготения. Из-за слабости экономической базы для малых городов актуальна проблема трудоустройства населения. Низкая экономическая активность, присутствующая хозяйственным комплексам малых городских поселений, отрицательно сказывается на закреплении рабочей силы на местах. Негативные тенденции в развитии малых городов оказывают дестабилизирующее влияние на динамику и структуру общественно-го производства регионов.

В настоящее время особую актуальность приобрели проблемы эффективной организации городского расселения и регулирования урбанизации. Во всех регионах Беларуси наблюдается увеличение концентрации и контрастности расселения. В межгородских миграциях преобладает устремление населения в более крупные города. По мнению многих

исследователей, города любого ранга теряют население в обмене с более крупными городами и получают население из более мелких городов. Города и поселки с численностью населения менее 20 тысяч человек (малые городские поселения) пополняются в основном за счет села [1]. До недавнего времени людские потери малых городов возмещались притоком сельского населения. Уменьшение людности малых городов обусловлено снижением возможностей сельской местности. В то же время притягательная сила крупных городов проявляется еще более резко, что ведет к усилению диспропорций в развитии региональных систем расселения.

Отмеченные особенности развития сети малых городов в значительной мере обусловлены структурой планировочного каркаса республики и положением отдельных территорий и поселений относительно основных его элементов, а также исторически сложившимся размещением областных центров и других более крупных городов республики. Отдельные малые городские поселения Витебской, Могилевской, Гомельской, Брестской и Гродненской областей удалены от своих центров на 230–250 км. В зонах часовой доступности районных центров проживает только 55% сельского населения республики, средневзвешенные затраты времени на поездки в районный центр достигают 1,5 часа [2]. Несовпадение границ объективно существующего экономического и административного районирования, недостаточный уровень развития транспортной системы отрицательно сказываются на развитии малых городов, препятствуют осуществлению запланированных мероприятий, усугубляя негативную оценку образа жизни малых городов. Диспропорции в развитии региональных систем расселения, проявляющиеся в усиливающейся деградации малых городских поселений, объясняются еще и тем, что в больших городах экономическая эффективность промышленности выше, чем в малых. Если в городских поселениях с численностью населения до 5 тысяч человек значение территориального индекса производительности труда фиксированного состава составляет 0,6, то в городах с численностью населения от 5 до 10 тысяч человек значение этого показателя будет равным 0,8, а в крупных городах оно колеблется в пределах 0,9–1,2. Аналогичная ситуация наблюдается и при использовании индекса фондоотдачи фиксированного состава [10].

¹ В данной работе термины «малый город» и «малое городское поселение» используются как синонимы.

Главным преимуществом малых городских поселений по сравнению с более крупными городами, в решении проблемы комплексного, сбалансированного развития регионов республики является то, что они представляют самую многочисленную группу в количественном отношении и более равномерно размещенную по территории страны, обеспечивая тесный контакт с поселениями сельского типа в экономическом и социальном отношении. Из 212 городских поселений Беларуси к категории малых относится 171 поселение. Наибольшее количество малых городов приходится на Витебскую (40) и Минскую (35) области, а наименьшее – на Брестскую (21) и Могилевскую

(20) области [8]. Однако регионы Беларуси различаются по площади территории, что необходимо учитывать при характеристике размещения малых городских поселений. Более наглядное представление о территориальной дифференциации малых городов дает показатель густоты поселений. Наибольшей густотой малых городских поселений отличается Витебская область, где на одно малое городское поселение приходится 954,8 км² территории региона, при среднем по республике показателе 1243 км² [Табл. 1]. Наиболее редкой сетью поселений отличается Брестская (1 поселение/1561 км²) и Гомельская (1 поселение/1423 км²) области.

Таблица 1
Распределение малых городских поселений Беларуси

Область	Доля городов, %			Доля малых городских поселений в общем числе городов, %	Средняя людность малых городских поселений, тыс. чел.	Густота малых городских поселений, 1 поселение/км ²
	Население, тыс. чел.					
	до 5	5-10	10-20			
Брестская	2,4	3,1	13,8	18,8	8,1	1561,9
Витебская	5	10,1	12,0	23,4	5,9	954,8
Гомельская	3,3	6,1	8,0	17,4	6,6	1442,9
Гродненская	3,3	10,2	9,9	14,8	7	1000
Минская (без г. Минска)	4,9	8,4	18,8	32,1	7,8	1218,2
Могилевская	1,1	7,5	12,1	20,1	9,9	1218,2
РБ	3,8	7,4	12,2	22,9	7,3	12

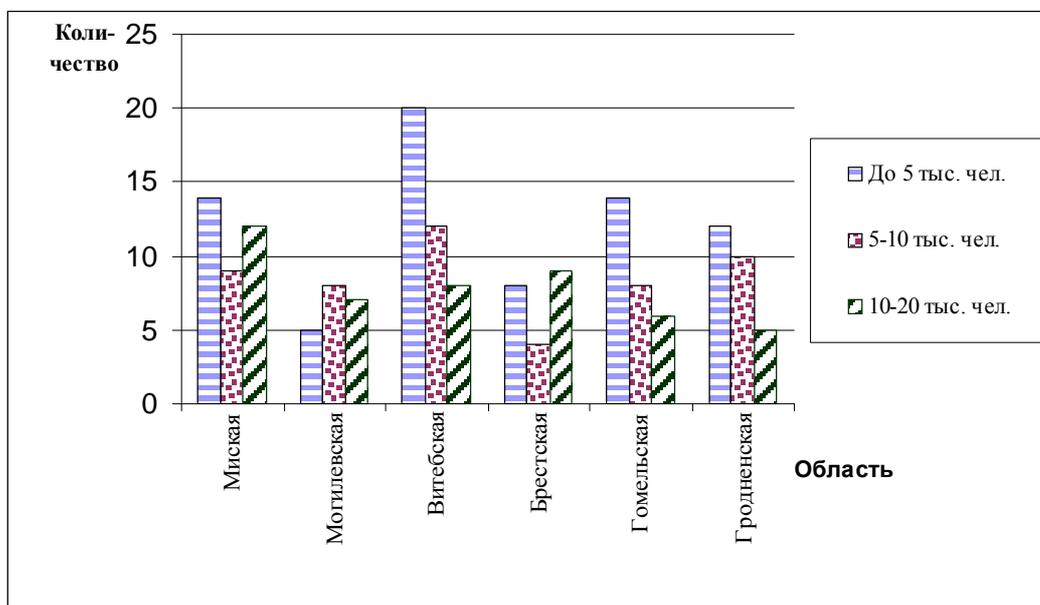
Источник: рассчитана автором на основании [5].

Сеть малых городских поселений республики структурно неоднородна. Малые города отличаются по своему функциональному назначению, административному статусу, по месту и роли в системе расселения, по людности. Все регионы Беларуси, за исключением Могилевской и Брестской областей, характеризуются абсолютным преобладанием малых городских поселений с численностью населения менее 5 тысяч человек (Рис.1). Недостаточный уровень развития градообразующей базы и сферы обслуживания во многих из них затрудняет выполнение ими функций местных центров, снижает престижность этих городов для проживания людей. В результате, в данной категории поселений, проживает 3,3% всех горожан страны, или 14,5% жителей малых городов.

В настоящее время в малых городских поселениях проживает пятая часть городского населения, а средняя величина малого города

составляет 7,3 тысяч человек. Наибольшей долей малых городов по численности населения в общем числе горожан региона характеризуются Витебская и Могилевская области. В Могилевской области, несмотря на незначительное количество, малые города отличаются большей людностью. Так, если в Витебской области их средняя людность составляет 5,9 тысяч человек, то в Могилевской – 9,9 тысяч человек [Табл.1].

В последние годы во всех регионах Беларуси, за исключением Брестской области, наблюдается устойчивая тенденция уменьшения численности населения в малых городах. Среднее изменение в численности населения за 1992–2002 годы в целом по республике составило – 3,1%. Критическая ситуация сложилась в Витебской области, где население малых городов за исследуемый период уменьшилось на 7%, что можно объяснить значительной концентрацией

Источник: составлен автором на основании [5].

Рисунок 1. Распределение малых городских поселений по регионам Республики Беларусь

промышленного производства в этом регионе, преобладанием малых городских поселений с числом проживающих менее 5 тысяч человек. Напряженное состояние экономики, спад в промышленности региона, непредсказуемость многих социально-экономических и процессов отрицательно отразились на развитии, в первую очередь этих городов, так как они в большей степени, чем остальные малые города подвержены риску резкого углубления кризисных процессов в экономике. Это связано с их отраслевой структурой и специализацией. В таких поселениях местная экономика держится на работе одного или двух производственных предприятий, главным образом традиционных для Беларуси отраслей – пищевой, легкой и топливной (рп Осинторф, гп Антополь, гп Сураж и др.). Остановка одного небольшого предприятия будет иметь значительные негативные последствия для большей части его жителей на многие годы. Значительное уменьшение населения в малых городах Гомельской (-4,7%) и Могилевской областей (-4,4%) можно объяснить высоким уровнем радиационного загрязнения. В течение последних десяти лет основной мерой государственной политики в области радиационной защиты населения, оказавшегося в зоне радиационного загрязнения, являлось отселение людей. Территориальный анализ показывает, что находящиеся на загрязненных территориях поселения под-

верглись более интенсивным демографическим процессам и более негативным их проявлениям [4]. Миграционный отток населения, диспропорции возрастной, профессиональной и семейной структуры, социально-экономическая нестабильность и множество бытовых, психологических проблем затрудняют развитие малых городов, расположенных в пределах загрязненной территории. В Минской области отрицательная динамика численности населения малых городов (-3,8) возможно, в какой-то мере объясняется доминирующим влиянием столицы, где уровень жизни населения самый высокий в республике. Положительный прирост населения наблюдается лишь в Брестской области (+0,6%). Относительно небольшой отток населения из малых городов отмечается в Гродненской области. Данную ситуацию можно объяснить географическим положением, особенностью систем расселения, сравнительно высоким уровнем развития в этих регионах сельскохозяйственного производства. В настоящее время негативные тенденции в развитии малых городов продолжают нарастать, что может привести к социально-экономической деградации отдельных поселений.

Относительную концентрацию населения, проживающего в малых городах белорусских регионов, можно проанализировать при помощи индекса сходства, который, в свою очередь,

основан на расчете коэффициентов локализации [Табл.2]. Коэффициенты локализации можно применить для сравнения численности населения малых городских поселений с долей всего городского населения, проживающего в определенном регионе. Если в Брестской области по данным последней переписи населения, проживает 902,2 тысячи горожан (17,1% от общей численности регионов, за исключением

города Минска), а в малых городах 170 тысяч человек (14% от общего числа населения малых городов), то очевидно явление концентрации. Эта концентрация выражается соотношением: $17,1/14=1,2$. Числовые значения коэффициента локализации, превышающие единицу свидетельствуют о избытке явления, тогда как значения ниже единицы говорят о недостатке явления.

Таблица 2.

**Коэффициенты локализации и индекс сходства:
распределение всего городского населения и населения,
проживающего в малых городских поселениях**

	Области					
	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская
Доля в общей численности горожан, %	17,1	17,5	19,9	14	15,3	16,2
Доля горожан, проживающих в малых городах, %	14,0	20,6	15,1	14,4	21,3	14,6
Коэффициенты локализации	1,2	0,80	1,3	0,97	0,70	1,1
Разность, d	-3,1	+3,1	-4,8	+0,4	+6	-1,6

Источник: составлен автором на основании [5].

Индекс сходства – более общий показатель по сравнению с коэффициентами локализации. Он не измеряет индивидуальные особенности каждого региона, а характеризует изучаемую территорию как единое целое. Используются те же данные, которые применялись для подсчета коэффициентов локализации, но теперь вычисления ведутся по формуле:

$$I_{\text{сходства}} = 1 - \frac{\sum d}{100},$$

где d – разность соответствующих элементов в двух совокупностях данных (берутся только положительные или только отрицательные разности, так как сумма тех и других будет одинаковой) [9].

В таблице 2 сопоставлены шесть регионов Беларуси по их доле в общей численности горожан и по доле в численности населения проживающего в малых городских поселениях республики. Там же показаны положительные и отрицательные разности, у которых $\sum d$, то

есть сумма числовых значений с одинаковым знаком составляет 9,5. Иначе говоря, доля горожан, проживающих в малых городских поселениях Витебской, Минской и Гродненской областей превосходит долю городского населения регионов на 9,5%. Эта цифра затем делится на сто и вычитается из единицы, после чего получается индекс сходства 0,91. Чем меньше индекс, тем больше несходство между двумя совокупностями данных.

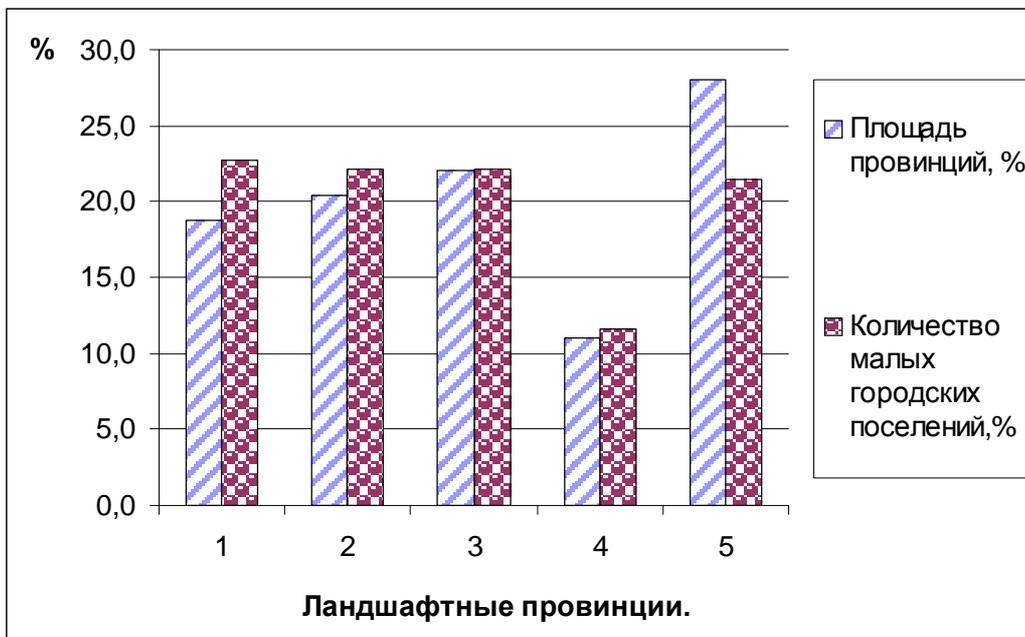
Особенности размещения, динамики людности, региональные диспропорции в развитии малых городских поселений в основном обусловлены причинами экономического и социального характера, а также влиянием исторического фактора, географическим положением отдельных поселений [11]. На основе указанных факторов определяются цели и задачи, разрабатываются и обосновываются главные направления и приоритеты, важнейшие целевые параметры социально-экономического развития малых городских поселений. Вместе с тем при прогнозировании развития малых городов целесообразно

учитывать и влияние природных факторов, в особенности ландшафтного строения территории. Исследователями установлено существенное влияние ландшафтного строения на размещение, густоту, людность сельских поселений [3]. Влияние ландшафтного разнообразия на социально-экономическое развитие малых городов менее заметно. Отсутствие значительных территориальных различий в климатических условиях, рельефе не создает больших сложностей в строительстве, производстве и транспортировке продукции. Однако в отдельных ландшафтных провинциях малые городские поселения существенно различаются по людности и густоте, имеют отличия в качестве среды обитания, что требует дифференцированного подхода к финансированию социальной сферы, обслуживанию населения, строительству транспортных коммуникаций.

Территориальный анализ распределения малых городских поселений Беларуси по ландшафтным провинциям подтверждает наличие частичной зависимости между размещением малых городских поселений и ландшафтным строением территории. Во всех ландшафтных провинциях, за исключением Восточно-Белорусской провинции вторичноморенных и лессовых ландшафтов, насчитывается примерно равное количество малых городских поселений [5]. В Восточно-Белорусской провинции вторичноморенных и лессовых ландшафтов – всего 20 малых городских поселений (11,6% от их общего количества), что объясняется небольшим размером территории (11% от общей площади регионов). Максимальной густотой малых поселений отличается Поозерская провинция озерно-ледниковых, моренно-озерных и холмисто-моренно-озерных ландшафтов, где на одно поселение приходится 1000 км территории, минимальной – Полесская провинция аллювиальных террасированных болотных и вторичных водно-ледниковых ландшафтов (1 поселение/1600 км). В трех остальных природных регионах в среднем на одно поселение приходится 1100 км территории. Наибольшую людность имеют малые города Восточно-Белорусской провинции вторичноморенных и лессовых ландшафтов (9500 человек) и Полесская провинция аллювиальных террасированных болотных и вторичных водно-ледниковых ландшафтов (7500 человек), минимальную – Поозерская провинция озерно-ледниковых, моренно-озерных и холмисто-моренно-озерных ландшафтов – 6100 человек (рис.2). Зависимость размещения малых го-

родских поселений от особенностей ландшафтного строения территории наиболее проявляется в пределах Поозерской и Полесской провинций. Малые городские поселения Поозерской провинции озерно-ледниковых, моренно-озерных и холмисто-моренно-озерных ландшафтов наиболее многочисленны, в их структуре преобладают города с населением до 5 тысяч человек, и они расположены на достаточно близком расстоянии. Однако средняя людность у них минимальная. В Полесской провинции аллювиальных террасированных болотных и вторичных водно-ледниковых ландшафтов малые города расположены на значительном удалении, преобладают более крупные поселения. Отмеченные особенности объясняются различными природно-географическими условиями юга и севера Беларуси, что отразилось на системе расселения и характере поселений. По сравнению с другими природными регионами, ландшафты в Поозерской провинции отличаются большим разнообразием и контрастностью. Здесь соседствуют ПТК как с плоским, так и с крупнохолмисто-грядовым рельефом. Разнообразие геоморфологических форм, особенности ландшафтов способствовали формированию более компактных, меньших по людности городских поселений. В Полесской ландшафтной провинции доминируют плосковолнистые, волнистые и плоские ландшафты. Особенностью доминант является слабая дренированность территории, что ведет к широкому распространению в регионе заболоченных почв [6]. Все это не способствует формированию густой сети населенных мест как сельских, так и малых городских поселений. В Полесской ландшафтной провинции своеобразие ландшафтного строения территории способствовало формированию более крупных поселений.

Отмеченные выше особенности расположения малых городов, различия в динамике их социально-экономического, демографического, развития необходимо учитывать при составлении программ и прогнозов, направленных на активизацию их экономических функций, усиление роли в региональных системах расселения. В регионах с определенной сельскохозяйственной специализацией (Брестская и Гродненская) малые городские поселения целесообразно развивать как агропромышленные центры прилегающих сельских территорий, отдельные поселения Могилевской и Гомельской областей как местные промышленные центры. В малых городах Минской области необходимо боль-

Источник: составлен автором на основании [10].

1. Поозерская провинция озерно-ледниковых, маренно-озерных и холмисто-моренно-озерных ландшафтов.
2. Белорусская возвышенная провинция холмисто-моренно-эрозионных и вторично-моренных ландшафтов.
3. Предполеская провинция вторично-ледниковых и моренно-зандровых ландшафтов.
4. Восточно-Белорусская провинция вторично-моренных и лессовых ландшафтов.
5. Полеская провинция аллювиальных террасированных болотных и вторичных водно-ледниковых ландшафтов.

Рисунок 2. Соотношение площади ландшафтных провинций и количества малых городских поселений

ше внимание уделять развитию социальной инфраструктуры, созданию предприятий негосударственных форм собственности. Наименее благоприятные условия для своего дальнейшего развития имеют малые поселения, расположенные в пределах особого региона (часть территории Гомельской и Могилевской областей). В этих поселениях в ближайшие годы сохранится неблагоприятная социально-экономическая, демографическая обстановка, отдельные из них могут перейти в ранг сельских населенных пунктов. Сложная социально-экономическая ситуация сложилась и в малых городах Витебской области, которые в современных условиях в наибольшей степени подвержены кризисным процессам из-за монопрофильности экономической базы. Значительную угрозу для разви-

тия отдельных малых поселений представляет близость крупных региональных центров.

Малые городские поселения на современном этапе являются важнейшим структурным звеном региональных систем расселения. И в данной ситуации, несмотря на существование множества проблем в развитии их экономики, нельзя ставить вопрос о том, быть или не быть этим городам. Малые городские поселения возникли в результате действия ряда объективных факторов, их организующие функции формировались в течение довольно длительного периода времени и вопрос здесь лишь в том, как развивать эти города и улучшить условия жизни населения. Поэтому общим условием развития городов данного типа, на наш взгляд, является усиление внимания к ним со стороны научных и планирующих организаций.

Литература:

1. Вишневский А.Г., Зайончковская Ж.А., Пивоваров Ю.Л. // Региональное расселение в СССР. – М.: Просвещение, 1984. С. 51.
  2. Государственная схема комплексной территориальной организации Республики Беларусь. – Мн.: БелНИИП градостроительства, 1983. С. 6.
  3. Клицунова Н.К. Ландшафтный анализ территории района для целей сельскохозяйственной планировки (На примере группы районов Витебской области): Автореф. Дис. ... канд. геогр. наук: 11. 06. 09. / БГУ. – Минск, 1971. – 23 с.
  4. Кононович И.С. // Региональное и городское планирование. – Мн.: Минсктиппроект, 1998. С. 91.
  5. Ландшафтная карта Белорусской ССР. – М.: ГУГК, 1984.
  6. Ландшафты Белоруссии. – Мн.: Университетское, 1989. С. 114,180.
  7. Прогнозирование социально-экономического развития Республики Беларусь: вопросы теории и методики. – Мн.: НИЭИ Минэкономки РБ, 2001. С. 267.
  8. Регионы Беларуси. Статистический ежегодник. – Мн.: Статиздат Мистата РБ, 2002. С. 37,38,137 – 139,241 – 243,343,344,503 – 505,609,610.
  9. Тойн П., Ньюби П. Методы географических исследований. – М.: Прогресс, 1977. Вып.1. С. 162,172.
  10. Фатеев В.С. Исследование уровня и эффективности территориальной концентрации производства в отраслях промышленности Белорусского экономического района: Автореф. Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.04. / АН БССР. – Минск, 1985. – 22 с.
  11. Чижевская Ж.А. Историко-географические особенности развития малых городских поселений // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 2. 2004. №1. С. 82–87.
-

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

З. А. Атаев (Рязань)

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЛОКАЛЬНЫХ СИСТЕМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СНАБЖЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА РОССИИ

Atayev Z.A.

ECO-ECONOMIC ASSESSMENT OF LOCAL SYSTEMS OF ENERGY SUPPLY IN THE CENTRAL ECONOMIC REGION OF RUSSIA

In the article the author dwells on ecological situation in the central region of Russia to facilitate decision-making on regional organization of local systems of power supply. Power plants on renewable energy sources differ widely from fuel energy ones in the spectrum of negative influence on, and relatively smaller scale of deformation of the environment. From the point of view of eco-economic assessment, it has been concluded that local systems of power supply on renewable energy sources proved to be more effective.

Топливо-энергетический комплекс занимает одно из ведущих мест среди источников загрязнения окружающей среды. В России на долю ТЭК приходится 48% загрязняющих выбросов в атмосферу, 23% всех видов загрязнения сточных вод, 22% вредных отходов от общепромышленных отходов, до 70% выбросов парниковых газов (2002 г.) [48.С.5]. Прослеживается и подтверждается прямая связь между степенью концентрации потенциала энергетики и уровнем экологической напряженности регионов страны. Ограниченная экологическая емкость староосвоенной территории ЦЭР России, выступает фактором, лимитирующим «большую» энергетику и одновременно стимулирует развитие энергетики на основе возобновляемых источников энергии (ВИЭ). По-

этому при разработке и реализации региональных программ масштабного освоения ВИЭ, территориальной организации локальной энергетики и систем энергоснабжения, значимо выявить степень региональной дифференциации экологической ситуации.

Согласно действующему федеральному закону России «Об охране окружающей природной среды» (1991 г.), выделено два вида предельного уровня территориальной оценки остроты экологической ситуации: зона чрезвычайной ситуации и зона экологического бедствия. Чрезвычайная ситуация присуща участкам территории, где в результате антропогенного воздействия происходят устойчивые отрицательные изменения окружающей среды, угрожающие здоровью населения, состоянию естественных

экосистем, генофонду флоры-фауны (ст. 58). Участки территории, где в результате антропогенного воздействия уже произошли необратимые отрицательные изменения окружающей среды, повлекшие за собой существенное ухудшение здоровья населения, нарушение природоохранного равновесия, разрушение естественных экосистем, деградацию флоры-фауны, признаются зоной экологического бедствия (ст. 59) [35. С.351–356]. Таким образом, зона чрезвычайной ситуации рассматривается как «надвигающаяся угроза» и соответствует территориям с ситуацией острого экологического кризиса. Зона бедствия присуща участкам территории с ситуацией катастрофы и рассматривается как «свершившееся экологическое бедствие».

Методика комплексной оценки экологических ситуаций в России и их картографирования разработана в Институте географии РАН (ИГ РАН), изложена в ряде работ [16; 18; 28; 32; 38]. По оценкам специалистов ИГ РАН, в староосвоенных регионах доминирует конфликтная и напряженная экологическая ситуация [38.С.58]. Ареалы с относительно удовлетворительными экологическими показателями занимают только 15% от площади ЦЭР России и расположены в ее северо-западной и северо-восточной части (Тверская и Костромская область). Ареалы с конфликтными ситуациями охватывают 30% площади и характерны в восточной части района, в пределах Ярославской, Ивановской, Владимирской, Рязанской области. Территории с напряженной экологической обстановкой, занимающие 30% площади, приурочены к областям с высоким уровнем хозяйственного освоения. Это центральные и юго-западные части района, крупные промышленные и областные центры.

Кризисные экологические ситуации распространены на 23% площади района и приурочены к центральной и южной ее части, т.е. территориям наиболее давнего и интенсивного хозяйственного освоения. Катастрофическое состояние экологической ситуации признано на части Брянской области (2% площади района), что связано с последствием радиоактивного заражения после Чернобыльской аварии. Таким образом, суммарно почти 25% территории ЦЭР России, может быть отнесено к категории зон чрезвычайной экологической ситуации и экологического бедствия. Прогнозная оценка экспертов ИГ РАН позволила прийти к выводу, что на период до 2010 г. степень

остроты экологических проблем и площадь их охвата в пределах ЦЭР России будет увеличиваться [17. С.202–210].

Представленное выше экологическое районирование может быть принято основой для экологического обоснования территориальной организации локальной энергетики, выбора ресурсной базы энергетического обеспечения, что предопределяет необходимость экологической экспертизы содержания различных схем сельского энергообеспечения.

В случае использования энергоустановок на основе ВИЭ ресурсной базой выступают потоки энергии, объективно существующие в природе. Из них доля технически преобразуемой энергии от общего потенциала незначительна (менее 10%). Следовательно, потери при утилизации энергии так же, как и тепловой сброс в среду, почти не выражен. По этой же причине минимальны иные виды негативного воздействия на среду, что зачастую создает ложное мнение об абсолютной экологической «чистоте» энергоустановок на основе ВИЭ (ЭВИЭ). Этот вопрос является дискуссионным. В частности, Б.М. Берковский, В.Б. Козлов [44], В.И. Виссарионов, А.А. Золотов [43], Н.И. Коронкевич [13–14], Ю.С. Васильев, Н.И. Христанов [6], П. Ревелль, Ч. Ревелль [36] и другие считают, что определенный вид негативного влияния имеет место. Особо выделяют аспект сложности прогнозирования последствий использования возобновляемой энергетики в течение длительного периода, что определяет практическую значимость историко-географического раздела исследований.

Ученые сходятся во мнение по поводу принципиального отличия спектра негативного влияния ЭВИЭ, сравнительно с «классическими» представлениями в системной энергетике. Совпадают и оценки специалистов об относительно меньших масштабах деформации окружающей среды. Поэтому, значимы результаты современных исследований экологического воздействия при эксплуатации энергоустановок на основе возобновляемых источников энергии. В Испании, ассоциацией производителей возобновляемой энергии, совместно с рядом энергетических институтов и организаций, были проведены исследования на предмет количественной оценки «экологичности» генерации электроэнергии от различных энергоносителей (1990-е годы). Расчеты проводились с учетом всех технологических операций энергопроизводства на 1 кВт · ч. (табл. 1).

Таблица 1
Штрафной экологический балл
для различных способов генерации
электричества

Топливо / технология	Штрафной экологический балл
Бурый уголь	1735
Нефтяное топливо	1398
Каменный уголь	1356
Ядерное топливо	672
Природный газ	267
Ветер	65
Малые-ГЭС	5

Использован фрагмент таблицы 1 из [9.С.9].

Анализ таблицы свидетельствует, что технология генерации электроэнергии на основе ресурсов ВИЭ имеет неоспоримые природосберегающие преимущества. Возобновляемые источники энергии в целом в 31 раз «чище» методов сжигания ископаемого топлива. По сумме штрафных экологических баллов эксплуатация ветроэнергоустановок признана предпочтительнее процессу сжигания бурого угля в 27 раз, нефтепродуктов – 22 раза, каменного угля – 21 раз, ядерного энергопроизводства – 10 раз, природного газа – более 4 раз. Малые-ГЭС экологически «чище» процесса сжигания бурого угля в 347 раз, нефтепродуктов – 280 раз, каменного угля – 271 раз, ядерного топлива – 135 раз, природного газа – 53 раз. Рассмотренный параметрический ряд свидетельствует о преимуществах масштабного освоения ресурсов ВИЭ по показателю экологической эмиссии (с учетом полного технологического цикла производства электроэнергии).

Поэтому в цене генерации электроэнергии должен быть заложен реальный экологический аргумент, выраженный в финансовых терминах. Заявленная себестоимость производства на «больших» электростанциях России, далеко не в полной мере учитывает экологическую составляющую затрат. Таким образом, создается несколько ложное мнение об экономической нецелесообразности развития малой возобновляемой энергетики. И, как правило, экономическая составляющая аргументации, наиболее часто звучит в тематических публикациях, в ущерб эколого-экономическому подходу. В результате, только малозаселенные территории с экстремальными природно-климатическими условиями, признаются выгодными для развития возобновляемой энергетики (Крайний Се-

вер, Дальний Восток и т.д.). В случае полного учета экологической ситуации староосвоенных регионов страны и содержательного изменения Налогового кодекса, может значительно видоизменится само понятие экономической эффективности «традиционной» энергетики. Тем более такой подход актуален с точки зрения ожидаемой, масштабной «угольной» стратегии электростанций в Европейской части страны. Поэтому необходимо подробно рассмотреть экологические аспекты эксплуатации разных энергетических установок на основе возобновляемых источников энергии.

Экологические аспекты эксплуатации ветроэнергоустановок. Типоразмерный ряд ВЭУ, технически целесообразный для использования на территории Центрального экономического района России, составляет мощностной диапазон от 0.1 до 10.0 кВт. К экологически негативному воздействию ВЭУ обычно относят: влияние на орнитофауну; создаваемые шумы; генерацию электромагнитных волн выше допустимых норм, снижающих качество приема телерадиопрограмм в ближайшей местности; вероятность создания помех на автомобильных трассах и воздушных линиях авиации; вероятность электрической опасности для обслуживающего персонала и блокировку участков земли. К вспомогательным сооружениям ВЭУ, которые могут нанести вред окружающей среде, относят масляные емкости модуля. Некоторые зарубежные специалисты недостатком ВЭУ также считают сомнительную видовую эстетику на фоне окружающего пейзажа [11.С.110; 36.С.196]. Однако сами отмечают, что не менее сомнительна гармоничность вида привычных промышленных объектов. В развитых странах, для эстетической гармонизации под «местность», совершенствуется конструктивный и видовой дизайн ВЭУ.

Без сомнения, негативное влияние на ихтиофауну относится к одному из значимых аспектов использования ветроэнергоустановок. Исследованию этих вопросов уделяется большое внимание в странах с развитой ветроэнергетикой. Место монтажа ВЭУ зачастую совпадает с локальными зонами миграции или сезонного местообитания большого количества птиц. Это насыщенные по ресурсам энергии ветра территории у морских побережий, озер, в дельтах рек и т.д. Нейтрализация возможных негативных последствий может быть достигнута путем проведения тщательной экологической экспертизы проекта и места пред-

полагаемого монтажа ВЭУ. Проводятся консультации в региональных комитетах охраны природы и т.д. Эти меры позволят полностью исключить практику их сооружения на пути массовой миграции и местообитания птиц. Результаты специальных исследований в Дании свидетельствуют, что пагубность соседства ветроэнергоустановок и птиц зачастую преувеличена. Например, из расчета на 1 км группы крупных объектов ветроэнергетики вдоль морского побережья и гнездовья (h мачты $\geq 20-30$ м), ВЭУ не более опасны для птиц, чем автостреды и линии электропередач [5. С.4]. К тому же, применительно к ЦЭР России, речь идет о возможности эксплуатации типоразмера ВЭУ малой мощности 1–10 кВт (h мачты $\sim 10-11$ м).

Согласно действующим в России санитарно-гигиеническим нормам, предельно допустимый уровень шумового воздействия на человеческий организм ограничен в 50–70 децибел (дБ) на территории жилой застройки и до 110 дБ на рабочем месте [40. С.44–46; 41. С.3–4]. Болевые ощущения у человека возникают при 90 дБ, а пороговая выносливость ограничена в 130 дБ. Исследования звукового давления ветроэнергоустановок проводились на экспериментальной базе ветроэнергетики (ЭБВ, п. Дубки, республика Дагестан). Полученные результаты свидетельствуют о невысоком значении генерации механических и аэродинамических шумов при работе ветроэнергоустановки. Показатель для агрегатов мощностью до 100 кВт составляет примерно 50 дБ. В поселке гидростроителей, находящимся примерно на расстоянии 1 км от ЭБВ, шумовое давление «затухает» и не превышает уровень 6–10 дБ [45. С.109]. Таким образом, при эксплуатации ВЭУ малой мощности шумовое воздействие единичного агрегата значительно ниже нормативно предельных границ.

Проблема качественного приема телевизионных и радиовещательных программ технически разрешима с помощью обеспечения сектора разной направленности по отношению к районному ретранслятору. До монтажа ветроэнергоустановки в целях вывода генерируемых электромагнитных волн из диапазона частот вещания, проводятся консультации в местном управлении связи. Применяются и конструктивные меры по снижению уровня генерации электромагнитных волн. Например, положительные результаты дают эксперименты с ветровыми колесами энергоустановок изготовленными из стекловолокна [11. С.110].

Возможность создания ВЭУ помех на автомобильных трассах безосновательна. Недостаток можно полностью исключить из практики, не проектируя монтаж ВЭУ в непосредственной близости от магистралей. Вероятно, в этом плане большую опасность представляют сами линии электрических передач, линейно вытянутые вдоль транспортных коммуникаций. Эти же аргументы применимы и к случаю возможности создания проблем для авиации. При средней высоте мачт ВЭУ 10 м, агрегат представляет опасность только в случаях непосредственной близости от взлетной полосы. Монтаж ветроэнергоустановок в непосредственной близости от взлетно-посадочной зоны аэродрома категорически запрещен. Запрещена эксплуатация ВЭУ (как и любого высотного объекта) и в створе воздушного коридора аэродромов гражданской и военной авиации.

ВЭУ малой мощности является стандартным энергетическим модулем заводского исполнения. Соответственно, уровень электрического риска не должен быть выше, чем на любом ином энергетическом объекте. Инструкции по обслуживанию и обеспечению производственной безопасности отвечают стандартам, изложенным в общих правилах устройства и монтажа энергоустановок [30]. Вредное воздействие замасленных стоков характерно только для ВЭУ крупной мощности (свыше 100 кВт). Выбросы этих установок проходят полный цикл биологической защиты в септике и фильтрующих траншеях согласно СНиП 2.04. 03–85 «Качество воды». Указанные мероприятия не проводятся для установок малой мощности вследствие отсутствия эксплуатационной необходимости в сооружении емкостей маслохранилищ. Для малого класса ВЭУ техническая потребность в масле ограничена расходом до 12 кг в год. Монтаж такого агрегата не требует сведения зеленых насаждений и блокировки большой площади территории. Согласно паспортным данным и инструкциям по эксплуатации, максимальная площадь, необходимая для монтажа и установки растяжек ВЭУ единичной мощностью 4–8 кВт, не превышает 15×15 м [2–4].

Таким образом, анализ разноплановых последствий эксплуатации ВЭУ малой мощности позволяет говорить о минимальном уровне негативного влияния на среду. В качестве позитивных аспектов воздействия ВЭУ на природу можно назвать эффект снижения

скорости ветра, уменьшающий ветровую эрозию почв. Не менее значимо благотворное влияние снижения скорости ветра с акваторий водоемов для сохранения береговой линии и улучшения микроклимата территории.

Экологические аспекты эксплуатации объектов малой гидроэнергетики (МГЭ). Для гидроэлектростанций характерен свой специфичный спектр негативного влияния на среду, включающий: затопление земель, их засоление и изъятие из сельскохозяйственного оборота; развитие береговой и почвенной эрозии; заиление дна водохранилищ и развитие процессов евтрофирования; неправомерное снижение режима водности рек, изменение уровня грунтовых вод и связанное с этим нарушение экологического равновесия и др.

Совокупная стоимостная оценка мер по ликвидации вышеназванных последствий имеет конкретное экономическое выражение, величина которой, может быть выше суммарного эффекта от строительства и эксплуатации гидроэнергетического объекта. Эти обстоятельства в России привели к отказу от практики сооружения мощных гидроэлектростанций с крупными водохранилищами на равнинных реках Европейской части страны. Еще в 1921 г. Г.М. Кржижановский предостерегал от ошибочного мнения о гидравлической энергии как о «даровом» ресурсе и предупреждал: «Приступить к их сооружению (т.е. гидроэлектростанций, прим. автора) поэтому следует с большой осторожностью, тщательно взвешивая каждый раз условия места и времени» [19. С.207].

Применительно к объектам малой гидроэнергетики вышперечисленный диапазон негативного воздействия на среду имеет место. Вместе с тем масштабы этого влияния несравненно ниже, а технические возможности нейтрализации их последствий на порядок выше. Например, это объекты МГЭ деривационного типа, где нет необходимости строить плотины, или они сооружаются переливного типа. О возможностях минимизации нежелательных последствий эксплуатации гидроэнергетических станций свидетельствует и исторический опыт эксплуатации гидроэнергетического потенциала в ЦЭР России, рассмотренный на примере Рязанской области.

Временной цикл хозяйственного использования гидравлической энергии Рязанской области составляет более 300 лет (XVII–XX вв.), в течение которого наблюдается преобладание «привязки» водяных мельниц, а затем

малых-ГЭС к определенным створам. Подпор воды, созданный гидроузлом, стоявшим выше по течению, достигал нижестоящего водохранилища. Объекты сооружались последовательно по течению реки, образуя каскады мелких водохранилищ различного назначения (шлюзовые, мельничные, гидроэнергетические, мелиоративные, оросительные и др.). В практике их строительства прослеживается и преобладание технических решений, направленных на учет экологических факторов и одновременно оптимизацию интересов различных водопользователей (сельского, рыбного и коммунального хозяйства, энергетики, судоходства, мелиорации и др.).

Исторически при строительстве гидроузлов различного назначения именно паводковый режим рек учитывался как основной, экологически лимитирующий фактор. В среднем по региону высота весенних паводков достигает 3–5 м, напор плотин мельниц и объектов малой гидроэнергетики не превышал эту величину. Например, гидротехнические сооружения на реке Проня обеспечивали «подъем» воды в пределах 3,5 м. Даже на самой мощной в области Рассыпухинской малой-ГЭС, подпор плотины не превышал величину в 4,2 м. (Сасовский район, р. Мокша, 2 МВт) [23.Л.7; 27.Л.52]. В результате водохранилища не выходили за пределы естественных границ долин естественных водотоков. Соответственно затопление земель не происходило или было минимальным. В свою очередь, периодичность аккумуляции воды и ее частая смена при «сработке» гидроузла, способствовали повышению уровня грунтовых вод в летний период, и тем самым создавались благоприятные условия для роста продуктивности луговой флоры пойменных пастбищ. В результате улучшалась кормовая база животноводства и микроклимат прилегающих к реке территорий.

Во время весеннего половодья водоспуски предварительно разбирались, все гидротехнические сооружения оказывались под водой. Именно по такому принципу эксплуатировались водяные мельницы, а впоследствии и объекты малой гидроэнергетики. Применялись и другие технические решения. Например, на Кузьминской малой-ГЭС в Рыбновском районе (р. Ока, 1 МВт), плотина имела решетчатую структуру, которая в половодье опускалась на дно по принципу «гармошки», а после прохождения паводковых вод разворачивалась тросом и крепилась на берегу [26. Л.15–18].

Принятое техническое решение обеспечивало естественную промывку русла полыми водами, самоочищение водоема от бактериологического загрязнения, свободный проход рыб на весенний нерест. В результате предотвращалось заиливание дна гидроузла, затопление ценных пойменных лугов происходило только на «период большой воды», т.е. по естественно-природному циклу. Ситуация одновременно способствовала снижению абразии берегов.

Режим регулирования речного стока на гидроузлах области не превышал суточный и недельный цикл. Сезонный график регулирования вообще не использовался. При эксплуатации водяных мельниц вечером и ночью осуществлялась аккумуляция воды в водохранилище, а днем «сработка» гидроузла и помол зерна. В период массового использования малых гидростанций режим с некоторыми изменениями сохранялся. Ночью, в пик провала электрической нагрузки, происходило наполнение гидроузла, а днем и вечером его «сработка» и выработка электроэнергии. Качество воды в реке не снижалось, что объясняется по целому комплексу взаимосвязанных и объективных по содержанию причин:

- с созданием искусственного водоема закономерно увеличивается его глубина, соответственно увеличивается объем содержания кислорода прямо пропорционально величине повышения объема воды;

- со строительством подпорного сооружения увеличивается кислородный обмен в водоеме за счет повышения общей площади водохранилища и увеличения скорости перемещения воздушного потока над водной поверхностью (ветер), поскольку уменьшается защищенность гидроузла берегами (на порядок подъема уровня воды в водохранилище);

- каскадная эксплуатация водноэнергетических ресурсов рек, с последовательной и синхронизированной по времени «сработкой» водохранилищ по течению реки, обеспечивает частую смену водных масс и их градиентное перемешивание и, как следствие, способствует лучшей аэрации водоема, предотвращает накопление органики на дне водоема, препятствует зарастанию гидроузла сине-зелеными водорослями (циано-бактериями) и, соответственно, предотвращает интенсивное развитие связанных с этим процессов евтрофирования;

- мероприятия по посадке древесно-кустарниковых насаждений на берегах рек, особенно вдоль гидроузлов, способствуют естественной

очистке талых и дождевых вод, сбегających в русло (водохранилище), что значительно снижает размыв береговой линии и водную эрозию почв.

Суммарный эффект перечисленных изменений в кислородном режиме водоема создавал благоприятные условия для развития богатой ихтиофауны, а в ближайших местностях предпосылки для масштабного прудового рыбозаведения и рыбного промысла. Принятая каскадная структура эксплуатации гидроузлов выполняла еще одну, важную с экологической точки зрения функцию. В результате создания регулирующих емкостей воды, увеличивался ее расход в межень, что происходило из-за перераспределения стока в суточном, недельном, иногда месячном разрезе ниже створа воздвигнутой плотины. В конечном итоге это способствовало увеличению общей водности рек в годовом балансе, его равномерному поддержанию по сезонам, т.е. речь идет об оптимизированной системе так называемого «малого регулирования» речного стока. В таких условиях постоянные водотоки Рязанской области функционировали более трех веков. За это время сформировался специфичный гидрологический режим и типологические ландшафты сопредельных территорий, а искусственные водоемы с течением времени трансформировались в природные объекты с характерной экосистемой и устоявшимся природным балансом.

Разрушение гидроузлов приводило к нарушению устоявшегося экологического равновесия территорий. Так, р. Гусь в 1923 г. рано «вскрылась» и буквально снесла плотину в поселке Гусь-Железный (Касимовский район). Искусственный водоем оз. Гусь, существовавший более 200 лет, обмелел и превратился в небольшой пруд, ставший очагом развития малярийного плазмодия. Из более 3.5 тыс. жителей поселка к началу 1940 г. малярией переболело около половины населения. Косвенные экономические потери в виде расходов на оплату больничных листов достигали ежегодно 1 млн. рублей. Одновременно исчез богатый рыбный промысел, ранее имевший широкое развитие. Официальные документы того времени свидетельствуют: «Тяжелым последствием прорыва плотины явился упадок рыбного хозяйства, которое при восстановлении старого озера могло бы обеспечить нужды не только Бельковского района (*ныне в составе Касимовского района, прим. авт.*), а явиться также большим подспорьем для области» [24. Л. 159, 170].

К аналогичным последствиям привел в 1930 г. необоснованный спуск гидроузла в с. Мердушь (Ермишинский район, р. Мердушь). С экологической точки зрения показателен и другой пример. В 1946 г. в районе местечка Брыкин-Бор, расположенный в заповедной зоне, планировалось сооружение малой ГЭС (Окский заповедник, Спасский район). У дирекции заповедника была запрошена экологическая экспертиза проекта. Ее результаты свидетельствовали об ухудшении состояния поймы р. Пра, вызванном разрушением ранее существовавшего гидроузла водяной мельницы, створ которой предполагалось использовать под строительство объекта малой гидроэнергетики: «Сооружение в этом створе водохранилища с гидроэлектростанцией восстановит ранее существовавший гидрологический режим реки и положительно отразится на обширных территориях и заповеднике» [25.Л.14–15].

Современное критическое состояние малых рек региона есть в том числе и результат разрушения системы малых гидроузлов. Об этом свидетельствуют исследования отечественных специалистов, опубликованные в [22], а также в работах С.Л. Вендрова [7], А.Б. Авякана, В.П. Салтанкина, В.А. Шарапова [1], Н.И. Коронкевича, Л.К. Малика [14; 15; 20; 21] и других. Н.И. Коронкевич указывает на необходимость компенсации потерь в устойчивом стоке, которые произошли в СССР в период разрушения русловых водохранилищ (1960–1970 гг.). Справедливо считая, что это, наряду с ростом объемов водозабора и загрязнением воды, является одной из главных причин обострения современных проблем малых рек и отмечает в этой связи необходимость возрождения системы «малога» регулирования рек: «Очевидно, что главным результатом гидротехнического регулирования стока для водного баланса является увеличение ресурсов устойчивого стока за счет неустойчивого, паводочного» [13. С.50].

Современное исследование этой проблемы в Рязанской области подтверждают справедливость вышеизложенной позиции и констатируют факт дальнейшего обострения экологических проблем малых рек. В частности, об этом свидетельствуют результаты исследований АОЗТ института «Рязаньагроводпроект», полученные при разработке региональной «Программы возрождения малых рек и других водных объектов Рязанской области» (1995 г.). Системный анализ проблемы позволил придти к выводу о критическом экологическом состоя-

нии малых рек [33]. В том числе и по параметру водности, где в качестве технических мер восстановления экологического равновесия рекомендуется возродить существовавшие русловые плотины и водохранилища [34.С.48–55]. К аналогичным выводам пришли специалисты НИИ ВИАЭСХ (Москва) (1994 г.) [31].

Следовательно, восстановление каскадного режима эксплуатации мелких водохранилищ и объектов малой гидроэнергетики является объективной экологической необходимостью. Согласно теории систем, малые реки являются дробными таксонами крупных водотоков. Присущие им проблемы прямо отражаются на состоянии рек высокого ранга в силу их значимости в водном балансе крупных рек Центральной России (р. Волга, Ока, Днепр, Дон и др.). В этом случае возрождение объектов МГЭ и гидроузлов на современной технической основе способствует решению не только энергетических, но и экологических проблем целых физико-географических стран и их провинций.

С учетом выше обозначенной позиции, эколого-экономическая оценка различных вариантов сельского энергоснабжения является сложной самостоятельной задачей. Подробное исследование и освещение этих аспектов выходит за рамки представленной работы, к тому же вопросы методологии определения стоимости природоохранных мер и компенсации нанесенного ущерба окружающей среде являются дискуссионными. Однако наиболее важные компоненты финансовой оценки в обобщенном виде могут быть выражены следующим уравнением (1 у.ед. = 1 доллару США):

$$\sum Z_{\text{экол.}} = Z_{\text{р.}} + Z_{\text{экол.}}, \quad (1)$$

где: $\sum Z_{\text{экол.}}$ – суммарные экологические затраты (у. ед./год);

$Z_{\text{р.}}$ – расходы, связанные с изъятием природных ресурсов из оборота в результате реализации проекта энергоснабжения (у. ед./год);

$Z_{\text{экол.}}$ – затраты, связанные с ликвидацией или компенсацией ущерба, нанесенного окружающей среде системой энергоснабжения.

Критериальным показателем для обоснованного выбора основы энергетической системы может быть принято следующее соответствие: $\sum Z_{\text{экол.}} - \min$, при $\Delta_{\text{экол.}} - \max$ (минимальные экологические затраты, при максимально возможном экологическом эффекте функционирования энергетической системы). Следовательно, необходимо провести системный анализ целевых расходов на природоохранные меры.

Затраты, связанные с изъятием природных ресурсов (Z_p), для ЭВИЭ практически равны нулю, т.к. монтаж ВЭУ не требует блокировки больших площадей земли. Для малых-ГЭС затопление земель находится в пределах естественных границ подтопления в весеннее половодье, т.е. рентные расходы на изъятие земли из хозяйственного оборота не выражены. Вследствие утилизации потоков энергии объективно существующих в природе отсутствуют и тепловые выбросы в атмосферу. Соответственно, помимо общих затрат на изъятие природных ресурсов (Z_p), условно аннулируется и расходная статья на ликвидацию или компенсацию ущерба, нанесенного окружающей среде ($Z_{экол.}$).

Для «классических» вариантов энергоснабжения обе составляющие затрат объединены (линии централизованных электропередач, малые-ГЭС). В таком виде расходы могут рассматриваться как суммарные по загрязнению среды и изъятию земельных участков. Последнее обстоятельство значимо только при сооружении стационарных энергетических сетей. При монтаже малых тепловых электростанций отсутствует необходимость блокировки значительных территорий, чаще всего они передвижного исполнения (на автомобильном шасси). Тогда показателем финансовой оценки объединенной расходной статьи принята величина налога за экологический ущерб от выработки энергии на основе ископаемого топлива. При этом необходимо учесть то обстоятельство, что финансовая составляющая экологического налога никак не отражается на потребителе в виде снижения величины отпускного тарифа.

Величина налога за экологический ущерб от производства электрической энергии на Рязанской ГРЭС была принята в форме снижения отпускного тарифа для Рязанской области на 8% (1993 г.) [47]. На наш взгляд, указанная процентная ставка в тарифе не объективна и не отражает ситуацию с необходимыми расходами на природоохранные мероприятия. В официальной статистике перестали публиковать данные о структуре затрат генерации электроэнергии. Это касается как отрасли и страны в целом, так и по регионам в частности. Например, укоренилась практика обобщения данных по отрасли, не выделяя показатели отдельно по электростанциям даже на уровне региона, что создает определенные трудности информационного характера. В Рязанской области средневзвешенная составляющая экологических затрат на генерацию 1 кВт · ч. электроэнергии

принята на уровне: 1998 г. – 0,6%, 1999 г. – 0,75%, 2000 г. – 0,35%. Очевидно, что представленная доля в себестоимости генерации электроэнергии не выражает фактически необходимые затраты на экологические платежи.

Реальные пропорции в структуре затрат на производство электроэнергии можно оценить косвенным путем. Так, структура топливно-энергетического баланса Рязанской ГРЭС состоит (2000 г.): на 45% из угля (27% подмосковный и 54% канско-ачинский бурый уголь), 50% из природного газа и 5% топочного мазута. Износ основных производственных фондов Рязанской ГРЭС в среднем составил 50,2%, причем угольные энергоблоки изношены на 87%, что намного превышает порог технологической безопасности (56%) [29. С.13–14]. Известно, что высокая доля низкосортного бурого угля существенно сказывается на себестоимости выработки энергии, т.к. значительно возрастают расходы на охрану природы.

Например, в штате Массачусетс и Нью-Йорк, приняли законодательное закрепление ограничений загрязнения атмосферы тепловыми электростанциями (1997 г.). Считается, что каждая «сбросовая» тонна диоксида серы, наносит вред окружающей среде в размере 17 тыс. у. ед, тонна оксида азота – 7,2 тыс. у. ед., а тонна диоксида углерода – 24 тыс. у. ед. [8. С.58]. В 2002 г. введены высокие экологические налоги в рамках общеевропейской природоохранной политики и в целях снижения выбросов парниковых газов [10. С.10–11]. Подобный подход полностью изменяет параметры понятия экономической эффективности в энергетике. Интересны в этом плане сравнительные сопоставления.

В результате работы Рязанской ГРЭС за 1996 г. в атмосферу сброшен следующий объем загрязняющих веществ: диоксида серы – 89184 тонн; оксида азота – 10484 тонн; диоксида углерода – 5160 (без учета сброса золы в объеме 20509 тонн). В сумме всех видов объем загрязняющих выбросов в атмосферу составил 125 398 тонн [42. С.75–76]. Если провести расчеты по стоимости 1% от оценки экологического налога в штате Массачусетс (США) целесообразность эксплуатации Рязанской ГРЭС вызывает сильные сомнения. Соответствующие показатели в финансовых показателях распределяются следующим образом: диоксида серы – 15,2 млн. у. ед.; оксида азота – 755 тыс. у. ед.; диоксида углерода – 1,2 млн. у. ед. Таким образом, суммарный экологический ущерб предприятия превышает

17,2 млн. у. ед. в год (без учета сброса объема золы). Согласно данным на 1999–2000 гг., на Рязанской ГРЭС произведено продукции на общую сумму 4 940 902 тыс. рублей [Там же. С.12]. Эта величина примерно эквивалентна 165 млн. у. ед. (из расчета курса 30 руб. = 1\$ США). Таким образом, экологический налог только по охране атмосферы превышает 10% в себестоимости суммарной продукции. С учетом усиления «угольной» ориентации энергетического объекта, расчетная величина выше минимум в два раза (20%).

Вероятно, можно признать, что не совсем корректны ссылки на законодательство США, или европейских стран и необходимо обратиться к отечественной правовой и нормативной базе. В России действуют «Базовые нормы платы за выбросы–сбросы загрязняющих веществ в окружающую природную среду и размещение отходов» (1993 г.). В соответствие с которым в ценах 1990 г., был определен удельный экономический ущерб от загрязнения среды (в пределах допустимого норматива выброса и лимита): в атмосферу примерно 3 у. ед. за условную тонну; в водные объекты – 443 у. ед. за условную тонну [35. С.287–289]. Тогда получается очень «удобная» в «топливной» энергетике цифра экологических платежей. Например, за загрязнение атмосферы всего около 400 тыс. у. ед. за 1996 г. для Рязанской ГРЭС (с учетом доли золы, но не учитывая иные виды загрязнения). Позже, условная величина 3 у. ед. за условную тонну пересматривалась по коэффициентам, без привязки к реальному соотношению уровня галопирующей инфляции к содержанию у. ед. в рублевом эквиваленте. Например, на начало 1993 г. был установлен коэффициент индексации экологической платы, равный 25. Тогда, платежи в диапазоне допустимых нормативов выбросов составляли: 825 рублей за у.т. золы углей, диоксида азота – 415 рублей / у.т. [Там же].

По состоянию на январь 1993 г. курс рубля к 1\$ США (у. ед.) составлял 572 рубля. Следовательно, плата за 1 условную тонну выбросов золы углей в атмосферу, реально соотносилась как примерно $\frac{1}{3}$ в содержании эквивалента к у. ед., т.к. доллар более стабильная валюта оценки нормативной величины платежей. Последующие темпы инфляции только неуклонно снижали рассматриваемый показатель. Поэтому неудивительно, что при снижении объема производства энергетики в ЦЭР России почти на 50% за 1990-е гг., не наблюдается адекватного

снижения загрязнения окружающей среды. В этом случае не действует принцип: «За загрязнение окружающей среды платит тот, кто загрязняет». На вооружение берется постулат: «Выгода / Риск». Как следствие, фактически наблюдается процесс «реинвестирования» финансовых средств, в виде оплаты самим населением лечения болезней от повышения уровня экологических рисков.

Анализ способов технологического контроля и стандартов по загрязняющим веществам в США и СССР, выявил поразительную разницу. В среднем, бывшие советские нормы были на 80% более строги [37. С.24–27]. На западе считают, что затраты на экологию независимо от структуры топлива потребления должны составлять долю минимум $\frac{1}{3}$ в себестоимости электроэнергии. Согласно экспертным оценкам специалистов Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР (1990 г.), на угольных электростанциях доля природоохранных затрат в себестоимости электроэнергии должна составлять до 15–20% на 1 кВт·ч. [46.С.333]. Следовательно, с учетом высокого износа фондов Рязанской ГРЭС растет удельный расход топлива на единицу выработки. Отсюда – 8% ставка налога за экологический ущерб от выработки энергии является субъективно сниженной и не отражает реальные экономические потери региона от загрязнения окружающей среды. Поэтому за основу принята усредненная величина в 20%, в дальнейшем учитываемый как контрольный показатель в финансовых (стоимостных) оценках и расчетах. В том числе и применительно к эксплуатации объектов малой тепловой энергетики (МТЭ).

Экологически негативные последствия эксплуатации объектов МТЭ (на удельный 1 кВт мощности), не отличаются от соответствующих показателей в «большой» энергетике. Вместе с тем, возможности их нейтрализации заметно осложняются, что является результатом «распыленного рисунка» пространственного размещения. В свою очередь, это требует «распыления» значительных финансовых средств, для последующей ликвидации многочисленных, локальных участков загрязнения. Соответственно, подставляя данные в уравнение (1), можно выразить типоразмер эколого-экономической оценки сопоставления различных вариантов энергетического снабжения с учетом воздействия на окружающую среду (на 1 кВт·ч. час):

А. – Энергоустановки на основе возобновляемых источников энергии (ЭВИЭ)

$$Z_p + Z_{\text{экол.}} = -20\% \text{ от себестоимости генерации } 1 \text{ кВт} \cdot \text{ч, при } \Delta_{\text{экол.}} = +20\%;$$

Б. – энергосистемы с топливным циклом производства энергии (ЛЭП, МТЭС)

$$Z_p + Z_{\text{экол.}} = +20\% \text{ к себестоимости генерации } 1 \text{ кВт} \cdot \text{ч, при } \Delta_{\text{экол.}} = -20\%.$$

В этом случае, возобновляемая энергетика характеризуется минимальным уровнем затрат на природоохранные мероприятия при максимальном экологическом эффекте, объективно влияющем на показатель себестоимости производства. Следовательно, вариант на основе

ЭВИЭ более эффективен с точки зрения эколого-экономической оценки функционирования системы сельского энергоснабжения в качестве основы локальной энергосистемы: функционально-резервной, базовой, или оптимально комбинированной с традиционной системой в качестве ее модульного сегмента.

Заключение. Экологическая диагностика и районирование территории выступает основой для экспертизы и принятия решений по различным схемам энергоснабжения. Для локальной энергетики на основе возобновляемых источников энергии, характерен принципиально иной спектр негативного влияния на среду и сравнительно с топливной энергетикой меньшие масштабы деформации среды. С точки зрения эколого-экономической оценки вариант локальной системы энергоснабжения на основе возобновляемых источников энергии более эффективен.

Литература

1. Авакян А.Б., Салтанкин В.П., Шарапов В.А. Водохранилища. М.: Мысль 1987. – 325 с.
2. Агрегат ветроэлектрический модернизированный типа АВЭУ–6–4М (технический паспорт). 133. ГА. 636. 008. ПС. г. Реутов Московской области. 1986. – 13 с.
3. Агрегат ветроэлектрический модернизированный типа АВЭУ–6–4М (техническое описание и инструкция по эксплуатации). 133. ГА. 636. 008. ТО г. Реутов Московской области. 1986. – 20 с.: прил.
4. Агрегат ветроэлектрический унифицированный типа АВЭУ–6. Техническое описание и инструкция по эксплуатации. Астрахань. 1977. 133ГА 639. 000 ТО – 22 с.
5. Безрученко Б., Быков В. Насколько рентабельным может быть сквозняк //НГ – Наука. 1998. №10. Ноябрь – С.4.
6. Васильев Ю.С., Хрисанов Н.И. Экологические аспекты гидроэнергетики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 247 с.
7. Вендров С.Л. Жизнь наших рек. Л.; Гидрометеониздат. 1986. – 112 с.
8. Возобновляемая энергия. М.: ИНТЕРСОЛАРЦЕНТР, 1997. №1.
9. Возобновляемая энергия. М.: ИНТЕРСОЛАРЦЕНТР, 2002. Апрель.
10. Возобновляемая энергия. М.: ИНТЕРСОЛАРЦЕНТР, 2003. Июль.
11. Дэвис Д. Энергия /Под ред. Д.Б. Вольфберга. М.: Энергоатомиздат, 1985. – 360 с.
12. Жимерин Д.Г. История электрификации СССР. М.: Изд-во Социально-экономическая литература, 1962. – 457 с.
13. Коронкевич Н.И. Водный баланс Русской равнины и его антропогенное изменение. М.: Наука, 1990. – 205 с.
14. Коронкевич Н.И., Малик Л.К. Основные подходы к географо-экологическому прогнозированию влияния гидротехнического строительства на природную среду //Энергетическое строительство. 1992. № 6 – С.39-48.
15. Коронкевич Н.И., Елисеев Д.А., Ясинский С.В. Проблемы малых рек России //Гидротехническое строительство, 1994. №2 – С.1-5.
16. Кочуров Б.И. География экологических ситуаций (экодиагностика). М.: ИГРАН, 1997. – 132 с.
17. Кочуров Б.И. Экодиагностика и сбалансированное развитие: Учебное пособие. – Москва-Смоленск: Маджента, 2003. – 384 с.
18. Котляков В.М., Кочуров Б.И., Коронкевич Н.И. и др. Подходы к составлению экологических карт СССР //Известия АН СССР. Сер. геогр. 1990. №4 – С.61-70.
19. Кржижановский Г.М. Избранное. М.: Изд-во Политическая литература, 1957. – 567 с.
20. Малик Л.К. Проблемы малых-ГЭС на малых реках //Гидротехническое строительство, 1998. №6 – С.45-49.
21. Малик Л.К. Экологические проблемы развития малой гидроэнергетики в России //Проблемы региональной экологии, 2001. №1 – С.53-64.
22. Малые реки /Вопросы географии. Сб. № 118 под ред. С.А. Ковалева. М.: Мысль, 1981. – 193 с.

23. Материалы Рязанской областной плановой комиссии Госплана РСФСР. – Сектор сводного планирования. Гидроэлектропроект Пронского района 1934 г. ГАРО. Ф. Р-4775, оп. 2, д. 3.
24. Материалы Рязанской областной плановой комиссии Госплана РСФСР. – Сектор сводного планирования. Материалы технико-экономического обследования водяных мельниц для реконструкции под гидростанции 1940 г. ГАРО. Ф. Р-4775, оп. 2, д. 21.
25. Материалы Рязанской областной плановой комиссии Госплана РСФСР. – Сектор сводного планирования. Сведения о строительстве сельских электростанций за 1946 г. ГАРО. Ф. Р-4775, оп. 2, д. 22.
26. Материалы Рязанской областной плановой комиссии Госплана РСФСР. – Сектор сельского хозяйства. Справка об опыте электрификации колхоза им. В.И. Ленина Рыбновского района 1948 г. ГАРО. Ф. Р-4775, оп. 3, д. 54.
27. Материалы Рязанской эксплуатационной конторы Главсельэлектро. – Планово-экономический отдел. Документы о сдаче в эксплуатацию и работе Рассыпухинской ГЭС 1953 гг. ГАРО. Ф. Р-6625, оп. 1, д. 21.
28. Методика научных исследований: опыт картографирования экологических ситуаций староосвоенного региона (на примере центра Европейской части России) //Б.И. Кочуров, Л.Л. Розанов, Г.Т. Митяева, А.И. Аксенов. Известия РАН. Серия: Географическая. 1995. №5 – С.108-117.
29. Морозов В.В. От единства энергосистемы к экономической эффективности: Концепция межрегиональной генерирующей компании. М.: Гардарики, 2002. – 222с.
30. Правила устройства энергоустановок /Минэнерго СССР.6-е изд., перераб. и доп. М.: Энергоатомиздат, 1985. – 640с.
31. Предложения по энергообеспечению на основе возобновляемых источников энергии: ТЭД по Нижегородской области. М.: НИИ ВИЭСХ лаборатория использования ВИЭ. 1994. – 140с.
32. Приваловская Г.А., Рунова Т.Г. Региональный подход к решению экологических проблем //Известия РАН Сер. геогр. 1994. №4 – С.79-87.
33. Программа возрождения малых рек и других водных объектов Рязанской области. Том I. Современное состояние малых рек. Книга 1. Пояснительная записка. Рязань. Институт АОЗТ. Рязаньагроводпроект. 1995. – 299с.
34. Программа возрождения малых рек и других водных объектов Рязанской области. Том II. Мероприятия и рекомендации по возрождению малых рек. Книга 1. (Пояснительная записка). Рязань. Институт АОЗТ. Рязаньагро-водпроект. 1995. – 162 с.
35. Протасов В.Ф., Молчанов А.В. Экология, здоровье и природопользование в России /Под ред. В.Ф. Протасова М.: Финансы и статистика, 1995. – 524 с.
36. Ревелль П., Ревелль Ч. Среда нашего обитания: В 4 кн. Кн. 3. Энергетические проблемы человечества: Пер. с англ Л.В. Самсоненко, И.М. Спичкина. М.: Мир, 1995. – 291 с.
37. Ревелль П., Ревелль Ч. Среда нашего обитания: В 4 кн. Кн. 4. Здоровье и среда, в которой мы живем: Пер. с англ Л.В. Самсоненко, И.М. Спичкина. М.: Мир, 1995. – 191 с.
38. Региональные аспекты развития России в условиях глобального изменения природной среды и климата /Отв. ред. В.М. Котляков. М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2001. – 152 с.
39. Розанов Л.Л. Эколого-геотехноморфные проблемы (методологический аспект) //Проблемы региональной экологии. 1996. №1 – С.6-18.
40. Система стандартов безопасности труда. М.: Изд-во Стандартов, 1986. – 447 с.
41. СНиП П-12-77. «Строительные нормы и правила. Нормы проектирования. Защита от шума» . Гл. 12. Ч.П. М.: Стройиздат, 1978. – 49 с.
42. Шумилов Т.И. Технические средства и методы решения экологических проблем в энергетике. Рязань: РВКУС, 1998. – 308 с.
43. Экологические аспекты возобновляемых источников энергии /В.И. Виссарионов, А.А. Золотов. М.: Изд-во МЭИ, 1996. – 156 с.
44. Экология возобновляемых источников энергии /Б.М. Берковский, В.Б. Козлов В.Б. М.: Информэнерго, 1986. – 38с. (Серия 7: «Энергетика и электрификация» . Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в энергетике. Обзорная информация; Вып. 1).
45. Экспериментальная база ветроэнергетики в районе п. Дубки ДАССР. Книга 1. Рабочий проект (Общая объяснительная записка). М.: Минэнерго СССР. ГПИО Энергопроект. 1293. 00. ПЗ. 01. 1988. – 114 с.
46. Электрификация в современном мире. М.: Наука, 1990. – 373 с.
47. Юшковский С. Как наращиваются миллиарды //Приокская Газета от 15.04.1993.
48. Яновский А.Б. Основные направления Энергетической стратегии России на период до 2020 г. // Энергетик. 2003. №6 – С.2-5.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

С. П. Москальков (Москва)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Moska'kov S.P.

SPATIAL AND TEMPORAL ASPECTS OF ECONOMIC AND GEOGRAPHICAL LOCATION OF INDUSTRIAL TERRITORIAL SYSTEMS

The article deals with the historical aspects of impact that economic and geographical location produces on regional development. There are given examples of changes of geographical location influence on the cities and regions development. Special attention is paid to the geographical location impact on the present development of the Russian regions.

Н.Н. Баранский в своем классическом определении экономико-географического положения (ЭГП) указал его место в системе географического положения пунктов и ареалов и важность его специфики к данностям природы и созданным человеком в процессе его истории. Последнее нередко трактуется как привязка к месту и размещение по территории экономических и других объектов, созданных в процессе истории. Между тем конкретный анализ Н.Н.Баранским роли ЭГП в развитии Урала и Швеции, Сибири и Канады, Швейцарии и Кавказа позволяет различить как временной характер постоянно действующего исторического процесса, так и пространственную сущность данностей, созданных в процессе истории а также природных включенных в хозяйственной оборот в соответствии с уровнем и характером развития производительных сил и условиями бытия производственных территориальных систем.

Исторический процесс в его непрерывности создает общие и частные условия на конкретных этапах социально-экономического развития. Их реализация во многом зависит от характера проявления исторического движения в конкретных территориальных сочетаниях данностей – природных, созданных в процессе истории и популяционных. При этом популяционными данностями понимаются, формирующиеся в процессе социально-экономической и политической истории, человеческие коллективы всех видов и иерархических рангов, выступающие как ведущая системообразующая составляющая производительных сил. Именно в этом качестве они в конечном счете являются ведущим звеном в складывании, функционировании и дальнейшем развитии всех социально-экономических, экономических (производственных и непроизводственных) территориальных систем и их структур. В результате формирова-

ния и развития производственных территориальных систем, наряду с пространственной, временная (историческая) составляющая в ЭГП должна учитываться как специфический постоянно действующий фактор. Исторический процесс особенно отчетливо проявляется на переломных «пороговых» этапах развития общества и его народнохозяйственных отраслевых и, намного более устойчивых во времени, территориальных производственных сочетаний данностей природных, созданных в процессе истории и популяционных. Результатом становится изменение характера взаимосвязей и развития территориальных систем и их ЭГП.

Разумеется, на каждом данном историческом этапе в становлении, закреплении и трансформации ЭГП пунктов и ареалов ведущую роль играют территориальные взаимосвязи и взаимоотношения как пространственное отражение масштабов и степени вовлеченности ландшафтной оболочки Земли в социально-экономическое бытие человечества в результате достигнутого уровня, характера и тенденций развития производительных сил. И роль эту они выполняют в их историческом бытии. Уже поэтому роль временного фактора в создании социально-экономических, материально-технических и популяционных предпосылок проявления и изменения территориальных взаимосвязей в конкретном историческом бытии и в формировании ЭГП пунктов и ареалов должны тщательно анализироваться. Ведь данности, созданные в процессе истории, и популяционные в их пространственном выражении есть оставляющие территориальных систем производительных сил. Они всегда возникали на основе предшествующих им данностей, вовлеченных в социально-экономическое бытие, природных, созданных исторических и популяционных, где население выступало и выступает и как трудовые ресурсы, и как конечный потребитель, реализующий основную цель производства.

Вовлеченные в хозяйственный оборот природные и созданные в процессе истории данности, воплощенные в территориальных системах, взаимодействуют между собой, как отмечает Т.М. Калашникова, в материально-вещественной форме. Однако оценка их функционирования, по мнению автора, должна осуществляться также и в экономических критериях. По мнению В.Л. Бабурина, взаимоотношения общества с вовлеченной в

сферу его бытия соответствующей частью природной среды следует определять как не возвращаемую ренту. Стоимостная оценка территориальных материально-вещественных данностей в разных социально-экономических укладах использует свои, отражающие и воплощающие их сущность, критерии. В феодалном обществе – это рента, в капиталистическом – прибыль и ее максимизация, в социалистическом – необходимые совокупные общественные затраты и их минимизация. Соответствующим образом складываются и требования к природным, созданным в процессе истории данностям (включая популяционные) в их пространственных совокупностях, которые реализуются в адекватных им территориальных производственных системах, что проявляется и в их ЭГП. Поэтому именно экономические критерии, присущие именно данному социально-экономическому укладу, и определяют экономическую сущность и, соответственно, специфичность каждой из этих систем.

В ходе и в результате исторического развития территориальные системы и их ЭГП постоянно изменяются под воздействием общих и детализирующих условий, стимулов и факторов, присущих данному этапу социально-экономического развития. Но, однажды возникнув, центры и районы территориальной концентрации производительных сил в их материально-вещественной форме бытия сами оказывают воздействие на свое окружение, реализуя прямые и обратные связи с ним и тем самым принимая участие в формировании, закреплении и трансформации своего ЭГП. Следовательно, для ЭГП пунктов и ареалов имеет значение и их положение относительно своего окружения, и масштабы воздействия пунктов и ареалов на это окружение и его территориальную организацию. В некотором смысле можно говорить об определенной трансформации географического пространства вблизи пунктов и ареалов с высокой концентрацией производства, населения и инфраструктуры. Некоторую, впрочем, достаточно отдаленную аналогию можно провести с искривлением физического пространства вблизи массивных звезд, квазаров и «черных дыр».

Специфика ЭГП проявляется и в том, что вокруг экономических центров, особенно крупных, изменение географического пространства (впервые с качественной стороны исследованное И.Г. Тюененом) характеризуется неравно-

мерностью и неоднородностью. В настоящее время, наиболее существенно то, что пространственная протяженность (расстояние) начинает измеряться временными и экономическими категориями: временем и стоимостью поездки или перевозки груза. При этом трансформация географического пространства наиболее значительна вблизи транспортных путей на территориях, окружающих центры и ареалы высокой концентрации производства, населения и инфраструктуры и в них самих.

Вместе с тем, территориальные системы географического пространства в их материально-вещественной форме есть кумулированный результат длительного по времени исторического развития общества в его взаимодействии с той частью природы, которая востребована обществом и вовлечена в общественное бытие на каждом данном этапе социально-экономического и исторического развития. Наиболее полный контакт общества с вовлеченной в его развитие природой осуществляется в местах, где природные данности складываются в соответствующие территориальные сочетания, комплексы и системы в их взаимодействии с данностями, созданными здесь же или поблизости историей и сложившимся размещением населения.

Пространственная составляющая ЭПП пунктов и ареалов высвечивает их место и роль в территориальных системах производительных сил и в географическом разделении труда в целом. Временной же фактор формирует условия и общее направление этих процессов. Для его проявления требуются продолжительные отрезки времени протекания исторических процессов в силу большей устойчивости территориальных систем, чем отраслевых и производственных. При этом конкретно-историческими условиями, приобретающими функцию факторов экономического развития территориальных производственных систем и изменения ЭПП пунктов и ареалов, могут стать как кардинальные изменения социально-экономической и конкретно-географической обстановки, так называемые, «малые воздействия» на эти системы. Время здесь выступает как некоторая необходимая продолжительность воздействия определенных условий развития, в течение которого накапливается некая «критическая масса» пространственных воздействий. Результатом становится появление новых и трансформация существующих территориальных систем, формирующих географическое разделение труда всех иерархических рангов на каждом данном этапе истории.

Как пример «малых воздействий» показательно изменение в историческом прошлом ЭПП Киева, связанное с фактической утратой им столичной, а затем и ведущей экономической, производственной и политической функции в период феодальной раздробленности Руси. Главной причиной ухудшения ЭПП Киева обычно считают утрату прежнего значения «пути из варяг в греки». Начиная с 1055 года, половцы фактически отрезали Русь от Византии. Да и Византия, потерпев в 1071 году поражение от турок сельджуков под Манцикертом, после захвата в 1204 году Константинополя крестоносцами, временно прекратила свое существование. Она восстановилась лишь после падения эфемерной (1204–1261 годы) Латинской империи. Все это нанесло тяжелый удар русской торговле по Днепру и по Киеву как ее организатору. Но эти события не могли подорвать ведущее значение Киева не могли, поскольку они пришлись на период феодальной раздробленности Руси, (впоследствии еще более усиленной татаро-монгольским нашествием) когда возросло значение внутренних и даже локальных связей зачастую в ущерб дальним и международным.

Тенденции к объединению Руси, проявившиеся с XII–XIII веков, в тот исторический период могли осуществляться лишь вокруг дома – наследственного владения королевской (на Руси – великокняжеской) династии как растущего экономического, производственного и столичного (политического и хозяйственно-организационного) центра. В средние века в, даже подготовленных экономически, политических процессах большую роль играли сложные личные отношения сюзеренитета, суверенитета и вассалитета. В ряде западноевропейских стран владельцами феодальных «земельных держаний» и фактическими суверенами стали потомки военачальников-графов и других светских и церковных феодалов, порою лишь формально признававших власть короля. Но король, имея наследственный домен и права суверена, с ростом экономической и военной силы городов, заинтересованных в объединении страны, становится собирателем ее земель. Там, где центр собирания земель был утрачен (Германия), или отсутствовал (Италия) со временем возникали новые центры на окраинах страны: Вена и затем – Берлин в Германии и Турин в Италии.

На Руси Киев оставался крупнейшим городом и номинальной столицей, но перестал быть наследственным великокняжеским домом. Все русские князья происходили из рода

Великого князя Владимира, а бояре и церковные суверенные права никогда не имели. Учитывая экономическое и политическое значение Киева, все русские князья следили, чтобы он не закрепился как наследственный великокняжеский домен за какой-либо ветвью «Рюриковичей». Даже могущественный в XII веке Владимиро-суздальский князь Юрий Долгорукий, дважды захватывавший Киев, закрепить в нем не смог. В результате на «украинах» (окраинах) возникли новые центры, претендовавшие на роль собирателей Руси: на Северо-Востоке – Владимир-на-Клязьме и на Юго-Западе – Галич (позднее центр переместился в Холм, затем во Львов). Разрушение Киева монголами в 1240 году, по сути, сделало лишь необратимой деградацию его ЭГП.

Нечто похожее произошло и с Владимиром-на-Клязьме. На «Залесской Украине» в междуречье Волги и Оки макро-ЭГП Владимира. Москвы и Твери различалось не очень существенно. Мезо- и микро-ЭГП давало преимущество Владимиру, расположенному в ополье и бывшему столицей, экономическим и хозяйственно-организационным центром сильнейшего на северо-востоке Руси княжества, в котором Москва и Тверь были лишь порубежными крепостцами. Но с установлением ордынского ига Владимир в течение полутора веков передавался только во временное княжение русским князьям «по ярлыку» золотоордынских ханов. И тем самым, оставаясь номинально столицей Северо-Восточной Руси, фактически утратил большинство экономических и социально-организационных и политических функций. Лишь в 1389 году он окончательно закрепился за Москвой, но утратил свои столичные функции. А право стать собирателем Руси Москва завоевала в длительной борьбе с Тверью. Так, в «пороговый» для Руси период Москва создавала свое ЭГП политическими и экономическими успехами своих князей.

С другой стороны, яркий пример ведущей роли ЭГП в складывании и утверждении главных экономических и политических центров страны можно видеть на примере Месопотамии. Все они в течение тысячелетий размещались на довольно ограниченном пространстве среднего течения Тигра и Евфрата. Попеременно сменяли друг друга, как политические и экономические центры Двуречья: Аккад, Вавилон, Ашшур, Ниневия, снова Вавилон, Селевкия, Ктезифон и, наконец, Багдад, не говоря уже об эпизодических центрах –

резиденциях ассирийских царей, как Дур-Шаррукин и Кальху.

Такое «постоянство» определялось не только водными путями по Тигру и Евфрату в Персидский залив и далее в Индию, а также в восточное Средиземноморье через Сирию; пересекавшимися сухопутными дорогами из Ирана через горные перевалы Загроса в Средиземноморье. Главное состояло в уникальном многотысячелетнем ЭГП Месопотамии в узле цивилизаций. Месопотамия сохраняла свое положение моста между Европой и Индией вплоть до Великих географических открытий. И хотя в локализации ее крупнейших центров важную роль играли данности природные и, определенное ими, положение в узлах водных и сухопутных путей, решающее значение имело длительное поступательное развитие Двуречья, в свою очередь усиленное данностями территориальными: макро-ЭГП Месопотамии в узле цивилизаций: Переднеазиатской, Индийской, Средиземноморской (Европейской) и, позднее – Византийской. Упадок Месопотамии вызван оттеснением Передней Азии на периферию социально-экономического, а затем и политического, развития в результате Великих географических открытий в предкапиталистический и еще более – в капиталистический периоды. А за этим последовало коренное ухудшение ЭГП Месопотамии и упадок ее экономических и политических центров. Следовательно, в становлении, развитии и трансформации ЭГП всех уровней здесь, пожалуй, наиболее просматривается сложное переплетение взаимодействия факторов пространственных и временных, взаимно усиливающих друг друга в одних условиях и ослабляющих в других. Именно взаимное их воздействие и обусловило масштабы и характер формирования здесь и последующей трансформации территориальных систем ЭГП во всей их иерархической взаимосвязности и соподчиненности.

В конечном итоге основа исторических процессов в обществе – развитие производительных сил и материального производства как их ядра в сопряжении (т.е. в соответствии или несоответствии) с производственными отношениями. При этом в системе материального производства все большую роль играет исторически сложившаяся производственная и социальная инфраструктура как составная их часть, обеспечивающая функционирование и развитие все более широкого круга территориальных про-

изводственных и непроизводственных систем. В результате она становится все более важной составляющей данностей, которые созданы в процессе истории. В конечном счете именно производительные силы на каждом данном историческом этапе все более определяют и разнобразят требования как к природным, так и к созданным в прошлом историческим данностям. Эти требования, изменяющиеся во времени, лежат в основе формирования условий и факторов, преобразующих как отраслевые, так и территориальные производственные системы. Но поскольку последние существуют и функционируют в материально-вещественной форме территориальных взаимодействий, проявляющихся и в их ЭГП, то на каждом историческом этапе существования этих систем пространственный фактор выступает как определяющий их конкретный характер, а временной – как задающий исторические условия социально-экономического, экономического, а следовательно, и основные направления территориального развития, которые могут реализоваться или не реализоваться. Это связано с тем, что крупномасштабные закономерности социально-экономического развития осуществляются как правило в тенденции.

Вместе с тем при радикальном изменении социально-экономических условий на исторических «переломах» – прогрессивных и регрессивных – на «первые роли» может выйти временной фактор.

Особенно остро встает проблема реализации территориальных возможностей и факторов, определяющих экономическую основу ЭГП в периоды смены социально-экономических укладов. Так, например, во время буржуазных реформ 60–70-х годов XIX в. в России радикально изменилось ЭГП важнейших экономических районов страны: промышленного Урала и сельскохозяйственного Черноземного Центра. Пространственно-географические возможности, определяемые близостью этих районов к основным ареалам и центрам обрабатывающей промышленности – потребителям сырья и сельскохозяйственной продукции и богатствам промышленным (прежде всего рудным) сырьем, а ЦЧР – почвенным плодородием и высокой сельскохозяйственной освоенностью земель, не были в достаточной мере реализованы в новых капиталистических условиях. Причиной стали изначальная социально-экономическая ограниченность и, в связи с этим, незавершенность буржуазных ре-

форм вследствие их курса на проведение минимума соответствующих преобразований в целях максимально возможного сохранения ряда форм докапиталистических социально-экономических отношений как основы экономического и политического господства дворянства – главной опоры самодержавной монархии. Одним из результатов стал крайне замедленный рост промышленности Урала, практически равносильный ее упадку. В ЦЧР же имел место прямой упадок сельского хозяйства, сочетающегося здесь с «промышленным вакуумом» и нарастающим оттоком населения в другие, «более благополучные» части страны. Резкое ухудшение ЭГП ЦЧР стало естественным следствием неблагоприятных тенденций и процессов социально-экономического развития, особенно остро проявившихся по названным выше причинам именно в этих самых экономически важных районах дореформенной России. Иными словами, воздействие конкретно-исторических факторов на данном этапе развития во многом парализовало возможности использования природных ресурсов этих территорий. На Урале действие указанных факторов усугублялось и тем, что удовлетворение возросших энергетических потребностей, прежде всего металлургии, стало осуществляться на базе каменного угля, которого здесь практически не было. Таким образом, изменчивость требований производительных сил в процессе их развития к природной среде оказалась не на пользу Уралу, прежде всего в его ведущей отрасли – металлургии. Это препятствие было преодолено лишь в советские годы.

Быстрый рост промышленности Юга и сельского хозяйства Новороссии, сопровождавшийся стремительным (в историческом времени) улучшением их ЭГП как в России, так и относительно мирового рынка во многом определялся не только более полным соответствием природных ресурсов новым требованиям производительных сил на капиталистическом этапе развития, но и сочетанием их со слабостью здесь докапиталистических производственных отношений. В известной степени этому способствовали и выявившаяся неконкурентоспособность (с последующим упадком) Урала и ЦЧР как следствия прежде всего незавершенности буржуазных реформ в России.

В советское время в стремлении к росту производства сельскохозяйственной продукции, прежде всего зерна, был сделан выбор в

пользу освоения целинных земель юга Сибири и севера Казахстана в зоне «рискового земледелия». Он потребовал не только значительных затрат на развитие здесь сельского хозяйства, но также материальных и людских ресурсов на производственное и социальное обустройство края. Все это неблагоприятно сказалось на развитии сельского хозяйства в давно заселенных и экономически освоенных районах Черноземного Центра. Это в значительной степени сказалось на замедленном развитии сельского хозяйства и продолжавшейся депопуляции ЦЧР – тенденций, сложившихся здесь еще начиная со времени реформ, связанных с отменой крепостного права, и набравших силу и в пореформенный период. Благоприятные изменения ЭГП ЦЧР происходили в советское время в большей степени за счет развития промышленности, чем сельского хозяйства – традиционной и сохранившей большое значение отрасли специализации данной территории. Таким образом, и в это время не были в достаточной мере использованы факторы высокой сельскохозяйственной освоенности и заселенности Черноземного Центра.

Еще одним примером подобного рода может служить социально-экономический перелом начала 90-х годов 20-го века, который ознаменовался «восстановлением в правах» максимальной прибыли, прежде всего частнособственнической, как главного фактора, формирующего ЭГП районов, ареалов и центров как по отношению к внутреннему, так и к внешнему рынкам. Обвальная массивированная приватизация прежде государственной собственности с самоустранением государства от руководства экономикой и передачей ее в частные структуры привела к примату частнособственнических интересов над общегосударственными, в том числе и в региональной политике. Результатом стало извлечение максимальной прибыли не столько из производства, сколько из разнообразных форм финансовой деятельности и безоглядной эксплуатации, созданных в предшествующем периоде производственно-экономических данностей и разведанных природных ресурсов без заботы об их восстановлении и возмещении. Следствием стало резкое и по большей части неблагоприятное для их производственного развития изменение ЭГП большинства районов (в том числе и индустриально высокоразвитых с лидирующими наукоемкими производствами), которые сложились в прошлом на основе действия фактора удовлетворения потребностей народного хозяйства и населения страны и сни-

жения уровня неизбежных производственных затрат на единицу продукции, хотя, следует заметить, этот принцип осуществлялся далеко не всегда последовательно и удовлетворительно, особенно с тех пор, когда прибыль стала функционировать не как учетный, а как оценочный показатель. В результате быстрая социально-экономическая деградация и ухудшение ЭГП в последнее десятилетие районов Севера России, базирующихся на разработке необходимых стране, но не имеющих экспортной ценности природных ресурсов, и промышленных районов, реализующих данности, наработанные историей, и имевших целью удовлетворение потребностей народного хозяйства и населения страны, обусловлен прежде всего переменной социально-экономического уклада с последующим коренным изменением системы оценок эффективности производства и экономической деятельности вообще на основе максимизации нормы прибыли. Переход к максимизации нормы прибыли как к единственному критерию оценки эффективности экономики при самоустранении государства как от текущего, так и стратегического регулирования экономических процессов благоприятствовал крайне расточительному использованию и потреблению накопленных прежде ресурсов, нарушению, как следствие производственно-технических, отраслевых и территориальных систем материально-вещественных связей в стране, резкому сужению товарной структуры производства, переносу центра тяжести на выпуск товаров экспортного назначения, представленных преимущественно «продуктами земли» и лишь крайне немногочисленными «продуктами труда» (как правило невысокого уровня переработки). Продолжает сохраняться незаинтересованность, ставших ныне господствующими в экономике, частных структур к удовлетворению потребностей внутреннего рынка как не обеспечивающему максимальной нормы прибыли вследствие резкого снижения с начала 90-х годов жизненного уровня и покупательной способности населения. Массовый вывоз капитала усугубляет острый кризис капиталовложений в экономику страны. Результатом стал всесторонний невиданно глубокий и затяжной кризис экономики, острейший дефицит капиталовложений, упадок, ранее успешно развивавшихся, производственных отраслей, экономических районов и центров с резким ухудшением их ЭГП. В целом, это ухудшение – следствие тенденций и процессов социально-экономического развития страны с начала 90-х

годов. В территориальном аспекте оно выразилось в резком сокращении объемов и структурного разнообразия межрайонных связей, чему в немалой степени способствовали также и непомерно вздутые транспортные тарифы в стремлении к максимизации отраслевой прибыли. Все более проявляющееся ухудшение ЭГП особенно характерно для тех районов, которые территориально удалены от традиционных отечественных потребителей их продукции и от поставщиков товаров и изделий производственного и непроизводственного назначения на внутренний рынок. Более того, результатом чрезмерной экспортной ориентации, преимущественно топливно-сырьевой (при одновременном фактическом отказе от государственной защиты отечественного производителя и внутреннего рынка) как основы экономики России в настоящем и будущем, для ряда районов страны стало более важным их ЭГП по отношению к мировому, чем к общероссийскому рынку. По сути дела, получают развитие тенденции формирования новых производственных, отраслевых и территориальных систем на основе деиндустриализации страны с последующим оттеснением ее на периферию мировой экономики с главной задачей, выраженной бывшим премьер-министром Великобритании следующим образом: «обеспечение ресурсами благополучных стран», для чего России достаточно, согласно прогнозу Римского клуба, 50 млн. жителей, т.е. с резким сокращением численности «излишнего» населения, прежде жившего за счет занятий в современной обрабатывающей промышленности, создании, использовании и обслуживании высоких технологий. Такие изменения ЭГП регионов страны могут оказаться небезопасными для экономического, а в последующем, возможно, и для государственного) единства страны.

Рассматривая проблему в целом, в историческом процессе социально-экономическому развитию присущи, сменяющие друг друга, эволюционные (экстенсивные) и революционные (интенсивные) этапы. На эволюционных этапах производство материальных благ определяют прежде всего количественные требования общества к природным и к ранее созданным в процессе истории данностям. В этих условиях для территориальных систем характерно прежде всего наращивание количественных параметров производства, а самим системам присущи устойчивость и равновесие. Однако, это и время сперва подспудного, а затем и явного

накопления противоречий в результате постоянно преодолеваемых и снова возникающих неравномерности и неравновесности в развитии производства, производительных сил и потребностей общества в целом и его территориальных систем в частности. В территориальных системах это проявляется и в изменениях ЭГП пунктов и ареалов как предвестия изменения самих систем.

Напротив, на этапах революционного развития быстрые и радикальные изменения в производстве и в производительных силах в целом определяют качественные перемены в требованиях общества к природным (при расширении и количественных требований к ним), ранее созданным историческим, популяционным данностям, а также к территориальной организации экономики. В результате увеличиваются масштабы, расширяется круг и, главное, радикально изменяется совокупная структура данностей, востребованных, вовлеченных и вовлекаемых обществом в свою орбиту. Одновременно в соответствующей степени возрастает и, главным образом опосредствованная, зависимость общества от наличия, масштабов, структуры и территориальных сочетаний природных данностей, прежде всего ресурсов. Большое значение приобретают и их территориальные соотношения с ранее созданными, ныне существующими и трансформирующимися историческими и популяционными данностями как необходимыми условиями возникновения, функционирования и развития нарождающихся территориальных производственных систем.

Будучи неотъемлемой составляющей территориальных производственных систем, ЭГП пунктов и ареалов первым реагирует на эти изменения появлением центров, ядер и осей роста, равно как и депрессивных центров и районов. Как правило, это «симптом» и начальный этап трансформации существующих и становления новых систем. Такие процессы имеют место не только при смене социально-экономических укладов, но и в каждом из них в результате развития производительных сил, и прежде всего производства, техники и инфраструктуры как факторов, которые «инициируют» все формы отраслевого и территориального единства (и его постоянного нарушения) производственных территориальных систем.

Развитие производительных сил и особенно техники, будучи процессом неравномерным и неравнозначным в своих структурно-отраслевых и территориальных составляющих,

постоянно нарушает существующие устойчивость и равновесие, трансформируя ранее сложившиеся и порождая новые отраслевые и производственно-территориальные системы в их – также преходящем – единстве и равновесии. Но это отнюдь не означает, что новые территориальные системы полностью сменяют прежние. Напротив, последние зачастую сохраняются в течение длительного периода, сочетаясь с новыми и трансформируясь в соответствии с существующими и нарождающимися социально-экономическими, производственно-техническими и другими условиями на основе региональных сочетаний востребованных и востребуемых обществом природных, ранее созданных исторических, а также популяционных данностей. Следовательно, сами производственно-территориальные системы в их материально-вещественном бытии представляют собой «многослойные» образования и выступают как кумулированный результат наложения современности на прошлое. Зачастую они сохраняют довольно явственный отпечаток прежних взаимосвязей природных, исторических и популяционных данностей, определяющих пространственно-временные взаимоотношения систем и их ЭГП на прошлых этапах развития. Очевидно, в этом и следует искать одну из причин высокой устойчивости производственно-территориальных систем во времени.

Таким образом, постоянно возникающие и постоянно нарушающиеся пространственно-временное единство и равновесие изменчивых во времени социально-экономических, производственно-технических отраслевых и территориальных систем в конечном итоге и создают условия, в которых формируются, утверждают и трансформируются ЭГП территориально-производственных систем любого ранга в их взаимосвязях, иерархических взаимоотношениях и соподчиненности.

Можно заметить в ЭГП любого таксономического уровня своеобразную «двойственность» тенденций и процессов развития. На этапах эволюционного развития и стабильности территориальных систем изменение ЭГП пунктов и ареалов, функционирующих в их составе, выступает как своеобразный индикатор приближающегося или уже начавшегося нарушения пространственной устойчивости и равновесия под воздействием несоответствий и противоречий в развитии производительных сил и производства. В революционные периоды быстрых и масштабных изменений и нару-

шения устойчивости и равновесия в обществе в целом и в его производственных и территориальных системах, изменения ЭГП, напротив, является предвестием возникновения новых единств и грядущей устойчивости территориальных систем. Правда, положение осложняется тем, что нередко различно- и даже противоположно направленные тенденции могут иметь место одновременно на разных территориях и странах (в зависимости от уровня и характера развития производительных сил и производства) и даже накладываться друг на друга в одних и тех же районах в зависимости от конкретных местных условий и факторов.

В связи со сказанным, представляется возможным предположить, что перспективно изучение производственно-территориальных систем и динамики их ЭГП, а также ареалов и пунктов в их составе, как одного из ранних проявлений установления и нарушения пространственно-временного единства и равновесия вовлеченных обществом в свою орбиту природных, созданных на предшествующих этапах исторических и популяционных данностей в связи с развитием производительных сил и соответствующих им производственных отношений, воплощающихся в территориальных системах производства и географического разделения труда. При этом, хотя производственно-территориальные системы функционируют и развиваются в материально-вещественной форме, совершенно необходимы учет и оценка текущего и перспективного развития этих процессов в экономических критериях и показателях в соответствующих социально-экономических укладах. Именно они конкретно выражают задачи и цели производства в системах ценностей, присущих каждому данному социально-экономическому укладу и одновременно являются источником возникновения противоречий при их осуществлении. Все это в каждом социально-экономическом укладе и этапах его исторического развития воздействует как на общий характер, так и на формирование, функционирование, трансформацию, взаимосвязи и взаимодействие производственно-территориальных систем и на их ЭГП. Более того, именно цели социально-экономического уклада, выраженные в его экономических категориях и критериях, и определяют условия, уровень, степень, характер, средства и цели воздействия на окружающую среду и отношение к ее ресурсам – источнику существования самого человеческого общества, которое именно из-за недоучета своей уязвимости уже

далеко не в первый раз в истории оказывается в обстановке экологического кризиса.

В настоящее время важность изучения процессов формирования, утверждения и трансформации производственно-территориальных систем в их пространственно-временном бытии, одной из форм проявления которых является ЭГП, связана с тем, что они все более развиваются и трансформируются под воздействием объективно неизбежных тенденций глобализации экономики. Но нынешняя ее модель основана на изначально расточительном принципе максимизации прибыли как цели и инструмента всякой экономической деятельности. Этот принцип в свое время сложился и успешно функционировал в условиях обилия, доступности и дешевизны всех видов ресурсов. Сегодня данная модель глобализации предлагается в условиях нарастающего дефицита ресурсов, прежде всего природных, которых «на всех», явно, не хватит. В результате осуществление только данной модели не может не ускорить обострение проблемы вместимости географической среды и даже ландшафтной оболочки Земли. Это положение осознается: выдвижение, разработанной Римским клубом концепции «пределов роста», показательно

Моделью глобализации экономики на основе максимизации прибыли фактически предусматривается создание мировых центра и обслуживающих его ресурсами периферии, а также полупериферии – места «отверточных» технологий. По сути дела, но уже в мировом масштабе возрождается, существовавшая в античное время и в рабовладельческом обществе в целом система региональных центров и обслуживающей их периферии. Ныне, как и тогда, фактически роль и назначение периферии сводится прежде всего к обслуживанию центра. В результате, как и тогда, узаконивается всесторонняя экономическая, социальная, политическая и культурная отсталость периферии, перекладывание на нее проблем и тягот расточительности центра, всеохватная ее эксплуатация центром, в которой, как и в античности, исключительно важная, а в ряде случаев и ведущая роль принад-

лежит ростовщическому капиталу, лишенному даже намека на какую-либо созидательную функцию. Ныне это находит выражение в неоплатной внешней задолженности ряда стран «третьего мира» центру или государствам, входящим в его состав. По сути дела, уже в глобальном масштабе воссоздается своеобразная античная экономическая модель «шагреновой кожи». Ее сокращение и тогда лишь до определенного момента шло за счет периферии, несмотря на несравненно меньшие: требования к ресурсам, технико-экономическую сложность и структурированность, а следовательно и уязвимость античного общества по сравнению с современным. Тем не менее и ныне ресурсосберегающие модели интеграции экономик стран мира, с удовлетворением действительно необходимых потребностей всех стран, не принимаются во внимание. Тем самым уже сегодня создаются предпосылки для углубления и обострения существующих и возникновения в будущем новых экономических, социальных, экологических и территориальных кризисов и противоречий между мировыми центром и периферией.

Для России, все еще уникальной по общей ресурсообеспеченности, в принципе видятся два варианта участия в глобализации экономики. Если небывало всеохватный глубокий кризис будет преодолен возвращением страны на путь обеспечения прежде всего собственных общегосударственных интересов, отраслевые и территориальные системы получат новый импульс развития и диверсификации. В противном случае страна, вероятнее всего, будет оттеснена на полупериферию, а с истощением все еще значительного научно-технического потенциала, на периферию мировой экономики, где реально ее превращение в сырьевой придаток и в резерв мирового центра, продолжение и ускорение уже идущего сокращения ее населения и предельная примитивизация отраслевых и территориальных систем с деградацией их ЭГП, а возможно, что и с реальной угрозой утраты экономического, а затем (не исключено) и государственного единства.

Литература

1. Алисов Н.В., Хорев Б.С. Экономическая и социальная география мира. Общий обзор. Учебник. М., 2000.
2. Баранский Н.Н. Экономико-географическое положение. (В сб. Баранский Н.Н. Экономическая география. Экономическая картография. М., 1956. С. 109–135.)
3. Баранский Н.Н. Очерки по школьной методике экономической географии. М., 1946.
4. Калашникова Т.М. Экономико-географическое районирование. М., 1999.
5. Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. М., 1970.

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ Г. САРАНСКА: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОТЕНЦИАЛА

Golubchik M. M.

ECONOMICO-GEOGRAPHICAL POSITION OF SARANSK CITY: CHARACTERISTIC FEATURES AND THE PROBLEMS OF POTENTIAL REALIZING

The article highlights the geographical location of Saransk and its constituents. The quantitative evaluation of the economic and geographical position is also provided in the work.

Выдающиеся отечественные ученые-географы (Н. Н. Баранский, И. М. Маергойз и др.), анализируя **экономико-географическое положение** (ЭГП) как важную и неотъемлемую составную часть географического положения, одной из ключевых категорий всей системы географических наук, заложили основы теории ЭГП – теории пространственных связей и отношений и их исторических изменений в процессе территориального (географического) разделения труда. Внедрение в социально-экономическую географию системно-структурного анализа «подняло» теорию ЭГП на уровень теории взаимодействия в геопространственной (географической) системе. Первостепенное научно-практическое значение имеет исследование того или иного экономико-географического объекта (региона, города и т.д.) в рамках такой большой и сложной системы, какой является территориальная организация жизни общества целой страны или ее крупного экономического района.

Непреодолимую ценность сохранили идеи И. М. Маергойза, высказанные им много лет тому назад, когда он писал, что «вопрос не столько в том, где находится объект (что само собой предполагается), сколько в том, *как он лежит относительно того, что находится за его пределами*. Само «где» получает свое полное содержание только посредством

многочисленных «как» – многократных отношений. Замечу, что система таких многократных отношений для ареалов, линий, точек имеет огромную познавательную ценность; на них в значительной мере зиждется наше географическое мышление» [2].

Через систему множества отношений данного объекта (ареала) с другими объектами (ареалами) ЭГП предметно выявляет индивидуальные черты и свойства любой территории. Оно определяет многие наиболее важные особенности стран, районов, городов, высвечивает свойства их *неповторимости и индивидуальности*.

Вместе с тем ЭГП – категория историческая, оно весьма динамично, изменчиво, что влечет за собой часто очень важные сдвиги в развитии того или иного *географического* объекта и его пространственных взаимоотношений с другими объектами.

И еще одно важное положение, *необходимое для дальнейшего анализа: ЭГП присущ потенциалный характер*. Те или иные благоприятные стороны его далеко не во всех случаях реализуются. Лишь при сочетании соответствующих факторов – исторического, социально-экономического и иного свойства – эти благоприятные стороны воплощаются в жизнь.

Рассмотрим, исходя из этих основных положений теории ЭГП, *динамику ЭГП города Саранс-*

ка. При этом следует выделить в ней несколько важных рубежей, которые резко изменяли «качество» города и «качество» его ЭГП.

Первым таким рубежом, несомненно, является проведение в 1893 г. через Саранск Московско-Казанской железной дороги. Эта дорога прошла через южную часть современной Республики Мордовия (Рузаевку – Саранск – Ромоданово (Красный Узел) – Чамзинку – Атяшево), протянувшись на 312 км. В 1896 г. вступила в строй линия Ромоданово – Арзамас – Нижний Новгород, а в 1897 г. – Рузаевка – Пенза. Формирование железнодорожной сети на территории республики фактически закончилось в 1898 г. с постройкой участка Рузаевка–Сызрань.

Все это определило «превращение» небольшого уездного города Пензенской губернии в железнодорожную станцию, «подняло Саранск над другими городами края, которые дорога обошла» [1]. И хотя и в начале XX в. Саранск оставался, по существу, большим селом, со слабо развитой промышленностью и «нижегородским» обликом, потенциал его ЭГП значительно изменился: возникли новые возможности развития пространственные связи и отношений не только с Москвой и Казанью, но и с другими крупными экономическими центрами и районами Европейской России, преимущественно в сравнении с другими городами на территории современной Мордовии.

Второй важный рубеж: в развитии ЭГП Саранска приходится на конец 1920-х – первую половину 1930-х гг., т.е. на период становления автономии мордвы – от образования Мордовского округа (1928 г.) до создания Мордовской АССР (1934 г.).

При всей промышленной слабо развитости города, его определенные общеэкономические и транспортно-географические преимущества положение на стыке ареалов расселения двух групп мордвы – мокши и эрзи, что было важно для консолидации нации, способствовали выбору Саранска в качестве столицы национальной автономии, административного центра, что, несомненно, усилило его ЭГП.

Третьим рубежом уже существенной реализации ряда сторон ЭГП, а именно – положения города вблизи крупного железнодорожного узла Рузаевки, на Куйбышевской железной дороге, а также постепенного развития Саранска как культурного центра, с определенным резервом рабочей силы, его удаленности от западных границ СССР, является период Великой Отечественной войны, когда в Саранск был

эвакуирован ряд промышленных предприятий. Это дало существенный толчок последующему (во второй половине XX в.) развитию Саранска как крупного промышленного центра со специализацией на современных отраслях в основном машиностроительного комплекса.

ЭГП Саранска начала XXI вена следует рассматривать, как нам представляется, на нескольких геопропространственных уровнях, с преимущественным анализом *транспортно-географического положения (ТГП)* как важнейшей составляющей ЭГП.

Первый уровень – Саранск в рамках Республики Мордовия: это квазицентральное положение, удаленность от геометрического центра республики, что можно характеризовать как определенный «изъян» Саранска. Далее: в отличие от практически всех, по крайней мере, соседних, административных центров регионов России (Пензы, Самары, Чебоксар и др.) Саранск не располагает собственным крупным железнодорожным узлом («пользуясь» услугами двух соседних – Рузаевки и Красного Узла), расположен в стороне от главной реки Мордовии – Мокши, хотя его ТГП улучшилось в последнее десятилетие благодаря развитию республиканской сети автодорог и развитию Саранска как главного ее узла. Столица Мордовии связана автодорогами со всеми районными центрами и большим числом сельских населенных пунктов.

Основой автотранспортной сети республики служат магистрали широтного направления, важнейшими из которых являются: Саранск – Краснослободск – Торбеево – Зубова Поляна (далее – на Москву); Саранск – Краснослободск – Темников – Теньгушево; Саранск – Чамзинка – Дубенки (с выходом на Ульяновск). В меридиональном направлении действуют автодороги, пересекающие центральную часть Мордовии и связывающие Саранск с Нижним Новгородом и Пензой.

Таким образом, Саранск имеет выходы на сеть магистральных автодорог общероссийского значения. Усилению ТГП Саранска будут способствовать разнообразные проекты развития автодорожной сети России, многогранный процесс автомобилизации страны. Следует, в частности, выделить такие уникальные инженерные сооружения, как мостовые переходы через Волгу – у Ульяновска, Саратова и Волгограда.

При этом приходится констатировать, что потенциал ТГП Саранска как важнейшего

центра сети автодорог Мордовии используется далеко не полностью. Это обусловлено существенными недостатками географического «рисунка» этой сети, а также низким качеством многих дорог, особенно соединяющих районные центры с более мелкими сельскими населенными пунктами и населенными пунктами сельской «глубинки». Кроме того, серьезными недостатками страдает и подвижной состав, обеспечивающий внутриреспубликанские пассажирские и грузоперевозки.

Второй уровень анализа ЭГП Саранска – его положение в социально-экономическом пространстве Европейской России и Российской Федерации в целом.

Здесь необходимо отметить глубинное и квазицентральное положение Саранска (и Республики Мордовия как ареала) в Европейской России, с чем связаны большие возможности разнообразных контактов, развития потоков людей, товаров, услуг, капиталов, информации, обмена практически со всеми крупнейшими экономическими и культурными центрами и регионами страны (и в значительной степени эти возможности реализуются).

В отличие от ЭГП Саранска в бывшем Советском Союзе положение города в современной России характеризуется приближением его (и Мордовии в целом) к государственным границам – на западе, но особенно – на юго-востоке (например, через территории Пензенской и Саратовской областей).

В связи с этим возрастает значение *транзитного положения* Мордовии и ее столицы на железнодорожных магистралях, соединяющих Центральную Россию с ее Югом, с Закавказьем, а также – с Казахстаном и республиками Центральной Азии.

Учитывая известную «прозрачность» государственных рубежей России (прежде всего, ее границы с Казахстаном), следует обратить внимание на транзит через территорию Мордовии и непосредственно – через Саранск – мигрантов (в том числе нелегальных) и контрабандных грузов (особенно наркотиков).

Вместе с тем в ближайшие годы может существенно возрасти значение ТГП республики на Транссибирской железнодорожной магистрали в связи с программой развития *международного транспортного коридора (МТК) «Запад–Восток»*, в котором Транссибу суждено сыграть роль своеобразного стержня.

Этот МТК, составной частью которого является Куйбышевская железная дорога, ее Рузаевское отделение, призван в конечном счете способствовать развитию массовых грузоперевозок (в основном в контейнерном исполнении) между странами Восточной и Юго-Восточной Азии, с одной стороны, и странами зарубежной Европы с другой, – через территорию России. Отсюда – важная задача совершенствования, модернизации Транссиба, в том числе и на территории Мордовии.

Еще один момент возможного улучшения ЭГП Саранска – возрождение и развитие его функций как *аэропорта*, центра не только внутренних, но и «внешних» авиалиний. Этого требуют развивающиеся международные экономические связи республики, решение задач привлечения иностранных инвестиций в хозяйство Мордовии.

Экономический геодемографический, культурный и научно-технический потенциалы Саранска как столицы Мордовии играют определяющую роль в развитии республики. Поэтому можно в известной степени «приравнять» ТГП Саранска к ТГП ареала – территории Мордовии и воспользоваться методикой Р. К. Сабитова [1] для сравнительной характеристики ТГП Саранска (Мордовии) и других регионов России.

Р. К. Сабитовым предложена методика количественной (балльной) оценки ТГП на основе совмещенного анализа трех характеристик: а) экономического потенциала соседских территорий; б) плотности хозяйственного освоения окружения и в) наличия (количество и качество) прямых транспортных выводов к соседям, их частота.

Результаты расчетов Р. К. Сабитова свидетельствуют о том, что коэффициент балльной оценки ТГП Мордовии (3,99) выше средне-российского (3,63), среднего по Волго-Вятскому экономическому району (3,03), превосходя все его субъекты, кроме Чувашии (4,69). В то же время Мордовия по этому показателю существенно уступает своим соседям на востоке – Ульяновской области (6,37) и на западе – Рязанской области (10,46), здесь сказывается непосредственная близость к Москве и Московской области.

Потенциал ТГП того или иного региона (географического объекта) определяется в конечном итоге развитием *коммуникационной среды* (КС). Остановимся на некоторых исходных положениях концепции КС, разработанных

ной в отечественной науке В. Л. Мартыновым [3].

Коммуникационная среда представляет собой сложное многомерное поликомпонентное пространственно-временное образование, формирующееся в процессе взаимодействия потоков вещества, энергии и информации, определяемых сознательной деятельностью человека. Концепция КС рассматривается как концепция территориальной организации общества, но никак не концепция развития коммуникационных систем в их традиционном понимании (транспортные системы и системы передачи информации).

В. Л. Мартынов выделяет три составляющие КС – коммуникационное ядро, коммуникационное пространство и коммуникационный район, сочетанием которых определяется уровень коммуникационного, а соответственно – и цивилизационного, развития государств и регионов [3, с. 15–16].

Не останавливаясь на методологии и методике исследования КС, разработанной В. Л. Мартыновым, отметим предложенный им интегральный показатель – коммуникационный коэффициент (КК), обобщающий данные об уровне освоенности, значении и развитии территории, позволяющий определять место региона в системе общественных связей государства либо группы государств [3, с. 35]. Формула определения КК очень проста: $КК = ПК \cdot ОК$, где $ПК$ – показатель популяционной коммуникации (простейший случай – это плотность населения) и $ОК$ – показатель общественной коммуникации, который рассчитывается таким образом: $ОК = Д \cdot Об$, где, в свою очередь, $Д$ – доля территории в социально-экономической деятельности региона либо государства, а $Об$ – объем социально-экономической деятельности в исследуемом году.

На этой основе В. Д. Мартыновым был разработан прогноз развития КК регионов-субъектов Российской Федерации до 2010 года. Что касается Республики Мордовия, то, по данному прогнозу, ее КК в 2010 г. будет колебаться в пределах от 24 до 40 (это довольно низкие показатели на общероссийском фоне; примерно такие же рассчитаны для Архангельской и Костромской областей, Республики Северная Осетия), и, по заключению, автора, «нынешнее положение Мордовии не дает возможности прогнозировать для нее возможность развития по инновационному пути» [3, с. 132]. Территория республики, по Мартынову, представляет собой часть «разрыва» в недавно сформировавшемся соединительном фронте между Москвой и Самарой (и Мордовии предстоит найти свое место в этом фронте).

В то же время в развитии Чувашии преобладающим должен быть инновационный тип за счет взаимодействия с Нижегородской областью и Татарстаном.

Отмеченные в исследовании В. Д. Мартынова «слабости» Мордовии могут быть в известной мере преодолены в случае реализации благоприятных сторон ЭГП республики и ее столицы. В свою очередь, эта реализация обусловлена двумя основными группами факторов: во-первых, общим социально-экономическим прогрессом республики и прежде всего ее передовых наукоемких отраслей промышленности и ориентированных на экспорт отраслей АПК и, во-вторых, совершенствованием всех видов коммуникаций (железных и автодорог, систем трубопроводов, телекоммуникаций и др.), способствующих развитию торгово-экономических и информационных связей Мордовии с ведущими экономическими центрами, другими регионами России, с внешнеэкономическими партнерами.

Литература

1. Лаппо Г. М. Саранск – столица Мордовии // География. – 2001. – № 4. – С. 19.
2. Маергойз И. М. Задачи изучения экономико-географического положения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. – География. – 1978. – № 3. – С. 29.
3. Мартынов В. Л. Коммуникационная среда и региональное развитие России. – СПб.: Гидрометеоздат, 2000. – 160 с.
4. Сабитов Р. К. Об оценке транспортно-географического положения районов России // Региональная политика и региональная экономика. – Екатеринбург, 1997. – С. 73-80.

С. П. ЕВДОКИМОВ (СМОЛЕНСК)

СЛОВО О КОЛЛЕГЕ: К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. М. ГОЛУБЧИКА

Evdokimov S. P.

ABOUT THE COLLEAGUE: ON THE OCCASION OF M.M.GOLUBCHIK'S 70-TH ANNIVERSARY

Recollections of the work with M.M.Golubchik, the leading economic geographer of the Mordovian university and the author of several famous books. In 2004 M.M.Golubchik would have celebrated his 70-th anniversary.

Мне довелось на протяжении почти двадцати семи лет работать на одном факультете в Мордовском государственном университете с Марком Михайловичем Голубчиком, который там на протяжении двадцати двух лет заведовал кафедрой экономической и социальной географии. Уверен, что ученых такого уровня и теоретических воззрений, широты познаний не так уж много. Поэтому в данном случае мы можем говорить о географе в широком смысле этого слова. К таким принадлежали, например, Ю. Г. Саушкин, Я. Г. Машбиц. Таким географом был и М. М. Голубчик. В последние десять лет жизни он все больше внимания стал уделять проблемам общей географии, вопросам истории, теории и методологии географии, ее целостности и единству. Он активно поддерживал идею издания журнала «Региональные исследования».

Ряд исследований был проведен нами совместно. Это были годы наибольшего творческого подъема. Мы оба последователи географической школы Московского университета, воспринявшие и творчески развивавшие идеи единства географии как науки о законах развития пространственных систем, формирующихся на земной поверхности в результате взаимодействия общества и природы. Работать с Марком Михайловичем было интересно и легко. Я учился у него читать лекции, руководить кафедрой. Он увлекал своим оптимизмом, по-

корял эрудицией и заряжал работоспособностью. Его обязательность и исполнительность заставляли быть собранным и сделать что-то плохо или не вовремя было просто стыдно.

Одна из первых наших совместных работ – написание учебника по истории, теории и методологии географической науки. В конце 80-х – начале 90-х гг. такой курс был единым, но затем в государственном образовательном стандарте он был разделен на «Историю географии» и «Теорию и методологию географической науки». Пришлось по живому резать материал. Дело продвигалось с трудом, но благодаря оптимизму Марка Михайловича, его настойчивости мы не опустили руки. Вскоре к нам присоединился известный географ из Якутска профессор Г. Н. Максимов, который удачно дополнил наш тандем. Не менее удачным было подключение к нашему творческому коллективу на стадии работы над учебником «Теория и методология географической науки» А. М. Носонова, который в настоящее время является одним из крупнейших специалистов по агрогеографии, математическому моделированию в географии, теории и методологии. В учебном пособии (Голубчик М. М., Евдокимов С. П., Максимов Г. Н. История географии: Учебное пособие. – Смоленск: Изд-во Смоленского гуманитарного университета, 1998. – 224 с.) мы изложили историю научных географических знаний и становление географической науки как

целостной системы взаимосвязанных естественных и общественных дисциплин. В основном рассматривалось развитие географического знания, важнейшие достижения и нерешенные задачи, а также новейшие направления современной отечественной и мировой географии.

Работа над следующим учебником практически завершена, сейчас он готовится к изданию с грифом Министерства образования Российской Федерации (Голубчик М. М., Евдокимов С. П., Максимов Г. Н., Носонов А. М. Теория и методология географической науки: Учебник для вузов / Под ред. М. М. Голубчика и С. П. Евдокимова. М.: Изд-во ВЛАДОС). В учебнике география рассматривается как единая наука. Мы исходили из представлений о том, что теория – это совокупность знаний об объективном мире, а методология – учение о знании, охватывающее его с точки зрения объекта, отражения и выражения. Исходя из этого, была «выстроена» трехчленная структура этой книги, первая часть которой представляет собой в обобщенном виде учение об объекте географической науки (с изложением основ ее структуры и процесса географического познания). Вторая часть посвящена учению об отражении в географии (здесь характеризуются теория географии и теоретическая география, важнейшие географические категории – пространства и времени, географического поля и др.). Наконец, в третьей части рассматривается учение о выражении в географии: проблемы терминологии, моделирования, прогнозирования, функций науки, географической деятельности и т.д. Книга «венчает» учебный процесс, систематизирует и обобщает фундаментальные положения науки.

Большое место в нашем совместном творчестве заняла работа над курсом географии для учащихся XI класса. Попытки представить стройный свод основных географических представлений в виде заключительного курса географии в школе предпринимались неоднократно. В 60-е годы XX в. активно обсуждалась проблема становления единой или общей географии, говорилось о целесообразности объединения двух основных ее частей (физической и социально-экономической) для развития теоретических основ. В настоящее время в связи с резким обострением отношений человека с окружающей средой эта проблема приобрела острое и, в первую очередь, практическое звучание. Потребность обдумать эти вопросы, попытаться сформулировать некоторые ответы на них возникла у нас после обсуждения

новых концепций преподавания географии в школе в 1999 году и выступлений по этому вопросу В. П. Максаковского. Он предложил, в частности, перечень заключительных, итоговых курсов, которые можно было бы читать ученикам XI и XII классов будущей 12-летней школы. Среди них был назван курс «Общая география».

Выстраивая общегеографический курс, можно показать весьма существенные общие особенности географии. Такая книга была задумана нами с М. М. Голубчиком еще в середине 90-х годов. Последним толчком к разработке учебника послужил объявленный НФПК в 2000 г. конкурс по созданию учебной литературы нового поколения, учебников для школ и классов общеобразовательного профиля третьей ступени обучения: «Общая география, 10—11 классы». По замыслу организаторов конкурса учебник должен рассматривать природу в комплексе с демографическими особенностями и особенностями хозяйственного развития территории, включая экологические проблемы и состоять из общего и регионального разделов. Перед нами стояла задача дать представление о географии, изучающей пространственно-временные взаимосвязи природы, населения и хозяйства, особенности развития природно-социально-экономических геосистем, как конструктивной науке, призванной организовать пространственную жизнь общества на глобальном, региональном и локальном уровнях. Таким образом, решается задача дать читателю общее представление о географической науке, ввести в мир географических наук, познакомить с объектом и предметами географических наук, основными этапами развития, методами исследования, познавательными и конструктивными функциями, географической деятельностью.

Разрабатывая вместе с профессором М. М. Голубчиком идеологию, структуру и содержание дисциплины и соответствующего ей учебника «Общая география», мы исходили из обобщения опыта подготовки лучших учебников по географии для средних общеобразовательных учебных заведений и основывались на «Концепции предмета «География» в 12-летней школе. Учитывались также важнейшие требования, предъявляемые к учебникам нового поколения. Учебник был написан, завоевал на конкурсе НФПК в 2001 году первое место, получил гриф Министерства образования Российской Федерации, но издательством «Просвещение», с которым у нас был договор, по формальным причинам

(коренное изменение обязательного минимума содержания образования и не соответствие учебника новой концепции школьной географии) печататься не стал. А ведь речь шла об издании экспериментального учебника. Кстати, ни учебника, ни концепции так до сих пор и нет.

Развивая эту тему, нами был подготовлен и издан уже после кончины Марка Михайловича вузовский учебник с грифом Министерства образования Российской Федерации (География: Учебник для экологов и природопользователей – М.: Аспект Пресс, 2003. – 304 с.). В учебнике география представлена как наука естественная и общественная, рассматриваются ее объект, предмет, основные задачи, методы и проблемы, положение и роль в современном мире. Рассказано о языке географии, теоретических концепциях, о географическом облике нашей планеты и цивилизационных регионах мира. Большое внимание уделено комплексному страноведению и важнейшей задаче современной географии – исследовать механизм взаимодействия природы и общества на глобальном, региональном и локальном уровнях. Дана объективная оценка пространственных аспектов экологической обстановки в мире. Многие проблемы рассматриваются на примере России. Учебник предназначен для студентов, обучающихся по направлению и специальностям «Экология и природопользование», но он будет интересен и полезен студентам и преподавателям географических факультетов университетов и педагогических институтов, учителям географии средних школ.

Много было сделано профессором Голубчиком, но главное, на мой взгляд, это его теоретические взгляды. Не много найдется ученых в нашей стране и за рубежом, которые бы столь плодотворно работали в области теоретической географии как единой науки. Марк Михайлович сочетал в себе глубокие знания в области социальной, экономической, политической и физической географии. Но это не был набор разрозненных сведений. Эти знания послужили основой создания целостных теоретических представлений о глобальных и региональных особенностях взаимодействия общества и природы, эти знания щедро передавались студентам и аспирантам.

Марк Михайлович был не только широко эрудированным и серьезным ученым, но и прекрасным методистом. В нем сочеталось стремление к достижению все новых и новых научных вершин с желанием все это немед-

ленно раздать своим ученикам и коллегам. В сжатом виде его научно-педагогическая деятельность может быть представлена в виде стремления отдавать, а не брать, работать на учеников, чтобы география развивалась все более успешно. И этому были подчинены все его помыслы и вся деятельность, чтобы теоретические и методологические достижения превратились в реальную движущую силу общественного прогресса. М. М. Голубчик всегда стремился к достижению высоких целей и для этого не жалел сил, чтобы:

– во-первых, обеспечивать формирование географической культуры, которая включает географические знания и умения, географическое (пространственное) мышление и специфический язык географии, т.е. названия и термины;

– во-вторых, нарисовать яркую и запоминающуюся картину мира, которая включала бы картину земной природы, картину населения Земли и картину мирового хозяйства в мире в целом и в отдельных его регионах и странах на основе гуманизации, экологизации, экономизации, социологизации всего учебного материала;

– в-третьих, ориентация, прежде всего на приобретение фундаментальных знаний на основе обеспечения организующей роли теории по отношению к фактам;

– в-четвертых, внедрение проблемного обучения с помощью проблемного изложения и создания в процессе обучения проблемных ситуаций;

– в-пятых, усиление ориентации на практическое применение полученных географических знаний и умений: умение пользоваться различными источниками географической информации, умения действовать на местности. Практическое применение знаний и умений должно опираться на широкое использование краеведческого подхода и др.

Итогом является совершенствование представлений о географической картине мира, географии как конструктивной науки и географическом мышлении на основе территориального (включая краеведческий), комплексного, исторического, типологического, проблемного и конструктивного подходов.

Прошло уже более двух лет со дня кончины М. М. Голубчика, но до сих пор продолжают выходить его работы, настолько велик был его творческий потенциал и влияние на коллег и учеников. Меня не покидает уверенность, что его научно-педагогические замыслы будут претворены в жизнь и думаю, что это найдет поддержку и отклик.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ОЧЕРКИ О ЖИЗНИ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗВЕСТНЫХ ПЕТЕРБУРГСКИХ ГЕОГРАФОВ

Чистобаев А. И. Географы-экономисты: судьбы и наследие ученых. — Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2003. — 76 с. Тираж 150 экз.

ESSAYS ON THE LIFE AND SCIENTIFIC WORK OF THE NOTED ST PETERSBURG'S GEOGRAPHERS

Review of A.I.Chistobayev's book "Geographer-economists: scientists' fates and heritage" is devoted to the revealing of influence that V.E.Den's, B.N.Semevskiy's, N.T.Agafonov's ideas had on the Russian geography development.

Не выбирают и эпоху,
в которой суждено жить.

А. И. Чистобаев

В аннотации этой небольшой, но очень содержательной книги говорится, что автор по-новому трактует события, связанные с развитием отечественной экономической (общественной) географии в XX веке. Рисуя портрет трех географов-экономистов (заметим – не экономико-географов, а географов-экономистов) В. Э. Дена, Б. Н. Семевского и Н. Т. Агафонова, он разворачивает широкую панораму становления и развития этой науки в нашей стране. Читатель познакомится с интересными фактами из жизни и деятельности ученых, увидит ход и характер борьбы за претворение научных идей в народное хозяйство. Книга интересна не только новизной трактовки событий и научных идей, но также и тем, что перед нами встают живые люди, с их нелегкими и интересными судьбами, житейскими проблемами, научными исканиями. Создается эффект сопереживания, так как для Анатолия Ивановича это не просто имена в истории науки, а близкие ему люди. Он учился у Б. Н. Семевского и Н. Т. Агафонова, а с последним, кроме того, и вместе ра-

ботал. С В. Э. Деном автор не был знаком, рассказ о нем написан по литературным источникам, но создается полное впечатление того, что автор лично хорошо знал своего героя.

В работе интересны не только портреты ученых, написанные с большой любовью и уважением, но и позиция автора, в концентрированном виде выраженная в предисловии и послесловии и пронизывающая всю работу. Общее впечатление следующее. Во-первых, просматривается стремление (не всегда явно выраженное) противопоставить общественную географию физической географии, к сближению и даже слиянию с экономикой. Правда, автор с некоторой горечью говорит о том, что многие географы стали кандидатами и докторами экономических наук. А хорошо ли это? Подчеркивается двойственный, пограничный с экономикой характер экономической географии. А с кем, интересно, тогда погранична физическая география? А может дело не в науке, а в финансовой стороне дела (тактические причины?) – «заключить договор с субъекта-

ми Российской Федерации по экономической проблематике, например, по региональному развитию или по региональному управлению, гораздо проще, чем по географии» (с. 4). Следуя этой логике нам тогда нужно общественную географию «отдать» в экономику, социологию и политологию, а физическую географию в экологию, биологию, геологию. Проще будет решать финансовые и организационные проблемы. Автор является выдающимся географом и, конечно же, такого своей родной науке не желает. Это говорит за него обида за недооценку географии, что читается между строк, но в этом ли выход? Он и сам говорит, что такое бегство за пределы своей науки негативно сказалось на ее развитии. В то же время совершенно справедливо утверждается, что «два крыла географической науки – естественное и общественное – теснейшим образом связаны между собой, их обособленное существование немыслимо. Но и объединение, слияние их тоже невозможно. Образно говоря, с одним крылом не будет полета, развития всей географической науки» (с. 4). Правда, из этого утверждения не совсем ясно, каково отношение автора к единой или общей географии.

И, во-вторых, обида за недооценку роли Санкт-Петербургской географической школы (а это действительно так, и такой патриотизм можно только приветствовать) и определенный сарказм по адресу москвичей, явное неприятие научных позиций Н. Н. Баранского, Ю. Г. Саушкина и других. Хотя в послесловии, о чем будет сказано ниже, высказана справедливая мысль о том, что существенных противоречий между столичными научными школами нет. Вот уж это извечное соперничество двух столиц. Видимо, не всегда конкуренция бывает полезной.

В очерке о В. Э. Дене разворачивается драматическая картина борьбы научных идей с применением его оппонентами недозволенных приемов. Многим из нас и по второй половине XX века известно партийно-идеологическое давление, правда, обходившееся без жестоких репрессий. То самое «грубое вмешательство в науку властных структур с их далеко не научными доводами». И Баранский знал о возможных последствиях обвинения в антипартийной линии поведения ученых. Действительно, в той борьбе не было победителей, но были искоренены судьбы людей, ученых.

В 1934 году (уже после смерти В. Э. Дена) было принято правительственное постановление о преподавании географии в школе, в соот-

ветствии с которым экономическая география была выведена из обществознания. А. И. Чистобаев считает, что это был главный удар по этой науке, всему научному наследию В. Э. Дена, его ученикам и последователям. Возможно, что так оно и есть. Но давайте познакомимся с мнением редакторов книги Баранского «Моя жизнь в экономгеографии» (2001) Ю. Г. Симонова и К. Г. Тихоцкого (кстати, физико-географов): «В публикациях по истории географии XX века можно иногда прочесть строки сожаления о том, что победа «районной географической школы» Баранского – Борзова якобы настолько затормозила развитие других научных школ, что в свою очередь якобы нанесло определенный ущерб развитию всей нашей науки. Однако практически никогда не рассматривается возможный вариант победы «левацкого» направления в географии и его последствия».

Н. Н. Баранский же прямо пишет о том, как «районное направление» в открытом бою победило, и как оно затем потеряло важные для него завоеванные позиции. Хотя последнее скорее читается между строк. В этой «схватке идей и людей» он был заинтересованной стороной, занимал в ней активную позицию. У нас не остается сомнений с том, что при ином варианте событий могло не остаться той университетской географии, в которой выросла целая армия географов не только нашей страны, но и географов ближнего и дальнего зарубежья» (с. 5 – 6). Оставим без комментариев армейско-фронттовую терминологию, это уже сделано в рецензируемой книге. А по существу разве не так могли развернуться события? Была бы сегодня школьная география, попытки уничтожить которую не прекращаются до сих пор, как бы смогла развиваться физическая география без своего общественного крыла, – все это вопросы, на которые Анатолий Иванович фактически дает ответы в конце своей книги.

Что же касается взглядов на эту проблему самого Дена, то в очерке о нем показано, что, во-первых, Владимир Эдуардович в своих работах не игнорировал районный подход в экономической географии, а во-вторых, он был одним из первых в России, кто заострил внимание на необходимости географического исследования проблем использования природных ресурсов. В учебнике по экономической географии он ввел раздел, касающийся изучения экономических районов, говорит о необходимости использования районного подхода к изучению хозяйственного развития. То есть,

расхождений в суждениях представителей «отраслево-статистического» и «районного» направлений в отечественной экономической географии не носили сущностного характера.

Приводятся мысли Дена о том, что целевую функцию курса экономической географии он видел в «изучении современного состояния отдельных отраслей хозяйственной жизни... в их географическом распространении, а также тех физических и культурных условий, которые, так или иначе, влияют на каждую из этих отраслей». При таком подходе **«в руках экономистов экономическая география»** (выделено мной – С. Е.) перестанет быть наукой, интересующейся только количеством произведенных в разных странах продуктов или размерами ... товарного обмена; они обратят свое главное внимание на изучение тех общественных отношений, которые в разных местах и отраслях наблюдаются между людьми в сфере их хозяйственной деятельности. Этой последней и важнейшей задаче должны быть подчинены все остальные задачи экономической географии» (см.: Изв. СПб политехнического института. Т. 6, 1906. С. 35 – 84). Здесь, как мне кажется, кроется одна из причин теоретических разногласий. География, действительно, может быть в «руках экономистов», также как и экономика, математика или химия в руках географов. Дело в том, что двойственное понимание термина «наука» зачастую порождает путаницу в теоретическом осмыслении исследовательской работы. В одном смысле – это сфера исследовательской деятельности, направленная на получение новых знаний, а в другом – система идей и знаний, предназначенная для получения нового знания логическим путем из фактов, в том числе и в других науках. Например, палеогеография – с одной стороны – научная дисциплина, а с другой стороны – исторический метод в науках о Земле; математика выступает в большинстве наук как средство описания и моделирования их объектов. Таким образом, наука означает как способ приобретения знаний, так и сами знания, приобретенные этим путем.

После того, как борьба «районщиков» против «отраслево-статистической» школы Дена завершилась, развернулась новая дискуссия – на этот раз по поводу места экономической географии в системе наук: входит ли она в экономическую науку или является только частью географической науки. Эта дискуссия велась и ведется на протяжении нескольких десятилетий.

В погоне за новизной, как считает автор, в недрах этой дискуссии зародилась еще одна: является ли наша наука единой или «разделенной» на две самостоятельные части – физическую географию и экономическую географию. Делается вывод, что все эти дискуссии не дали ничего практике. Совсем не случайно в них участвовали преимущественно университетские географы. Они, мол, оторваны от жизни, не знают практики, не видят приложения своим опусам. В общем, если ты не из академического института и не «от сохи», тогда ты не совсем полноценный ученый. Интересно, откуда же тогда выросла мощная школа отечественной географической науки – из двух-трех исследовательских институтов? Весьма показательно, пишет далее автор, что те географы-экономисты, которые работали в академических или госплановских структурах не участвовали в этих бесплодных диспутах. Однако в очерке о Б. Н. Семевском утверждается что «особенно много времени и сил он вложил в дискуссию о месте экономической (общественной) географии в системе наук, отстаивал мнение о том, что экономическая география входит одновременно как в систему географических, так и в систему экономических наук...

В ходе обсуждения вопроса о месте экономической географии в системе наук возникла еще одна дискуссия – о единстве географии, которое провозгласил и твердо отстаивал москвич В. А. Анучин. Ленинградцы во главе с лидером физической географии С. В. Калесником и лидером экономической географии Б. Н. Семевским обосновывали мнение о «разорванной» географии, то есть разделение ее на два крыла – физическую географию и экономическую географию. В середине 60-х годов XX века эта дискуссия достигла кульминации – между московскими и ленинградскими географами возникла стена непонимания.

После кончины Б. Н. Семевского его преемник по заведованию кафедрой экономической географии в Ленинградском университете С. Б. Лавров сделал решительный шаг в сторону теоретических суждений московских географов – опубликовал ряд статей об усилении интегративных тенденций в географии (по мнению автора, чтобы быть избранным Президентом Географического общества – примечание мое – С.Е.)» (с. 26 – 27). Не такая уж это бесплодная дискуссия оказывается! Вопросы об объекте и предмете науки, ее месте в системе наук являются важнейшими теоретически-

ми и методологическими проблемами любой науки, в том числе и географии. Кстати, в очерке о Семевском Анатолий Иванович и сам пишет об актуальности вопросов, связанных с определением места общественного крыла географии в системе наук и с обеспечением синтеза географических дисциплин. «Думаю, ныне это стало вполне очевидным и для тех, кто еще недавно выступал за приоритет физико-географических знаний, а в новых условиях вынужден был хотя бы приблизиться к проблематике другого крыла географии. **С уверенностью можно сказать так: если географическая наука лишится своего общественного крыла, то ей не видать места под Солнцем** (выделено мной – С. Е.). Вот почему так важно еще раз обратиться к анализу трудов ученых, которые всегда были убеждены в этом. В ряду таких ученых на первом месте – Б. Н. Семевский» (с. 27).

Интересно, что через многие труды Дена проходит мысль о том, что человек сможет выжить, если будет стремиться к созданию нового типа цивилизации, когда будет обеспечена гармония Природы и Общества, развит духовный мир Человека. В этом он созвучен со своим выдающимся соотечественником В. И. Вернадским. Эти идеи получили ныне признание и развитие в концепции устойчивого развития.

В очерке о Борисе Николаевиче Семевском мы находим множество интересных фактов из жизни этого ученого и той эпохи. Его труды хорошо известны и доступны современному читателю. Москвичи, как правило, критиковали его точку зрения относительно места экономической географии в системе наук, а в узком кругу единомышленников, которым доверяли, осуждали его приверженность марксизму-ленинизму. В очерке довольно много внимания уделено дворянскому происхождению Семевского. Все это интересно с житейской точки зрения, но мало чего добавляет к портрету ученого. Тем более стоит ли удивляться тому, что он был марксистом. Таких примеров в российской истории было много.

Семевский последовательно и систематично развивает взгляды о месте экономгеографии в системе наук, понимания экономической географии как системы общественно-географических наук. Им была проанализирована система наук вообще, система географических наук и обоснована система общественно-географических наук, определены связи последних с политической экономией, другими экономическими науками, а также связи внутри са-

мой системы общественно-географических наук.

Большой интерес представляет обзор переписки ученого с Ю. Г. Саушкиным. Делается вывод, что расхождения во мнениях не носили столь принципиального характера, как преподносилось впоследствии. Борис Николаевич вовсе не отвергал необходимость опоры экономической географии на фундамент физической географии, а наоборот, всячески подчеркивал важность физико-географической информации для экономико-географического анализа и прогноза. Но, вместе с тем он говорил и писал о необходимости связи экономической географии с экономической наукой, и в этом отношении он, безусловно, был прав. Не отвергал он и значимости зарубежного опыта географических исследований для развития отечественной науки.

Пронизан любовью и теплотой чувств очерк о Николае Тимофеевиче Агафонове – учителе и друге Анатолия Ивановича. Он завершается рассуждением о проявлениях весьма уважительного отношения к учителям. Любил своих учителей и свято чтит память о них Н. Т. Агафонов. Любил Николай Тимофеевич и своих учеников. И это очень важно помнить всем нам и передать студентам.

В послесловии Анатолий Иванович весьма пессимистически предполагает негативную оценку его работы со стороны москвичей и представителей естественного крыла географии. Он даже не надеется на то, что будет ими прочитан: «По крайней мере, один из них прочитал. Я физико-географ и учился в аспирантуре Московского государственного университета, но вовсе не считаю себя сторонником географии без человека, каковыми, с точки зрения автора, мы являемся. Хотя бывает и такое, чего уж греха таить».

Завершается книга словами, под которыми, как мне кажется, подпишется большинство географов всех направлений и школ: «Современная общественная география – это система научных дисциплин, направленных на изучение Земли людей на различных уровнях околоземного пространства – от глобального до локального. Ни одна из ее парадигм, в том числе изначально важная региональная, не имеют право на монополию. Об этом всегда должны помнить те, кто посвятил себя географической науке – от студента до маститого ученого.

Признавая факт наличия у географической науки двух крыльев – естественного и гумани-

тарного (отрицать этот факт просто нелепо), нельзя и дальше допускать, чтобы они имели разную мощь, иначе полет (развитие) географической птицы (науки) будет происходить по кругу. Значит, для движения вперед у географии есть один выход – ускоренно укреплять второе крыло, то есть развивать общественную (гуманитарную) географию. Только в этом случае будет шанс на выживание и у физической географии. Таковы объективные предпосылки развития общественной географии и требования современности, такова логика Жизни» (с. 74 – 75). Добавим, что двух крыльев все же недостаточно, должно быть и туловище с головой – единая или общая география, изучающая пространственные системы, формирующиеся на земной поверхности в процессе взаимодействия общества и природы.

В заключение хочется выразить слова благодарности автору за интересную книгу. Не хотелось бы, чтобы у читателя рецензии сложились представления о моем уж очень критическом, или даже негативном отношении к очеркам А. И. Чистобаева. Эта интересная и неординарная работа, раскрывающая многие мало известные страницы истории географической науки и ее творцов, мною прочитана, как говорится, на одном дыхании. Убежден, что эту книгу должны прочитать студенты-географы, аспиранты и молодые исследователи. А для этого она должна быть доступна, но тираж 150 экземпляров делает это проблематичным. Мне кажется, что РГНФ может и должен поддерживать подобные издания. Такие книги и учат и воспитывают.

С. П. Евдокимов

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «УНИВЕРСУМ»
СМОЛЕНСКОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ПРЕДЛАГАЕТ

Чистобаев А. И. О ЖИЗНИ И ГЕОГРАФИИ С ЛЮБОВЬЮ. – Смоленск: Изд-во «Универсум», 2004. – 400 с.

Издательство «Универсум» при Смоленском гуманитарном университете готовит к изданию 3-томное сочинение известного ученого, заслуженного деятеля науки РФ, д.г.н., профессора Чистобаева Анатолия Ивановича «О жизни и географии с любовью». В этом многоаспектном труде автор рисует впечатляющую картину развития географической науки, портреты своих коллег: Н.Т.Агафонова, Л.Н.Гумилева, В.Э.Дена, К.П.Иванова, Б.Н.Семевского и др. (всего 17 ученых). В книгах помещены известные читателям и высоко оцененные ими публицистические очерки о судьбах рек, русской деревни, об этносах России. С нарастающим интересом читаются дневники автора, воспоминания о его путешествиях, встречах и дискуссиях со своими коллегами. Издание рассчитано на самый широкий круг читателей – от старшеклассников до маститых ученых. Второй и третий том выйдут в следующем году.

Телефон: (0812) 68-36-88. E-mail: abc@shu.ru

**Научный журнал «Региональные исследования»
№2 (4), 2004 г.**

Главный редактор Катровский Александр Петрович
E-mail: region@shu.ru
Технический редактор: компьютерная верстка – Касьяненко Е. Н.

ИД № 02774 от 7.09.2000
Подписано в печать 15.02.2004 г.
Формат 70x108 $\frac{1}{16}$. Гарнитура «Times».
Печ. листов 14. Тираж 300 экз.

Издательство «Универсум».
214014, Смоленск, ул. Герцена, д. 2.
Тел.: 68–34–45. E-mail: abc@shu.ru

При перепечатке ссылка на «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» обязательна